

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№2(32) 2019

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир КРУПИН
«Вот мы, Господи!...»4

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА
«Соборности великий дар...»16

Пётр ГУЛДЕДАВА
«В извечных войнах двух начал...»56

Евгений ХАВАНОВ
«Заветная наша дорога...»111

Алексей СЕРГЕЕВ
«А я всё мечтаю...»166

Инна МУХИНА
«Отражается в рифмах судьба...»181

ПРОЗА

Юрий КОЗЛОВ
Коридор24

Евгения ПОЛЯКОВА
Метаморфозы.....100

Раиса ТЛЯКОВА
Жизнь за жизнь164

Александр БРЮТТ
«Покаянные записки окаянной жертвы
обстоятельств»189

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№2(32) 2019
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 28.06.19.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ F-3934

Отпечатано

в цифровой типографии

«Буки Веди» на оборудовании

KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

ДРАМА

Юрий БОГДАНОВ
Джюльетта.....59

Светлана ЗАМЛЕЛОВА
ДНК.....119

Ирина ЛЕСНАЯ-ИВАНОВА
Последний монолог А. Шопенгауэра.....171

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Василий ПОЛЯКОВ
Как искореняли натуральную оспу.....157

ПАМЯТЬ

Анна МАЯКОВА
Неотправленное письмо.....186

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Современность характеризуется крайней размытостью представлений практически обо всём. Нынешняя неофициальная идеология «мировой цивилизации» откровенно ставит своей целью уничтожение границ и различий между добром и злом, фактически отрицая любую традицию и историчность. В каждом отдельном случае это имеет свои особенности, но в целом – сегодня подвергаются испытанию на жизнеспособность самые основы человеческого общества в его многонациональной полноте. На это выделяются неисчислимы финансовые ресурсы, огромная армия странных людей с болезненным упорством бросает вызов всем традиционным формам жизни, культуры, духовности, национальной и государственной самобытности. Взамен агрессивно навязывается либеральное безумие, которое отличает маниакальная методичность в неприятии всего естественного человеческого. Это проявляется во всех без исключения формах жизни, но особенно явственно и шокирующе это видно по тому, что предлагается нынешними либеральными корпорациями и «кругами» в качестве «новой литературы». И хотя в последнее время появилась серьёзная критика, предметно и убедительно выражающая выморочность «магистрального» литературного процесса, но до широкого читателя она практически не доходит. В условиях рынка неизбежно побеждают соответствующие технологии, и читателю навязывается нечто бесконечно далёкое и от русской литературной традиции, и от литературы вообще. Противопоставить этим тенденциям можно только верность общенациональному классическому наследию и родному языку.

Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» отражает современный российский литературный процесс, сохраняющий преемственность по отношению к великой русской, российской литературной традиции. Основу наших публикаций составляют стихи, проза, литературно-исторические и публицистические материалы современных российских авторов. В этом номере широко представлена современная русская драматургия.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2019
© Авторы, 2019

«Вот мы, Господи!..»

С миру по строчке

Пошли в мир через Интернет мои записочки на бегу, выхваченные из бегущего времени, эти малые формы, вззирающие на большую жизнь. И я был рад, что они замечены. Хотя и малы по размеру. Ну нет у меня сил на большой текст, может, и не будет: не мальчик уже. Но чем плохо для писателя в нашем торопливом времени не отнимать у читателя много времени для чтения?

Да, поместили и на «Русской народной линии», и «Российском писателе», но лучше бы и не читать комментариев. Ведь никогда не читал. Тут говорят: «Какой у тебя успех, много отзывов». Стал смотреть. Полная тоска! У меня в первых заметках упоминание о ливерпульской четвёрке. И как взвились, и как их защищают. И бесполезно чего-то объяснять и доказывать.

Все забыли подвиг русских моряков в начале 60-х, когда они (Зиганшин, Поплавский, Крючковский, Федотов) потрясли мир, выжив в нечеловеческих условиях и сохранив дружбу меж собой. Вот она духоносная четвёрка, а не поющие, прыгающие бесы, много сделавшие в продвижении наркотиков и лёгкости отношения к внебрачным связям. Вот что мною двигало, протест к деланию из Джона, Пола, Джорджа, Ринго идолов. Причём многие комментаторы дальше прочтения этой записки не двинулись.

И какая во всех комментариях самоуверенность, как лихо учат писателя писать. Вот спасибо! Тут мне даже очень грустно. Я в себе очень сомневаюсь, то, что пишу, выстрадал, но я же нигде, никому не навязываю свои мысли как образец для подражания.

И ни за что не приму я понятие «битломания навсегда». Посмотрите записи их концертов, что это? Это, по-моему, беснование. Да и не по-моему, а просто сдвиг по фазе. Особенно психованные девицы. Движения судорожные, дерготня головой, руками, глаза безумные.

Владимир КРУПИН

Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

Рассказы о них соответственные: как поклонники дежурили у окон отеля, где жили поп-рок-музыканты и когда из окна вылетала недокуренная кем-то сигарета, то из-за окурка дрались. За чинарик, говоря по тюремному. Или: Леннон рассказал, как он украл губную гармошку и, конечно, фанаты кинулись их воровать на горе продавцам. Такой вот образец для подражания.

А этот лозунг: любовь вместо войны? Продолжать?

Да, ещё немного. Бари Алибасов тоже свою четвёрку «На-На» создал, они тоже были, как говорят, раскручены и успешны. Так вот, сам слышал, он в интервью говорил о них, что пусть они будут педерасты, но чтоб не женились. Женатые неинтересны для фанаток. По его словам, певцы «На-На» были не бесполом «ласковым маем», а «жеребцами-осеменителями». Не будем судить этого циничного человека, его ответы на Страшном суде впереди.

В завершение темы надо сказать, что битлы (в переводе – жуки) в прямом смысле вылезли из-под земли: первые концерты были в бывшем бомбоубежище, так что явились битлы будто из преисподней. Сооружение для защиты от бомбёжек послужило нападению на умы, оглупляя их, и на сердца, их ожесточая, предлагая взамен утешение в виде «лёгких» наркотиков.

Так сошлось, что именно сейчас вылезла во весь экран реклама спектакля, названного именно «Битломания», и мой праведный гнев усилился. Рекламные фото соответственные. Снова бесовщина. Постановка Стаса Намина.

Боже мой, кто же у нас в учителях молодёжи? Кто в кумирах? «До чего мы дожили? И до чего ещё доживём?» – так сказал в начале 80-х мой отец, увидев одну девушку в брюках, а другую – в коротенькой юбочке. Дожили, отец. И продолжаем доживать.

— Одной ногой, дорогие товарищи, – говорит партийный лектор на стыке времён Хрущёва и Брежнева, – мы уже стоим в коммунизме, а другой ещё в социализме. Сейчас, товарищи, переходная фаза развития общества.

– Можно вопрос, – встаёт колхозник. – Скажите, долго нам ещё на раскорячку, на расшарагу стоять?

Всю жизнь спасает меня детство. Оно у меня было в раю. Вятские места очень подходят для рая. И, если заслужу пойти в рай после кончины, то, конечно, буду искать там дороги и тропинки детства. О, если бы не они!

Как милостив ко мне Господь: сохранил в памяти всё-всё хорошее, а всё-всё плохое из памяти убрал. И, как ни силюсь вспомнить обиды и огорчения, не могу вспомнить, их не было. Да, мои проступки, грехи помнятся, а чтобы сердиться на кого-то за что-то, этого нет и близко. Меня окружали только хорошие люди. В семье, школе, армии, институте, в трудах физических и умственных, да. Как многих помню и как жалею, что многих забыл. Но они же есть, они ещё встретятся.

Собой любви к женскому полу Юрий Кузнецов не испытывал. В стихах, по крайней мере. Примеры в любой его книге. Не любовь – противостояние описывает.

Но одно его сравнение супружеской жизни с птицами, орлом и совой, нигде, ни у кого другого, мне не встречалось. Сова – ночная птица (вспомним: ночная кукушка дневную перекукует), а орёл – высота. И вот – сову пробудила и зацепила, и увлекла за собой тень орла. Она влетела в эту тень и уже не могла из неё вылететь, она же слепнет на свету. И в этой тени была обречена летать.

«И, ненавидя, повторяла его высокие круги».

В ранних стихах у него лошадь выщипывала свою тень. Но с орлом и совой гораздо сильнее. Именно так – ненавидя. Но уже полностью зависима.

«**Г**ости к Богу не бывает опозданий», – возгласил Высоцкий в стихотворении «Кони привередливые». Его доселе считают культовым.

Но как же не бывает? А кем же тогда наполнен ад? Именно опоздавшими. Это фраза ради фразы, это, допустим, поэзия, литература, словесность, филология, но это ложь и обман. Красивость утешающая. Это из повсеместной отговорки: «Я ещё молод, силён, ещё успею в церковь придти».

Не успеешь, брат. Не такие не успевали. Фраза – полное враньё. Бесовский обман. Так что не стегай нагайкой ни коней, ни судьбу.

«Я от себя побегал вволю, пришла пора идти к себе», – сказал другой поэт, вовремя очнувшийся от наваждения жизненных неисчислимых проблем.

Так что опоздать очень просто.

– **Р**азрешите, я открою форточку в зелёный сад. Разреши, хозяйка дома, серебрянку станцевать.

– Мы с товарищем дружки, матаням сделали брюшки. Загадали в одну ночь, он на сына я на дочь.

Миллионы, миллиарды, и всё на ветер. Не о деньгах речь, речь опять об очередной болтовне о сотворении мира и жизни. Что нужно для сотворения жизни? Триада: вода, молекулы, энергия. И вот из этого явилась жизнь. Оказывается, вода может храниться 15 миллионов лет. То есть я и в это верю. Лежит вода под землёй, куда ей торопиться. Но сама-то, она-то откуда, спросим? А микробы, читаю сенсацию, появились аж почти четыре миллиарда лет назад. А как появились? Из какого яйца? Кто высидел? А энергия откуда? Ну, ясно, от радиации.

Такие новые сказки учёных.

Так кто же для этих учёных эти ингредиенты: воду, молекул, энергию для создания жизни сотворил?

А кто самих этих учёных сотворил?

Тут я высказываю свою гипотезу: их сотворили те, которые произошли от обезьяны. И этим учёным тоже очень сильно хочется произойти от обезьян, поэтому я предлагаю пойти им навстречу и просить депутатов Госдумы принять решение: завести в паспортах графу Происхождение. Три варианта ответа. Первый: от Адама, второй: от обезьяны, третий по усмотрению владельца паспорта.

Адам, сказано нам в Писании, сотворён Господом. А обезьяны – это бывшие люди.

Но ведь могут и не принять такое моё предложение. Страшно подумать, а вдруг те, кто должен его рассмотреть и принять, произошли не от Адама.

– **К**оммунизм не за горами, – вещает лектор ЦК КПСС.

– Так мы и живём не за горами, – говорит один из слушателей. – Значит, получается, у нас уже коммунизм?

Ответьте мне нынешние умники: что это? Совковость, патриотизм? Товарищ сказал мне, что в его отрочестве, в школе, было такое убеждение, что

если у тебя есть тройки, ты не имеешь права идти смотреть кинофильм «Молодая гвардия». Это не было в приказном порядке, а полагалось на совесть каждого. И все старались исправить оценки.

Этого товарища зовут Валентин Распутин.

Сухая молния. Из села Троицкое перевезли в село Селино закрытую уже церковь. Крепкое здание, собирались в нём открыть клуб.

Перевезли.

В день открытия в здание ударила, как говорили, сухая молния. То есть не было никаких признаков грозы, не было туч, дождя. «Стукнуло, – рассказывала старуха, – и сразу полыхнула. И тушить не пытались».

Читаю сляпанное дело о распространении религиозной литературы. 60-е годы. Это донос сексота (секретного сотрудника, стукача): «В неустановленное время, но не раньше девяти утра и шестнадцати вечера, неустановленными лицами числом до трёх, было внесено в наблюдаемый дом неустановленное число экземпляров в сумках холщовых весом на взгляд примерно 5–8 килограммов».

Не гнед, а саврас. Сколько раз в детстве употребляли мы это выражение, которое автоматически высказывало на слово «нет». Идёт спор. Один говорит на что-то: нет, другой тут же: негнет, а саврас. А это о мастях лошадей. Гнедой и саврасый кони. О бесполезности спора, может быть.

Всегда в детстве смотрели на солнце. Даже не знаю, кто научил. Конечно, взрослые, вспоминая своё детство. А наши бабушки и дедушки пришли ещё из 19-го века, значит, также на Пасху смотрели на рассветное солнце. А это пришло к ним из Новозаветной рани: солнце ликовало, приветствуя Воскресение Христово. И эти слова: солнце на Пасху играет, пришли и к нам. Уже и я говорю их деточкам. Многие и так знают. Не один я такой дедушка.

Смотреть на солнце невозможно – ослепнешь. Надо сильно-сильно щуриться, пропуская крохотную частичку лучей сквозь ресницы. И этой частички хватает, чтобы увидеть, как солнце играет, прямо сияет от радости. Прямо живое! Сжимается, разжимается. Разного цвета: солнечного, жёлтого, и серебряного с прозеленью, и ослепительно белого, Фаворского. От него отскакивают лоскутики пламени, как от сильного костра.

А ещё можно и так, даже лучше. Сжать пальцы в кулачок, но не до конца, оставить ма-хонькую щёлочку, и навести этот такой телескоп на солнце. Вот оно, прямо брызгает стрелами тонких лучей, фонтанчиками света и цвета. Христос Воскресе!

– **П**ервое Мая – курица хромая! – кричали мы. И то ли нас никто не слышал, то ли мы выбирали места для игр уединённые, но никто никогда не пресёк этот возглас. А ведь в нём не было никакого почтения к празднику международной солидарности.

Была потом школа, майские праздники, демонстрации. Шла обязательно вся школа.

И вот, спустя семьдесят лет своей жизни, попробую понять: почему же не была понятна ни нам, ни нашим взрослым суть слова ДЕМОНстрация? Праздник демонов, чернокнижников, демонстрация их нечистой силы, ведьм,

вурдалаков, привидений, упырей, оборотней, вампиров. Видимо, такое было ослепление.

Но что такое Россия? Россия и Первое мая перемололо и сделало праздником. И не вкладывало в него никакого поклонения оборотням. Хотя политическая подкладка, несомненно, была.

Годы и годы прошли. Опять демонстрация. Но никаких политических лозунгов, видно, что люди вышли по своей воле, рады общению.

Смотрю интернет: Европа, ряженые идут. Ряженые под уродов, размалёванные под дикарей, да как их много. И гора Броккен знаменитая, и селения вокруг неё, носящие названия Харцгероде, Гернроде, Хассероде. Для сведения: слово «роде» означает кровь и руду. А «руда» – это тоже кровь в русском языке. Отворить руду – пустить кровь. И ещё: руда в северных говорах – это грязь, пятно, нечистота.

Всю ночь длится шабаш сатанистов. Откуда слово шабаш? Очень похоже на иудейское слово шаббат – канун субботы. Если полчища этой бесовщины не стесняются себя выставить в неприглядном виде на общее обозрение, даже бравадируют своим непотребством, то что же у них творится потом, когда они сами с собой.

Но что нам до них?

Нас, в наших северных краях, спасала удалённость от такой Европы. А ещё было у нас вот что: именно первого мая мы свершали первое весеннее купание. Прямо ритуальное. Можно бы и уклониться от него, но кому хочется прослыть трусом. Не в реке купались, это север, очень холодная вода, да ещё и, бывало, лёд не до конца сошёл, а купались в озере, которое (символично!) называлось Поповское. В нём вода прогревалась раньше. Почему его так называли, не знаю, но что-то ограждающее в этом названии есть. Погружаясь в него, мы омывали тела и души.

Взрослые устраивали маёвки. Которые начались до революции и ускоряли революцию. Там у них и выпивка была и всякие игры. Особенно популярны были игры с завязанными глазами.

Дохромала курица хромая до наших дней. С улыбкой вспоминаю её.

— Абрам, а не выпить ли нам по рюмочке коньячку? – А почему бы и нет. – Ну нет, так нет.

Тяжёлым камнем ложится на русских напраслина обвинений во всех смертных грехах. Мы и такие, мы и сякие, во всём виноваты. И это надо вытерпеть и пережить.

И неужели не слышны вопли русских могил, засеявших земли всех материков? За кого погибали? И как тяжело русским костям дожидаться всеобщего Воскресения, когда кости эти помчатся по воле Господа в родные места.

А девять где? Проказа, иначе лепра – страшнейшая болезнь. Упоминается во многих памятниках письменности, Священного Писания. Яркий пример из Нового Завета: Спаситель слышит крики десяти прокажённых и подзывает их. Они не смеют подойти, им запрещено приближаться к людям. Он Своим Словом исцеляет их, посылает к священникам. Они пошли и по дороге очистились. Один (один!) исцелившийся возвращается ко Христу и падает к ногам Его, благодарит за спасение. «Не десять ли исцелилось? А девять где?» – спрашивает Иисус.

Да, где девять выздоровевших и тут же заболевших тяжким грехом неблагодарности? Как они потом жили? Ведь, несомненно, узнали о казни на Голгофе. Может, кто из них и был в это время в Иерусалиме?

Где девять? А мы и есть в числе девяти. Неисчислимые благодеяния получившие и неблагодарные. Вчера шёл по улице и остановился возле храма. Службы не было, но мы, православные всегда осеняем себя Крестным знаменем при виде храма. И что-то мелькнуло: дай постою, подожду, пока трое прохожих не перекрестятся, проходя.

А людей идёт много. Стал ждать. И сколько же я стоял? Молодые, старые, с колясками, на велосипедах, самокатах, торопливо и медленно идут и идут. Я стоял и вспоминал, как лет тридцать пять назад был в Кракове и стоял около огромного уличного распятия и смотрел на прохожих. Так вот, там всё-таки, пробегая, проходя, они крестились на Распятие. Далеко не все, торопливо, но крестились. Помню, я ещё очень негодовал, видя и тех, кто пробежал, совсем не замечая Распятого Христа. Думал: да нам бы в России так открыто вынести на улицу Распятие, вот бы какая была радость, какое свершение ожидания прихода Спасителя. А у нас тогда ещё только приближалось Тысячелетие Крещения Руси.

И приблизилось, и пришло, и прошло.

Неужели только один из десяти сохранил в сердце благодарность за открытые храмы, семинарии, духовную литературу? За возможность исповеди и Причастия.

И еле-еле дождался троих прохожих, осенивших себя знаком Креста: две женщины, молодая и в годах, и один старик.

Горько было. Но утром пошёл на службу в родной храм. Много всех, и взрослых, и детей. Есть, есть оно, малое стадо Христово!

Есть-то есть, но вот поцелуем мы вынесенный из алтаря Крест, выслушаем благодарственные молитвы и выйдем из храма. Растворимся в неисчислимой толпе, составленной из девяти, девяти, девяти...

И звучит в нас обращённый к нам скорбный вопрос Распятого за нас Христа: «А девять где?»

Сегодня в храме прямо детский сад. Пришли три многодетных семьи. Папы и мамы совсем молодые, а у них уже по четыре-пять деточек, малыши, лет трёх-четырёх-пяти-семи лет, не больше. Но как стоят, как крестятся, как идут ко причастию! Девочка, ожидая его, сидит на руках у отца и таскает за волосы впереди стоящего братика. Он терпит, будто его не теребят, а гладят по головке. На Крестном ходу, при окроплении, дети радуются, когда до них долетают капли Святой воды.

Ими любят и, думаю, не один вздохнёт, глядя на счастливых родителей и вспоминая своих деток и внуков. Что их-то нет в храме.

Такой вздох и мне достался.

Украинский расчёт

А так люблю Украину, что всё происходящее в ней воспринимаю близко к сердцу. Увидел её вначале из окна вагона в июне 65-го, а потом, во все остальные годы в поездках по ней. Поллюбить её очень помог Николай Васильевич Гоголь и то, что в начале 60-х я служил в армии в ракетном дивизионе, который, так получилось, был сплошь из украинских хлопцев.

Мы понятия не имели о каких-то национальных разногласиях. Разве шутка: где хохол пройдёт, там двум евреям делать нечего, для кого-то обидно? Или если меня обзовут москалём, что мне от того? Это ж не лягушатник, не макаронник. Даже приятно: всё был вятским, а тут уже вроде как в москвичи попадал. Представить было невозможно, что из-за таких пустяков можно рассориться. Но пришли в нашу жизнь майданы. И решения Переяславской Рады («Волим под царя московского») украинцы, малороссы, стали забывать. А мне не верилось и не верится, что мои сослуживцы стали моими врагами. Да не будет!

Украинизация Украины началась и проходила при Сталине. Государством стала считаться, когда получила право голосования в ООН. Хрущёв – первый секретарь ЦК компартии Украины, затем и первый в СССР. Уничтожил армию и православные храмы. Крым подчинил Украине. Перед Сталиным лебезил, а Сталина ненавидел. Видимо, за то, что тот называл его «толстый голубь Никита», и однажды заставил плясать за сушку к чаю. (Хрущёв сам об этом рассказывал на Приёме деятелей литературы и искусства). И за то ещё, как однажды на просьбе Хрущёва увеличить норму расстрелов, вождь написал: «Уймись, дурак».

Потом «толстый голубь» жестоко отомстил. Всю кровь, все беззакония, все свои неудачи свалил на Сталина. Но вот интересно: много лет надрываются демократы, обливая грязью Сталина и обеливая Никиту, и ничего не выходит. Почему? Сталин собирал страну и укреплял. Советский Союз диктовал правила поведения на планете, а Никита страну разрушал и разбазаривал. И в памяти народной, как был Никита-кукурузник, так и остался.

Хотя мне лично сердиться на Н.С. Хрущева не за что. Более того, ему благодарен, из его рук получил отпуск на родину осенью 1962-го. Тогда я был командиром стартового расчёта, который откомандировали в Чапаевку, где на аэродроме готовилась выставка авиационной и ракетной военной техники. Всё красилось и мазалось. Моему расчёту было доверено провести показательный перевод ракеты из транспортного положения в боевое. На это отводилось две минуты.

Тренируясь почти круглосуточно, мы сбавили время до минуты сорока пяти секунд. Ох, и орлы были мои парни: первый номер Мыкола Гончар, второй Ваня Падалко, третий Венька Малых, а водитель, о, водитель – Лёха Чертовских из Белгородской области. А нас поддерживал запасной расчёт, из которого помню Титюру и Балюру. Где вы, парни? Где ты наш боевой комбат Шелестюк?..

На смотр техники Хрущёв привёз огромное количество иностранцев. Комбат ворчал, мы слышали, что это свинство – показывать врагам секреты. Он подошёл к нам, видно было, волновался. Мы меньше, потому что нам надо было работать, а не смотреть со стороны.

Показ техники начался с самолётов. Они взлетали (тогда я впервые видел вертикальный взлёт. Иностранцы хлопались от страха в обморок: русские не будут тратиться на взлётные полосы), самолёты уносились вдаль, мгновенно возвращались после разворота и именно над нами переходили звуковой барьер. Гости глохли. Мы ликовали. Было на что поглядеть.

Подошли и к нам. Надо сказать, что в последнее перед показом утро Шелестюк, пряча глаза, велел (не могу сказать – приказал) подготовить ТЗМ, транспортно-заряжающую машину, в просторечии тэзээмку, то есть заранее отстегнуть стяжки, вынуть чуть не до конца дуги, на которые натягивался

укрывающий ракету брезент, открутить чуть ли не до конца винты скрепов, это сокращало, конечно, время на операцию, но, конечно, было обманом. Шелестюк посмотрел на расстёгнутый ворот Лёхи, но в это утро смолчал. Наш Лёха был такой разгильдяй, что командир части пообещал ему демобилизовать его только 31 декабря в одиннадцать часов вечера. Но как водитель Лёха был лучшим в части.

Мы выстроились у пусковой установки. Напряглись. Рывкнула сирена – команда на перевод ракеты в боевое положение. Лёха рванул тэзээмку, моему, с четвёртой скорости, влетел на стартовую площадку и замер перед пусковой установкой с точностью до миллиметра. Потом сержанты говорили, что нам начали хлопать именно с этого Лёхиного рывка. Я ничего не слышал. Тогда я понял, что такое – одно дыхание и одна воля. Всё свершалось в доли секунд. Я был глух для всего, только слышал летящее ко мне: «Первый готов! Второй готов! Третий готов!» Команды мои были помимо меня, я был частью того, что вместе с ракетой вздымалось; поворачивалось, ложилось на направляющие установки, неслось к газоотражателю, выходило на курс. Последнее, что я обязан был сделать – схватить телефон батарейной связи и доложить командиру батареи о готовности. Этого не потребовалось, помешал Хрущёв и маршал Гречко. Они подошли первыми. Мы стояли у готовой к пуску ракеты. Когда Лёха угнал пустую тэзээмку, я не видел. Хрущёв сказал:

– Кто первый, второй год – тому отпуск. Кто третий – досрочный дембель. – Так и сказал по-солдатски – «дембель». Наш мужик! Ох, мы с ним покажем всем кузькину мать! Недаром мы знали частушку: «Подрастает год от года сила молодецкая. По всему земному шару будет власть советская».

Тут к ним подошёл ещё один маршал и что-то сообщил. Хрущёв вспыхнул и гневно закричал:

– Что такое? Какая подтасовка? Повторить!

Мы поняли, что иностранные наблюдатели не верят, что так быстро можно перевести ракету из походного в боевое положение. Ещё бы: подъехать, расчехлить, заправить окислителем, развернуть ракету, сравнять с направляющими рельсиками пусковой установки, загнать по ним ракету на установку, выйти на угол слежения... и всё это за минуту пятьдесят?

Итак, приказали повторить всё сначала. О, здесь за нами следили сто глаз, особенно зырили иностранцы в высоких фуражках. Может, привыкли: что в их армиях их тоже обманывают? Всё у нас проверили: все винты, все ремни.

Хорошо помню тот азарт, то чёткое, почти озорное напряжение, с которым мы радостно и рьяно переводили ракету и первый, и второй раз. А ведь во второй предстояла операция посложнее первой: уже всё было без обмана. Затянуто до предела. Пошла сигнальная ракета, я услышал крик Шелестюка: «К бою!» и дал отмашку Лёхе. Лёха рванул и через секунду, опять же с точностью до миллиметра, поставил ТЗМ около установки. Выскочил из кабины помогать. Это уставом не запрещалось. Парни мои, парни! Пишу сейчас и слезы проступили, золотые мои парни, стартовый наш расчёт. Что, Мыкола и Иван, неужели мы с Лёхой для вас – кляты москали, кацапня собачья, а? Так вам ваши кашеи безсмертные, по-украински чахлики немерующие, внушают, так? Нет, не верю, седые мои однополчане. Как верил в вас тогда, на аэродроме в Чапаевке.

Как сейчас слышу крик: «Третий готов!», как сейчас срываю трубку связи и кричу в неё: «Изделие к старту готово!»

Итак, нам были даны отпуска на родину, капитан Шелестюк стал майором. А куда же делся дембель Лёха Чертовских? Обманули его наши командиры, не послушали главу государства. А мы уже снаряжали Лёхе почётный дембельский рюкзак, обшитый тряпками с названиями городов Рио-де-Жанейро, Токио, Лондон, Париж, уже достали ему через макаронников (сверхсрочников) форму ПШ – полушерстяную, а приказа на него всё не было. И не только досрочного, срочного. «Октябрь уж наступил», уже все старики-третьегодники поехали, Лёха оставался. Сам бы он ни в жизнь никуда не пошёл права качать, пошли мы за него. К замполиту.

Мы напомнили о приказе Хрущёва досрочно демобилизовать водителя ТЗМ Чертовских. Замполит обещал помочь. Но помог своеобразно. Лёхе вышел приказ – вырыть огромную яму для общего туалета на сорок посадочных мест, по двадцать с каждой стороны. Помогать ему запрещалось. Лёха молча начал рыть. Когда он ел, когда спал, никто не видел. Он провёл в котлован свет и рыл ночью. Вот ночью, правда, немного подсобляли. Учил нас Лёха любить свободу. Уезжал, разревелся, как мальчишка, бестолково и неловко тыкался губами к нашим щекам.

И мы на будущий год разъехались. Кто на родину, кто поступать в институты. И долго потом снились нам армейские будни. И часто бывало – вскакивали ночью, когда в памяти слуха раздавался крик дневального: «Батарея! Подъём! Тревога!»

Тревога, братья, украинцы, тревога. Не тешьте бесов раздорами.

Что спасёт Россию?

Почему, во все времена существования России, на неё нападали, старались подчинить, уничтожить? Разве только из-за её богатств? Нет, нападавшим само наше существование невыносимо. Почему же к нам такая злоба? Да потому, что Россия идёт за Христом, а все идущие за ним, это предсказано в Писании, будут гонимы. Так что такое отношение к нам со стороны обезбоженного мира нормально. Православные – то малое стадо, и единственное, которое спасётся. Давайте представим, что весь мир отвернулся от Христа, и верными ему остались только православные. И мы были бы сильнее всего мира. Так что «разумейте языцы и покаряйтесь, яко с нами Бог».

Мир лежит во зле, мир отошёл от Христа. Единственное, что ещё может его спасти – это Православие. Тот драгоценный бисер, который получил от Византии святой равноапостольный князь Владимир. А затем и мы, грешные, в водах Днепра. И с тех пор у нас одна история – мы или приближаемся ко Христу, или удаляемся от него. Русские и народы России выращены Православием. Легко представить земной шар единым телом. Но тело не может быть без души. Душа мира – Православие. Если что случится с Россией, остальной мир погибнет тут же. Так что миру пора бы образумиться и не нападать на нас, а лелеять.

Приход молодёжи в церковь испугал и усилил сатанизм, который пришёл на смену государственного атеизма. Враг использовал перестройку для захвата последнего бастиона Царства Божия на земле.

Для этого принимаются усилия на закабаление отроческих и юных душ, идёт пропаганда образа жизни, отторгающего от святынь, разврат называется красивой жизнью, любовью – игры партнёров, внедряется в сознание

законность гражданских браков, славится похабность шведских образцов, высмеивается верность и преданность, отроки и отроковицы переделываются в тинэйджеров и фанатов. Всё это открывает адские глубины.

Колокола спасения говорят: проснитесь. В конце 19-го и начале 20-го веков население России прибавлялось на два миллиона ежегодно, сейчас убывает. А прибавить сюда непрерывный холокост аборт? Всё, всё растёт, кроме населения. Растёт наркомания, преступность, сиротство, разводы, растут цены, растёт пенсионный возраст. Помощь правительства рождающимся детям своевременна, но все деньги уйдут не к русским семьям, а к тем, кто рождает. Курс на благосостояние неверен. Сидит зимой на московском асфальте беременная женщина из Средней Азии, просит милостыню, кормит грудью малыша, около неё ещё два ребёнка. Что ж она аборт не делает? Узбеки живут в десять раз хуже, а рожают в четыре раза больше. У нас голода нет, а мы вымираем.

Должен определиться единственный вектор спасения России, от Бога данный нам курс – курс на православное государство. Навсегда сказано: «Ищите прежде Царствия Божия, и всё остальное приложится вам». «Сила Государя – в верности Богу, сила государства – в преданности государю», – пишет святитель Филарет Московский, и добавляет: «Блаженно Отечество, которое помогает гражданам достичь Отечества Небесного».

Перестройка как средство убивания России началась с удара по молодёжи, по её юному сознанию. Молодёжи не промывали мозги, их просто вышибали. В перестройку увеличилась смертность именно молодых, это показатель того, что молодые стали соваться туда, куда им рано соваться, то есть на место людей опытных. Враг нашего спасения разрушает основы государства, начиная со школы. В неё вводили планирование семьи, валеологию – предмет, развращающий и убивающий будущее детей, сокращающий рождаемость. Школу оккупировал Единый госэкзамен. ЕГЭ – это выкидыш западного образования, средство воспитания англоязычных биороботов. Этому ЕГЭ не учатся, на него натаскивают. ЕГЭ напоминает кубик Рубика, который усиленно внедряли, обещая, что он развивает пространственное мышление, и долго развивали, пока не заметили, что чем тупее человек, тем быстрее он справляется с Рубиком. Он просто овладевает двумя-тремя приёмами. И остаётся таким же тупым, но уже очень самоуверенным. То же самое Интернет, умнее он не делает, наоборот, затормаживает развитие мышления.

Разрушается культура, борцы с нею подпитаны деньгами, наградами, поддержаны прессой и экраном. Когда награждают циников и хохмачей театра и эстрады и им подобных, я думаю: «Может быть, учреждён орден “За заслуги в издевательствах над Отечеством”»? Был же такой опыт в России, когда учреждали награды для врагов России, например, орден Петра Первого Мазепе. Нет, тут награждаются всерьёз за пошлейшие шутки, которые все ниже пояса. Развращение самой целомудренной страны разве не есть дело наказуемое? Гомосексуалисты, педерасты – это содомиты, получившие имя по городу Содому, наказанному Господом за мерзейший грех. Картина Верещагина «Апофеоз войны» показывает пирамиды черепов содомитов Ближнего Востока. Эту заразу истреблял Тимур Тамерлан. Он и на Россию шёл. Но Божья Мать грозно велела ему повернуть войска, ибо в России такой заразы нет. И не будет! Почему не будет? Ведь злу не положено предела, и Конституция разврат не запрещает. Но на всякое зло есть средства, а на это найдутся самые действенные: дни, когда однополоориентированные собираются

выйти на улицу, надо объявлять днями ВДВ. Да ещё и мусульмане-братья нам помогут, да продлит Аллах их драгоценные годы и да возславит. Кстати, в ветхозаветном Израиле за такой грех забивали до смерти камнями. В наши времена можно обойтись без камней. Но надо же спасать, надо же вразумлять апостольскими словами «Живущие по плоти, Богу угодить не могут» (Рим. 8:8). Или «Тело не для блуда, а для Господа» (Кор. 6:13). Блудники на пять процентов больные, на девяносто пять развратники. Пять процентов лечить, остальных нужно воспитывать. Но что же скажет о нас так называемый цивилизованный мир? Он такой передовой, он нас настолько обогнал, уже и однополых венчает. Но что нам до того, кто и что о нас скажет. Не любят нас, ну и что? И не любите, лишь бы нас Господь любил. На Страшном суде любые чубайсы пойдут в порядке общей очереди. И отсеивать будет серьёзный.

Я не взываю к состраданию, когда говорю о своём поколении, как нам доставалось. Жили трудно, ели лебеду, крапиву, ходили в лаптях, но было величайшее счастье любви к Отечеству, семье, друг ко другу. Пушкина при копилке читали. Как целомудренно любили, какие песни пели! Сейчас вместо музыки, гармонии, мелодичности вакханалия ритма и шума. И децибелы, которые рожают дебилов. Это родственные слова.

Враги наши убивают наше прошлое. Убивают любовь к Богу и Отечеству. Но только любовью мы спасёмся. Любить Россию, Отечество, другого не будет. Нет у нас запасной Родины, тут нам жить и умирать, тут оставлять память о себе. Родина – мать, мать – сыра земля, матушка Россия – это навсегда.

Будем брать пример у предков, и мы победим. И кризисов никаких не надо бояться. Интересно, когда в России не было кризиса? В России всегда был кризис. Чтобы не случилось в мире, России всё на пользу. Жить надо спокойно. Не нервничать. «Какие нервы, – говорила св. праведная Матрона Московская, – на войне нет нервов. А мы на войне». Да, на самой главной войне – Христа с Велиаром, света с тьмой. Но это же главное счастье – быть воином Христовым.

И главное желание моего поколения: оставляя земную жизнь, сказать о молодых: «Вот мы, Господи, а вот наши дети. Они так же любят Тебя, Господи, и Россию, которую Ты вручил нам». Вот тогда-то будет не страшно, а радостно пойти из временной жизни в вечность.

Русский крест

Русский Крест самый тяжёлый и самый лёгкий одновременно. Нет тяжелее во всём мире, но и ничего легче, – если несём его со Христом. Русский крест от того тяжёл для православных, что слишком многие в мире сегодня не считаются с ним. Если бы всем народом несли, тогда не падали бы под Его тяжестью.

Крест – общеправославное, значит и общеславянское единение. Сегодня меж Россией и Украиной трещина. Проползла как древний змий. И всё же трещина, а не пропасть, как между нами и лишённым Христа Западом.

В первые века христианства ни Нерон, ни Диоклетиан не могли искоренить христианства. Терзали христиан, сжигали, скармливали зверям. На смену каждому мученику приходили сотни уверовавших! Тогда иудеи пошли другим путём. Сделали масоретский перевод Библии, лишив её Христологического начала: как можно было убрать ветхозаветного евангелиста пророка Исая? Братьев Маккавеев? Искалечить Псалтирь? Потом этот искажённый

перевод переложили на латынь и получили Вульгату, по которой живёт западный мир.

Писание без Христологии – мёртвая вода. У нас, – слава Тебе, Господи, – Септуагинта – чистый перевод. Вера православная, – её беречь да спасаться ею, – это и есть Русский крест. Помощь нам в его несении только одна – исповедовать имя Христа.

Тот, кто ходил в крестные ходы, знает: идёшь – ноги тяжелеют, давно ничего не ел, сейчас свалишься без сил, или, того хуже, праздные разговоры заведёшь, – и вдруг опомнишься и начинаешь молиться! И легче, не сразу, потихоньку, но легче становится.

Русские люди всегда понимали, что молитва обладает не только духовной силой, но и физические силы придаёт. Что бы ты ни делал, а начал молиться и тебе легче, даже физически, не говоря уже о духовной радости! Поэтому Русский крест – очень лёгок.

Русский крест – великое счастье. Счастлив тем, что я из православной семьи. Моя любимая мама, дай Бог ей Вечного Царствия, Варвара Семёновна, шагу не ступала без Бога. Только и слышишь: «Слава Богу – коровку купили! Слава Богу – сена заготовили! Слава Богу, картошки накопили, даст Бог, перезимует». И всегда напутствия в дорогу: «Идите с Богом! Живите с Богом». Это ощущение ласковости и приветливости освещало всё мое детство и ушло со мною в дальнейшую жизнь.

Когда я рос, у нас в селе церкви уже не было, из неё к тому времени клуб сделали. Кладбищенскую церковь сожгли, а священника и дьякона сослали. Ближайший храм был за рекой в 60 км. Но дома всегда была икона. Для меня приход к Господу был естественен.

Помню, в армии, в сержантской школе, я был уже кандидат в члены партии, меня отпустили в увольнение, чтобы я встал на партийный учёт. Первое, что сделал, – побежал на Красную площадь в храм Василия Блаженного.

То есть, Русский крест очень лёгок. Это счастье – Русский Крест! Главное – не врать, что думаешь, то и говори! А то начинают выдумывать, «язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли». Язык дан для того, чтобы исповедовать свою веру православную. В чем её смысл? В том, что Господь смерть убил. «Смерть, где твоё жало? Ад, где твоя победа?»

Чем дальше, тем тяжелее будет жизнь в России, ставшей одинокой в мире. Не о санкциях говорю, их легко перенести, о захвате душ мракобесием. Выдержим и это, зная, что зло будет поражено. Но чтобы поразить зло во всей его полноте, оно должно открыться до конца. Именно сейчас время дикого обнажения зла во всей его безобразности. Надо перетерпеть – вот и всё. А терпеть мы умеем, враги научили. Матронушка Московская говорит: «Что вы боитесь антихриста? Возьмёшь земельку и насытишься!» Бояться нам нечего. Русский Крест во спасение дан!

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА

Людмила Васильевна Щипахина – поэт, член Московской городской организации СП России. Родилась на Урале, в Екатеринбургe. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Автор более тридцати книг стихов и полтора десятка книг переводов с языков народов СССР. Секретарь Правления Международной Ассоциации писателей баталистов и маринистов. Член Исполкома Международного Сообщества писательских Союзов, Лауреат литературной премии им. Константина Симонова. Награждена орденами – «Дружба народов» и «Знак почёта», медалями. На стихи Людмилы Щипахиной написаны песни в содружестве с композиторами – Людмилой Лядовой, Вадимом Орловецким, Эдуардом Колмановским.

Живёт в Москве.

«Соборности великий дар...»

Когда в жизни так много непредсказуемых событий, и разочарования порой затмевают все земные радости, – душа ищет опору – в Слове... Слово – предсказывает и пророчит. Высвечивает суть в океане неверия и сомнений... А увенчанное рифмой, оно даже способно выиграть битву за праведность и добро... Вот, почему в России говорят: «слово – золото»... Вот почему Россия – страна поэтов!

Русская вина...

Ты тем, уж, русский, виноват,
Что территорией богат.
Что Бог пространством одарил
От Балтики и – до Курил.

Сибирью прирастил простор,
Кольцом морей, громадой гор.
Все земли, щедро населив
Народом, сказочным, как миф...

И тем ещё ты виноват,
Что каждый ближний – друг и брат,
Что свято чтят и млад, и стар
Соборности великий дар.

Ты виноват, что тыщи лет
Хранишь величие побед.
А беды злые сквозь года
Не забываешь никогда...

Грозит чужая сторона,
Что русским – велика страна!
Взорвать её, распять, спалить!
Всё отобрать и поделить...

Не обольщайтесь, мудрецы.
За нами – деды и отцы.
С судьбой не затевайте торг.
Мы – русские...
Какой восторг!

Немного о душе...

В ней слились в едино – лёд и пламень...
А вселенский Разум не отторг
Свет небесный и тяжёлый камень...
Боль и радость, муки и восторг!

Всё на свете – сохнет и мелеет.
Всё гниёт – побеги и листва.
Всё – нисходит. Погибает. Тлеет.
Лишь Душа – по-прежнему жива!

Пусть порою истекает кровью,
Ей такое таинство дано:
Выручать надеждой и любовью
И с годами – крепнуть всё равно!

Погадаем...

Я дую на кофе – и в нём, как на фото,
Желанное, светлое, доброе что-то...
И радуюсь я мимолётному снимку,
Где русский с украинцем ходят в обнимку.
Поляки и немцы, Европе на диво,
Пьют, дружески чокаясь, свежее пиво.
И, выйдя из запертых злобой дверей,
Под ручку гуляют – араб и еврей.
Китайцы с японцами судьбы связали,
Кузнечиков жаря на общем мангале.
Армяне и турки – два любящих брата –
Совместно освоили склон Арарата.
А резвые, трезвые американцы
Целуя кубинцев, – затеяли танцы!
Бельгийцы, норвежцы и прочие шведы
В стремлении к миру – достигли победы,
Вердикт вынося, как индейку на блюде:
«Давайте мириться, товарищи-люди!»

...А слёзы и войны? А смерть миллионов?
Устала планета от мин и патронов.
Но в чашке кофейной не видно ответа...
Когда же, товарищи, сбудется это?

Элегия..

(немного сентиментального...)

Своим постоянством
Не смею обидеть,
Молясь на Знамяна
Пурпурного цвета...
Мечта голубая –
При жизни увидеть,
Как в братских объятьях
Сияет Планета.
Пусть небо – угрозы
Нам шлёт неизменно,
Но дали светлы
И омыты снегами.
И чувства – нежны,
Как и слёзы – священны.
Орлы в небесах
И цветы под ногами...
Родных и любимых
Пресветлые лица...
И вечного гимна
Зовущий мотив...
Пусть время прекрасное
Длится и длится,
Добром и надеждою
Дух укрепив.
Спасибо, что жизнь
Не вселила усталость.
Не минул мой день,
И не вышел мой срок.
Судьба не сломила.
Болезнь не подкралась.
Не предали люди.
И миловал – Бог!

Разрядку!..

(немного фантазии)

Мир мудрый, – к миру повернись!
Ослабь крутую хватку!
Раскинь умом... Остепенись.
Пора!.. Даёшь разрядку!

Борясь за смерть, а не за жизнь
Азартно и затратно,
Идёт индустрия убийств.
Пора – идти обратно!

Не запускать ловушек сеть
Под денежным паролем!
Устали Спутники висеть
Угрозой и контролем!

Разрядку! Просит дипломат
Признать её законы!
Разрядку! – скрипнул автомат
И выплюнул патроны!

Разрядку! В войнах что за толк?
С чем грешный мир связался?
...И бывший ястреб приумолк...
Одумался. И – сдался.

Разрядку! Мы взываем все.
Наш долг! Наш век и века...
...На нейтральной полосе
Уже взметнулось эхо!..

Самозанятые...

До чего ж обидно это...
Время – деньги! Всё – течёт...
Самозанятых поэтов
Власти ставят на учёт.

А талант или проклятье,
Разобраться не спеши...
Просто – смелое занятие
Возжигать огонь души.

Это вечное желанье,
Добрый замысел простой:
Записать небес посланье,
Мир спасая красотой.

И в пургу, метель и слякоть,
Наши мысли – высоки.
Над людской бедою плакать
Золотой слезой строки...

Нам привычно и не странно
В этом «мире на крови»
Самовольно, самозванно
Охранять закон любви.

Не давайте нам советов,
Не мешайте никогда!
«Самозанятых» поэтов
Не клеймите, господа!

Наши Курилы...

Не пугайте мыслью жуткой...
Мы – не моты, не дебилы.
Это – шутка! Просто, – шутка.
Мы не отдадим Курилы!

Кораблям закрыть дорогу?
Что мы – дурни, право слово?
Там ещё и рыбы много...
Много памяти бывшего...

Договор, победа, праздник...
Это было, было, было!..
Кто-то нас сегодня дразнит...
Мы не отдадим Курилы!

Нощно грезите и денно...
Но надежды ваши – мимо!
Земли Родины – священные,
Непродажны, неделимы.

Не нужны нам снова войны,
Хоть у нас достанет силы!
Спите, граждане, спокойно,
Мы не отдадим Курилы!

Лучше дома...

Доброта, тепло и свет, –
Островок в глуши Вселенной...
Лучше дома места нет
В жизни суетной и брэнной...

Пусть повсюду мрак и мгла,
Всё – в раздоре и бореньи.
Лучше дома нет угла
В мировом столпотвореньи.

Крыша, комната, изба...
Без изыска и без блеска.
Благодатная судьба, –
Закуток от бед вселенских.

Дом приветит и согреет.
Соблазнит едой плита...
Приласкает батарея
Зимним вечером кота.

А вокруг – борьба до смерти!
Вечный выбор: Кто – кого?
В дом, как в Родину, поверьте.
В нём защита и родство...

Ты – хозяин только дома!
Вдалеке от зол и бед.
Лучше дома – аксиома –
Лучше дома – места нет!

Я – там...

Вы ищите меня?
Куда она пропала?
Уже – вершина дня...
Ведь раньше всех вставала...

А где я?.. Белый свет
В делах, в бегах, в тусовках...
Меня, конечно, нет
На дорогих парковках.

И нет в заграничье,
На вороватой яхте,
В шезлонге, на борту...
На криминальной вахте.

Где жулики сошлись,
Блаженствуя беспечно,
Малина, а не жизнь –
Меня там нет, конечно.

Где русофобский тать
С усмешкою дебила, –
Не стоит и искать...
Кричать – «Ау, Людмила?»...

Хоть будни не легки,
Но всё ж – не сникли крылья..
...Я там, где земляки
Устали от бессилья.

Где знают – день придёт
Заслуженного чуда!..
Я там, где мой народ,
И не уйду оттуда!

Город...

Где этот город – любви и судьбы,
Где поселенцы его – не рабы?
Город мечты, и надежд и улыбок..
Мир катастроф, и беды и ошибок?
Где этот город, могучий и древний?
По суетливости, схожий с деревней?..
Город, где были единством богаты
Наши творцы, работяги, солдаты..
Скрыты секреты в элитных жилищах..
Город бабла, олигархов и нищих.
Город – на ветренном взгорье страны.
Город, которому мы не нужны.
Город былого, пресветлого Гимна..
Город, где наша любовь – не взаимна...

Жили-были...

Взгляды злые и косые.
Мысли – врозь. Слова – остры.
Украина и Россия ...
Жили-были две сестры.

И росли единым корнем.
Был простор для них велик.
По долинам и по взгорьям
Пели песни про рушник...

Век сегодня бурю гонит,
Дни враждою заряда,
Так что Днепр ревет и стонет,
С ума-разума сводя.

Кто там бешеный, с рогами,
Пожелал рулить страной?
Никогда не быть врагами
Детям матери одной!

У славян достанет силы,
Чтоб не рухнули миры.
Украина и Россия!
Жили-были две сестры...

Спальный район...

Я люблю район свой спальный,
Спит покой в его дали.
Не забытый, не опальный,
Рай – на краешке земли!..
Пресвятая радость будней,
Груз забот и вечный труд..
Понаехавшие люди
Москвичами стали тут.

Наше бывшее богатство
Мне досталось, и тебе..
Не соседи по пространству,
А собратья по судьбе...

Я люблю район свой спальный.
Не живёт в нём власть и знать.
Просто, властным не реально
Здесь и бодрствовать, и спать...

Непрестижный, отдалённый,
В стороне от суеты..
Спальный мой район зелёный,
Парки, клумбы и цветы...

Светит утром луч хрустальный.
В дрёме сонная кровать..
Я кричу: «Район мой спальный,
С добрым утром! Хватит спать!»

Коридор

Повесть

1.

«Ремонт. С квартиры как будто содрали кожу. Мебель сдвинута по центру комнаты. Заляпанная краской стремянка, раскорячившиеся, как старушечьи ноги, дощатые козлы. В битом ведре дремлют кисти и мохнатые валики. В углу – пара сдвинутых надувных матрасов, покрытых выцветшим пледом.

Два тела. Женское – молодое, тугое, как порыв телесного ветра. Мужское – обвисшее, истрёпанное, как парус после долгого плавания, черепашья голова с исчезающим островком волос, шарнирные мослы. Уродство, достигшее стадии превращения в собственную противоположность, возможно, в новую физиологическую стилистику. Нервное подвижное лицо замариновано в уксусе иронии и скепсиса.

...Олялин потянулся нетвёрдой рукой к застеленному газетами журнальному столику, сшибив башенно возвысившуюся среди грязных тарелок и стаканов, пустую бутылку из-под шампанского.

– Ты когда-нибудь играла в кегли? – проводил её, гулко докатившуюся до ведра с малярными принадлежностями, недовольным взглядом.

– Никогда.

– А на Кубе? Ты была на Кубе?

– Я пела в школьном хоре в третьем классе: «Куба – любовь моя!»

– А я был. – Олялин стянул с тарелки длинный, слегка искривлённый и нагло утолщённый на конце, как будто он грозил кому-то кулаком, огурец. Такие длинные, чёрно-зелёные огурцы появлялись в продаже в конце весны, когда отечественные – маленькие и пупырчатые – только высаживались в парниках и теплицах на бескрайних сельскохозяйственных просторах СССР. Но отнюдь не закусить змеевидным овощем вознамерился Олялин.

Юрий Вильямович Козлов – советский и российский писатель, автор более 30 книг. Один из самых неоднозначных и самобытных современных российских писателей, работающий в жанре «интеллектуального романа», философского и футурологического триллера. Сын писателя Вильяма Фёдоровича Козлова (Вила Ивановича Надточеева). Работал в журналах «Юность» и «Огонёк». В 1981 г., в возрасте 27 лет был принят в Союз писателей СССР. В девяностые годы обращается к публицистике, печатается в центральных СМИ, работает в газете «Россия», консультантом, а затем (с 1996 г.) начальником отдела в Пресс-службе Государственной Думы. С 2005 по 2011 гг. – начальник Управления Пресс-службы Совета Федерации. С 2001 г. по настоящее время является главным редактором журналов «Роман-газета» и «Детская роман-газета». Живёт в Москве.

Цилиндрические, гладкие, как светильники на эскалаторах в метро, бёдра девятнадцатилетней малярши схлопнулись, но успел, успел Олялин фаустовым взглядом зафиксировать прекрасное мгновение закрытия раковины, куда испуганно юркнул бледно-розовый, студенисто-пупырчатый моллюск. Или, интеллигентно выражаясь, устрица. Совсем недавно, постанывая, Олялин вакуумно высасывал её из убежища, нежно ласкал кислым от вина языком, мягко фиксировал кариозными зубами, а потом восставшим поршнем загонял внутрь и, рыча, трамбовал, трамбовал в тесной влажной ступке.

– И как там? – без особого интереса, скорее из вежливости поинтересовалась малярша. Взгляд её обратился к креслу, на котором она аккуратно развесила и разложила свою одежду. Трусы малярша зачем-то свернула в трубочку. Они напоминали белый восклицательный знак в конце простого, как жизнь, предложения. Наблюдая, как продуманно и организовано она раздевается, Олялин подумал, что из малярши может получиться неплохая – в бытовом плане – жена. Если бы она, как некоторые другие его знакомые женщины, разбросала одежду по всей комнате, у него бы такой мысли не возникло. Хотя, не было стопроцентных гарантий, что стремление к порядку выходит за пределы первичных инстинктов малярши и деятельно распространяется на окружающий мир. Можно ли сразу отличить тягу к чистоте от тяги к сокрытию грязи? Вон, покосился на окно Олялин, заляпала стекло краской, сразу не отёрла, теперь придётся растворителем...

– Нашим морякам, – продолжил он, отвлекая внимание малярши от кресла с трубочкой трусов, – на Кубе, да и вообще везде, куда они приплывают, не разрешают ходить поодиночке, только группами по пять человек с наблюдающим за ними старшим. И одеваться они должны одинаково – чёрные брюки и белые нейлоновые рубашки. На рубашку, правда, – уточнил Олялин, – не возбраняется приколоть комсомольский значок, или какой-нибудь другой, ну, там «Миру – мир!», можно – «Слава КПСС!». За Ленина тоже не накажут. Кубинцы зовут наших моряков «Los Bolos».

– Что это означает? – повернулась на бок лицом к нему малярша. Девушек, особенно выпускниц ПТУ из отстоящих от морей провинций, всегда интересуют моряки.

Некоторое время Олялин размышлял, на что похожи частично подчинившиеся закону всемирного тяготения, но удержавшие форму, как будто внутри были неразболтанные пружины, груди малярши. Леонардо да Винчи, вспомнил он, сравнивал груди зрелых женщин со спелыми грушами. Про груди молодых женщин он ничего не сообщил миру. Должно быть, по причине их изначального необсуждаемого совершенства. Груды малярши напоминают... лампочки, отважно восполнил пробел Олялин, да, именно так! Бёдра – эскалаторные светильники, а груди – лампочки. Я влетел в мощный девичий свет, как позорный жук-древоточец...

– Это означает кегли, – объяснил Олялин, – точнее, «вонючие кегли». Слово не предполагает единственного числа, никто же не говорит «кегля». Наверное, в этом есть какой-то высший смысл. Раз «кегли», значит нельзя по одному. А вонючие, потому, что на Кубе жарко. Чёрные брюки на солнце накаляются, а нейлон не пропускает воздух. Моряки преют, а кубинки очень чувствительны к запаху мужчин, потому что... – он смолк на полуслове, неожиданно подумав, что были, были среди его знакомых женщины с грудями, как кегли! Очевидно, это следующая за спелыми грушами стадия. А одна его знакомая – Олялин не помнил точно, какие у неё были груди, сказала про

другую их общую знакомую, что у той груди как ушки спаниеля. Великий Ленин прав, посмотрел на свесившийся со столика орденоносный край газеты “Лесная промышленность”, Олялин, электрон столь же неисчерпаем, как атом. Лезвие Оккама – умножение сущностей без необходимости – кромсает мысль в лоскуты. Как сюда попала эта газета? Когда я последний раз был в лесу?

– Негры что, лучше пахнут?

– Ну, не все мужчины на Кубе негры, – дипломатично уточнил Олялин.

Пока малярша размышляла о расовой – за вычетом негров – принадлежности кубинских мужчин, он попытался насадить её, как белорыбицу, на хамский крюк огурца.

– Холодный! – взвизгнула малярша, и Олялина сразу посетили мысли о сельских танцах и ПТУшной общаге.

– Ну и что? – требовательно постучал он огурцом по ладони. Шлепки получились излишне смачными, как будто не огурцом вовсе он стучал и отнюдь не по ладони.

– Он это... с мордой. Урод! Таких... у мужиков не бывает.

– Бывают, – Олялин размашисто расписался огурчиком на животе малярши. По животу пробежала рябь. – Просто ты молодая, и пока не встречала, – рассудительно, как мастер-наставник, заметил он. – Всё впереди!

– Не влезет, – хрипло прошептала малярша, расслабляя – или это только показалось Олялину? – створки раковины. Она была готова осваивать новые технологии.

– Куда он денется? – энергично потёр в ладонях огурец Олялин, как если бы тот, подобно шпиону из романа Джона Ле Карре, вернулся с холода и никак не мог отогреться. – Огурец-молодец идёт к царевне-папайе...

– К кому идёт?

– Папайя, тропический фрукт. А ещё кубинцы так называют... – Олялин осторожно провёл зелёного молодца между разошедшимися белыми светильниками, словно подводную лодку между айсбергами.

Подводная лодка уткнулась носом в мшистые, но аккуратно подбритые ворота секретного шлюза.

– Я догадалась, что они так называют, – шевельнула ногами малярша.

А ведь она умна, подумал Олялин, не сильно образована, но умна, не сказала за всё время ни одной глупости, да и уровень сексуальной культуры в советских ПТУ существенно вырос.

– Если человек не очень хорошо разбирается в тонкостях языка, кубинцы могут спросить, любит ли он папайю? – продолжил он. – А потом следуют уточнения: какую именно папайю он любит – созревшую, перезревшую, или молодую? Сушёную или свежую? С запашком или помытую? Нравится ли ему пить сок папайи? Как он её ест – лижет, грызёт, мочит в ней нос, ну, и так далее.

– А ты, – приподнялась на локтях малярша, – какую любишь?

– Я как он, – кивнул на огурец Олялин. – У нас схожие гастрономические предпочтения.

– Тогда другим концом, – перехватила его руку малярша. – Он чистый?

– Ты сама его мыла. Повернись-ка, душа моя, как в сказке, к окну передом, ко мне задом...

– Мы уже читали эту сказку, – хихикнула малярша.

– Да, но он, – погладил огурец Олялин, – не слышал».

2.

Господи, подумал, откладывая в сторону присланный в редакцию журнала «Юность» по почте рассказ под названием «Ремонт», литсотрудник отдела публицистики на испытательном сроке Никита Прокофьев, ну, почему... Олялин? Ему вспомнилась киноэпопея «Освобождение». В последней серии там появился Брежнев. Будущий генсек, а в те годы полковник, что-то коротко, но правильно произнёс на военном совещании в полутёмном, обстреливаемом фашистами блиндаже. Маршал Ульянов-Жуков удостоил его долгим уважительным взглядом, определённо предчувствуя великое будущее этого человека, а потом, решительно хлопнув по разложенной на столе карте, совсем как Олялин по заднице малярши, усмехнулся про себя Никита, сказал, как отрезал: «Полковник прав! Возьмём эту высоту штурмом и перейдём к наступлению по всему фронту!»

Но не Брежнев, а артиллерийский капитан в исполнении артиста Олялина был главным героем киноэпопеи. Это он, контуженный, в окровавленной гимнастёрке и сдвинутой на лоб каске ревел: «Батарей, огонь!» Зачем надо было перемещать сквозь пространство и время образ героического капитана в ремонтируемую квартиру, где некто забавлялся с девятнадцатилетней маляршей? Почему этот некто носит фамилию знаменитого артиста, который, как говорится, ни сном, ни духом? Зачем, вообще, автор прислал изначально непроходной рассказ в редакцию молодёжного журнала? Неужели он надеется, что «Ремонт» опубликуют, и два с половиной миллиона читателей, такой был тираж у «Юности» в июле одна тысяча девятьсот семьдесят шестого года, прочитают, как – перед глазами Никиты почему-то возник отвратительный, каким он был на скрываемом на чердаке портрете, Дориан Грей – Олялин насаживает на кривой огурец девятнадцатилетнюю маляршу – рабочую косточку и, вне всяких сомнений, комсомолку?

Единственное окно отдела публицистики смотрело во внутренний двор ресторана «София». В данный момент там перекуривали, устроившись на пустых деревянных ящиках, два кухонных парня в укороченных условно белых халатах и квадратная распаренная официантка в короткой чёрной юбке и выпущенной поверх юбки блузке, которой она пыталась обмахиваться. Глядя на составленный из тугих складчатых валиков живот официантки, Никита подумал, что она либо совершенно не считает кухонных парней за мужиков, либо победительное её бабье хамство не знает пределов. Он не сомневался: эта дамочка безжалостно обсчитывает клиентов, химичит со спиртными напитками. А ещё Никита подумал, что пустой ящик может не выдержать тяжести обмахивающегося чёрно-белого квадрата. И – как в воду смотрел. Ящик сухо хрустнул, парни едва успели подхватить пороссячи взвизгнувшую официантку.

В комнате, где в данный момент находился Никита, имелось три письменных стола. У окна, по центру возле стены и в тёмном углу впритык к двери. Это было рабочее место Никиты. Даже днём ему приходилось зажигать настольную лампу, чтобы читать гранки и править тексты.

Напротив отдела публицистики располагалось машбюро. Дверь в это, обитое дырчатыми панелями из пенопласта помещение никогда не закрывалась. Никита сидел за своим сумрачным столом, как в обстреливаемом окопе. Иногда сквозь дятловую дробь, жалобный звон раздолбанных кареток, треск выдираемых из барабанов страниц он слышал разговоры машинисток. Оглохнув

от машинного боя, они говорили громко. «Этот новенький, – не далее как вчера заметила одна, самая молодая, тёмненькая и, как подозревал Никита, кривоногая, потому что она всегда ходила в длинных широких юбках, – вроде ничего, только какой-то пугливый. Ходит тихо. Будто хочет чего-то украсть, но боится». «Наверное, пишет роман, – предположила вторая, постарше, плотная, с глазами в разные стороны, – хочет стать знаменитым». «И он? – отозвалась из синего сигаретного облака третья, самая старшая. Она курила, не вынимая, и сама была похожа на выкуренную сигарету, правда, вставленную в изящный мундштук. Её родная сестра была замужем за французом, жила в Париже и присылала ей посылки. В товарообмене со свободным миром, возможно, что не только материальном, но и интеллектуальном, по умолчанию участвовали некоторые редакционные люди и авторы. Поэтому положение возрастной машинистки в коллективе выходило за рамки непрестижной должности. – Сколько же на свете сумасшедших, и все к нам, к нам!» «Восточный классик с тобой расплатился?» – быстро, к огорчению Никиты, сменила тему молодая. «Ага, жди! – ответила прокуренная. – Скупой, хуже нашего Мони! Я ему, с вас столько-то, а он, знаете, говорит, это редакционная правка, я представил чистый экземпляр, меня пригласили, чтобы я вычитал текст повести, и эдак пальчиком мне... А на пальчике бриллиант, ну точно, на два “жигулёнка”. Я такие только в Кремле, в Грановитой палате видела». «И что?» – спросила молодая. «И то! Заявление на имя главного. Не хочет платить, пусть редакция платит по установленному тарифу...» «Про что хоть повесть?» – поинтересовалась вторая с глазами врозь. «Да полная галиматья, – охотно отозвалась старшая, – какая-то Великая Мать куда-то плывёт на лодке, а по берегу за ней бежит то ли волк, то ли... лис. Нет, в конце выясняется, что пёс! Мистический пёс с древним идиолом в зубах. Этот идол изрекает какие-то истины, а пёс воет... Полный бред». «Бред-то бред, – усмехнулась вторая, – а на Ленинскую премию выдвинули. Я печатала на бланке письмо от редакции». «Ленинская у нас сколько... Двадцать пять тысяч? Вот сволочь!» – ударила по клавишам старшая.

Расположение и освещение рабочего места свидетельствовали, что в отделе публицистики Никита был не самым авторитетным, а точнее самым неавторитетным сотрудником. Но он по этому поводу не переживал, потому что был ещё и самым молодым сотрудником. Молодым бойцам положено спать в казармах на вторых ярусах, сидеть в редакциях в тёмных тараканьих углах.

Но ничего, придёт время и...

Будущее было волшебным кувшином, где скрывался исполняющий желания, превращающий мечты в явь джинн. Никита не сомневался, что сумеет его распечатать. Молодость была кольчугой, которую не пробивало копьё неизбежных обид. Во все времена те, у кого всё, или почти всё, позади, завидуют тем, у кого всё впереди. Молодость – неисчерпаемого номинала купюра, её достанет, чтобы бросить к ногам Никиты... да весь мир!

Ему недавно исполнилось двадцать три. Несколько месяцев назад он вернулся в Москву, отслужив год в войсках ПВО на Крайнем Севере. В Полиграфическом институте, где он учился, отсутствовала военная кафедра.

Днём Никита почти не вспоминал об армии. Она настигала его ночью. Во сне Никита продолжал нести службу, как будто одного года наяву ему не хватило. Быть «ночным солдатом», в общем-то, было даже приятно. Особенно сразу после пробуждения, когда он окончательно убеждался, что лежит на диване у себя дома, а не на железной койке в казарме, где диктор по

местному радио первого мая доброжелательно возвестил, что температура воздуха в посёлке Угольные копи Чукотского автономного округа Магаданской области – минус двадцать девять градусов. Никита услышал это по пути в сортир – многоочковую без перегородок деревянную пристройку к казарме, укутанную в махровый иней, как в халат. На лету схватываемое морозом дерьмо колом выпирало из круглых дырок. Это считалось нарушением военного порядка. Дежурный по роте немедленно откомандировывал в яму первого попавшегося под руку «молодого» бойца. Тот проникал туда через специальную дверь с внешней стороны барака, подкалывал ломом сталактит и уносил его на плече, как бревно, куда-то в тундру. И днём Никита искренне радовался, что находится в центре Москвы, в редакции самого популярного в стране молодёжного журнала, а не в заваленной снегом по самые окна типографии дивизионной газеты «На боевом посту».

Но ведь не зря, не зря он там сидел, как лемминг в сугробе, тупея над заголовками – они неотвратимо повторялись, выдумывая подписи под фотографиями отличившихся бойцов. Их лица были какими-то расплывчатыми, незавершёнными, как тесто до момента отправки в духовку. Один отличник боевой и политической подготовки, правофланговый, как написал про него Никита, социалистического соревнования, поехал в отпуск, да и зарезал там соседа, угодив под трибунал. Другой – напротив, вернулся в часть с медалью «За спасение утопающих» – вытащил из проруби цыганку, зачем-то запалившую на льду костёр. Это потом, размышляя Никита, перебирая фотографии бойцов, лица затачиваются на кругах жизни, как ножи, хоть хлеб – хорошо, если хлеб! – режь. А к старости тупятся, идут зазубринами, или осыпаются крошками, пока их не смахнут со стола, не замесят новое тесто... Жизнь не так уж длинна, делал правильный, но к нему лично как бы отношения не имеющих, вывод Никита, и надо успеть, успеть...

Иногда из-за перебоев с электричеством работа над номером затягивалась, и газету печатали ночью. Когда шлёпающая экземпляры древняя типографская машина смолкала, издав прощальный стон – она каждый тираж печатала как последний, Никита выходил из типографии на улицу, смотрел на звёзды, вбитые, как гвозди, в чёрный каблук неба. Какой огромный у Бога сапог, думал Никита, и где, интересно, вторая его нога? Холод пробирал его до самой души, но Никита не уходил, смотрел в небо, пока одна из звёзд не срывалась с божественной подошвы, вычертив перед исчезновением мгновенную зелёную линию. «Хочу быть писателем!» – загадывал желание Никита, и его оттаявшая душа летела вверх на освободившееся звёздное место.

С ворохом заметок, вырезанных из дивизионной газеты, а также – бери выше! – из армейской «На страже Родины», и – ещё выше! – окружной под динамичным названием «Суворовский натиск» явился Никита в редакцию «Юности», положил их на стол заведующему отделом публицистики. «Ого, – крикнул тот, голова без шеи, серые треугольные глаза, похож на крупное морское животное, если натянуть на него пиджак и вытертые на заднице до белизны джинсы, – прямо, как Маяковский приволок все сто томов своих... военных книжек!»

Приволок Никита, правда, не просто так, а по наводке. В отделе писем трудилась его институтская сокурсница – Оля Цирельсон. Один преподаватель – он читал курс библиографии – почему-то упорно называл её Цирельзон, видимо, считая разницу в произношении этой, в общем-то, не оставляющей сомнений в национальной принадлежности её обладательницы, фамилии

принципиальной. Никиту это удивляло, и он обратился за разъяснениями к другому своему сокурснику. Тот был гораздо старше, давно отслужил в армии, страдал запоями, много знал, свободное от запоев время проводил в читальных залах библиотек, так что, вообще, непонятно было, зачем он учится в Полиграфическом институте? Но он учился, с грустной улыбкой слушая лекции по истории книжного дела, книговедению – был и такой предмет, организации книжной торговли и основам полиграфического производства. «Видишь ли, – объяснил сокурсник, – существуют три ветви единого иудейского древа. Одна ветвь сильна в экономике и финансах. Другая – в технологиях государственного управления. Третья – в культуре, литературе и искусстве. Владимир Осипович (так звали преподавателя) отечески советует ей серьёзно заняться экономикой и финансами издательского дела, а не тратить время на литературу и искусство. Цирельзон в их классификации – уважаемая финансовая фамилия, следует сразу за ювелирной фамилией Раппопорт. Цирельсон – всего лишь литературно-культурная, причём невысокого полёта. Так... юмористические миниатюры, тексты для Райкина, ну, может, ещё слова для песен, какие-нибудь шутовские либретто». Бред, покосился на сокурсника Никита, вот что значит пить запоем, сидеть днём и ночью в библиотеках!

Помнится, они неистово целовались с Олей в беседке во дворе её дома ранним птичьим утром после выпускного вечера в ресторане «Прага». Но дальше поцелуев дело не пошло. Перспектива стремительной утренней близости в беседке как-то не вдохновила сокурсницу. Она больно укусила Никиту за губу. Никита вытер ладонью кровь, и они продолжили целоваться, но уже, так сказать, по инерции, без надежды добраться до финиша. Точно, Цирельзон! – решил тогда Никита. Цирельсон тиха, нежна, как библейская ночь, а эта свирепа, как... меч разящий... Он быстро забыл о малоприятном и, увы, не единичном в его юношеской практике, эпизоде, тем более что Олю трудно было назвать красавицей. Да и в беседке возле её дома он оказался только потому, что им было по пути, и они взяли на двоих раннее такси от «Праги». А вот Оля, выходит, не забыла. Она-то и сообщила Никите о вакансии в отделе публицистики, пообещала в меру своих возможностей посодействовать, не только где-то отыскав – Никита точно помнил, что сам не давал – его домашний телефон, но и вычислив время его возвращения из армии.

3.

Олялин, как заноза, застрял в голове Никиты, так что, вспоминая, зачем, собственно, он притащился по жаре в редакцию – не затем же, чтобы прочесть рассказ «Ремонт», о существовании которого он ещё час назад понятия не имел? – Никита продолжал размышлять о присланном в редакцию произведении. Он склонялся к мысли, что Олялин работал на Кубе переводчиком, а потом был изгнан за какое-нибудь непотребство. Картина мира в сознании Никиты неожиданно изменилась, подобно таблице Менделеева, дополнилась двумя новыми элементами: похабно развалившемся на надувном матрасе, поигрывающим огурцом-молодцом, плевать хотевшим на приличия Олялиным, и... Никитой в образе законопослушной – он надеялся, что хоть не воючей – *кегли*. Рассказ «Ремонт» как будто претендовал на нечто большее, чем литературное хулиганство. Никита как будто сам оказался то ли субъектом, то ли объектом непотребного «Ремонта». Рассказ предстал чем-то вроде зеркала, заглянув в которое, Никита увидел не то отражение, к какому привык.

Да что мне до этого... Олялина, злобно подумал Никита. Но тот вцепился, как клещ, зажил собственной, глубоко отвратительной Никите, но почему-то изобретаемой им же, Никитой жизнью. В этой – уже за пределами рассказа «Ремонт» – жизни Олялин бесповоротно слился в один образ с известным артистом, заревел с матраса: «Батарея, ого-о-онь!», насмерть перепугав изготовившуюся к приёмке огурца-молодца маляршу и небрежно козырнув уставновленной на столе среди тарелок и бутылок фотографии Брежнева.

Никита мог порвать рассказ в клочья, выбросить в корзину, но почему-то не делал этого, как, впрочем, и не торопился дочитать его до конца. В творчестве, а в глубине души Никита уже считал себя писателем, причём не просто «советским», этого было мало, а таким, о котором узнает мир, он больше всего ценил процесс обдумывания. Не столько сюжета, тот как раз стреноживал несущуюся галопом фантазию, ставил её на рельсы, с которых не свернуть, а бесконечных, невозможных в реальности вариантов развития событий. Рельсы душили мир, как змеи прогневившего олимпийских богов Лаокоона с известной скульптурной композиции. Громовержцу Никите хотелось порвать паутину рельсов, высвободить мир, но было подозрение, что тогда мир провалится в преисподнюю, разобьётся, как вывалившийся из продранной авоськи арбуз о горячий, как сегодня в Москве, асфальт. Никита не сомневался, что такое развитие событий несколько не огорчит... Олялина.

Настоящее литературное произведение, по его мнению, должно было быть чем-то вроде голограммы, содержащей не только линейное, но и объёмное, то есть, вероятное, а ещё точнее, любое, какое только могло прийти в голову читателя изображение. Писать так, чтобы читатель входил в голограмму, как в некое святилище, в новый, пленяющий его душу мир – вот в чём, по мнению Никиты, заключался высший смысл литературы. Правда, было непонятно, зачем он сам вошёл и... сразу не вышел, гневно хлопнув дверью, в (из) рассказ(а) «Ремонт», где забавлялся Олялин с маляршей? Это как-то нарушало высокую логику истинного искусства. Получалось, что голограмм в литературе было как грибов или насекомых, и далеко не все из них были съедобными и полезными. Более того, чем неприличнее была голограмма, тем сильнее хотелось в неё войти.

Никита в описываемое время сам сочинял роман-голограмму, мучительно разрываясь между двух огней, гоняясь за двумя зайцами, плутова в трёх снах, выбирая из трёх апельсинов, слушая стук четырёх сердец и так далее. Ему хотелось, чтобы мир, которому он адресовал роман, всё увидел и понял, и в то же самое время, чтобы та часть мира, которая будет принимать решение – печатать роман или нет – не заметила, или снисходительно не обратила внимания на то, что хотел скрытно – голограммно – выразить Никита, и не зарушила на корню роман.

За две недели работы в «Юности» Никита успел ощутить неотвратимую и одновременно неподвластную разуму, как рок в древнегреческих трагедиях, волю цензуры. В первые же дни он удачно, это отметил даже утративший в тот момент сходство с морским животным заведующий отделом, отредактировал материал какого-то смышленного солдатика, вздумавшего под видом писем к матери поведать людям о буднях советской армии. Никита сразу понял, что никакие это не письма к матери, а грамотная спекуляция. Он даже испытал что-то похожее на зависть к ушлому армейцу. Почему сам не соорудил? Ведь мог, мог! Так нет, бродил по сугробам, смотрел тупо в ночное небо на звёзды. Но тут же успокоил себя: потому что его, Никиты, планка выше.

Она там – в звёздном небе, а не в сиюминутной, лакирующей казарменную действительность, конъюнктуре. Всё у хитреца сходилось: нужная журналу тема, позитивный взгляд на службу, наконец, сама личность молодого автора из гущи солдатских «низов». Так называемые письма были аккуратно переписаны от руки и пришли в редакцию в конверте с треугольным штампом. Была затребована фотография автора, которую тот оперативно представил. Её принесла прямо в отдел высокая замедленная девушка с пухлыми губами и редко моргающими, во всяком случае, так показалось Никите, большими серыми глазами. Она проявила к нему некоторый интерес, сообщила, что учится на искусствоведческом факультете во ВГИКе и как раз сейчас пишет курсовую работу по творчеству Михоэlsa. Никита никак не отреагировал на эту новость. Девушка, наведя на него немигающие, как у совы, глаза, полюбопытствовала, не сможет ли Никита выправить ей отношение от редакции, чтобы её пустили в какой-то архив, где хранятся письма этого самого Михоэlsa. Никита, покосившись на решительно устранившегося от обсуждения данной темы заведующего, пообещал узнать, возможно ли такое. Девушка, обещающе моргнув, это вышло, как если бы она подмигнула ему сразу двумя глазами, нацарапала на листе серой с краплениями опилок редакционной бумаги свой телефон. Никита спросил, кем ей приходится шустрый Максим, так звали держащего нос по ветру воина. Принесённая девушкой фотография – нахальная скуластая физиономия, сержантские лычки, офицерская гимнастёрка, яловые сапоги, ремень с гнутой пряжкой на пузе, явно «дед», а может, уже и «дембель» – ему сразу не понравилась. Оставалось только догадываться, что вытворял до призыва, а может, и в отпуске, если ему удалось вырваться, наглец с длинной, замедленной и видимо доверчивой девушкой с немигающими глазами. «Да, так... – меланхолично ответила она, подтверждая худшие догадки Никиты, – росли вместе, а потом я долго его не видела».

Когда она ушла, Никита поинтересовался у недовольно сопящего, как будто они своей короткой беседой отвлекли его от важных и неотложных дел, заведующего, кто такой Михоэls? Тот перестал сопеть, внимательно и с интересом посмотрел на Никиту. Сквозь образ морского животного вдруг проступил другой – быстро думающего, умного, непростого человека, маскирующегося в шумном фырканье, бесформенном теле, витиеватых со скользким смыслом фразах, в демонстративном нервическом утомлении от работы, авторов, сослуживцев, да, собственно, от всей нелепой окружающей жизни. Кто осмелится лезть к такому со своими или чужими проблемами? «Был такой театральным режиссёр, – ответил заведующий. – Погиб при невыясненных обстоятельствах в конце сороковых. Считается, что его убили по приказу Сталина. Но, вообще-то, если собираешься здесь работать, ты должен знать». «А я вот не знаю», – пожал плечами Никита. «Незнание не повод для гордости, – заметил заведующий и странно продолжил, – если, конечно, ты не на допросе в гестапо или НКВД». Никита, помнится, долго размышлял над этой фразой, но так и не пришёл к определённом выводу. Жаль, что улетела девушка-сова, почему-то подумал он, она бы объяснила...

«Здравствуй, дорогая мама!» – такой простой человеческий заголовок придумал Никита к материалу Максима, старательно сгладил в нём даже не острые, а могущие показаться таковыми углы. Но выяснилось, что для публикации обязательно требуется разрешение военной цензуры. Материал отправили туда. Когда через несколько дней Никита вскрыл конверт под грозной чёрной «шапкой»: «Главное политическое управление Министерства

обороны СССР», ему показалось, что страницы сплошь в резаных ранах, из которых брызжет кровь, так мощно разукрасил их красными чернилами военный цензор. Особенно потрясла Никиту правка в казалось бы совершенно безобидном предложении: «Сержант бежит в атаку, петляя и пригнувшись». Так уважительно по отношению к честно делающему своё дело сержанту описывал Максим будни мотострелковой, попросту говоря, пехотной «учебки», чья основная задача как раз и заключалась в том, чтобы научить молодых воинов бегать по пересечённой местности с оружием «петляя и пригнувшись», чтобы противник их сразу не уничтожил. «Сержант бежит в атаку, стремителен и дерзок», исправил предложение военный цензор. «А здесь что ему не понравилось?» – ткнул пальцем Никита в строчку: «Нелегко схожусь с людьми, а вот с Федей Кацубо мы вроде бы подружились», призывая заведующего отделом к совместному негодованию. Тот, однако, отнёсся к издевательствам военного цензора с угрюмым спокойствием. «Ну, в принципе, всё это поправимо», – заметил он, быстро перелистав страницы. После чего написал странным скачущим – буквы выходили у него как маленькие лошадки – по черком поверх красных чернил: «Легко схожусь с людьми. Крепко подружился с Федей Кацубо».

Самое удивительное, что заведующий, не посягая на издевательский бред военного цензора, буквально за час привёл письма Максима в относительно приличный вид. Недавнее отчаянье Никиты, когда он со злобой думал – и пусть, пусть опозорится этот Максим, явно недостойный замедленной девушки-совы, пусть сержант стремительно и дерзко атакует танковую дивизию НАТО, после изучения выправленного материала, сменилось нездоровой суетливой радостью – вот, оказывается, как можно преобразовать тупой казённый идиотизм в сносное, даже неожиданно живое чтение. «Поработаешь с моё – научишься», – хмуро заметил заведующий, вновь превращаясь в сопящую амфибию. Он размашисто вывел в углу страницы кавалерийскими буквами: «Срочно!!! В номер!!!», расписался, велел Никите отнести текст в машбюро. Везёт же этому Максиму, подумал Никита, и девушка-сова, и публикация в журнале, и слава – всё ему, а... мне что?

Но потом ему удалось преодолеть недоумение и обиду, более того, осмыслить случившееся в мировоззренческо-философском аспекте. Что, если это какой-то высший, недоступный пониманию простых смертных, победительный государственный юмор? – размышлял Никита, вспоминая кровотокащие страницы несчастных писем. Может, цензор, таким образом, хотел обратить моё внимание на величие государства и армии, где сержанты стремительно и дерзко несутся в атаку, потому что им плевать на собственную жизнь, плевать, что за враг впереди, потому что для них счастье умереть за Родину! Или же этот цензор полный дебил! – вдруг решительно опроверг сам себя Никита. Такое случалось с ним довольно часто. Перепад в мыслях сигнализировал, что суть, она же истина, находится в пространстве между тезисом и анти-тезисом, совсем как знаменитое библейское зерно между каменными жерновами. Значит, из этого, растёртого в муку зерна мне надлежит выпекать мой хлеб, вздохнул Никита, потому что я сам это зерно. Если Лев Толстой ощутил в себе готовность поправлять и дополнять Христа и Библию, Будду и Мухаммеда в преклонном возрасте, то Никита был готов хоть сейчас. Правда, немного смущало, что в пространстве между тезисом и анти-тезисом, то есть между безжалостных каменных жерновов оказывалась вся окружающая жизнь.

Мне жить и работать в СССР, вернулся из машбюро, уселся за свой стол, включил, хотя за окном был день и светило солнце, настольную лампу Никита. Да, прямо передо мной военный цензор с пулемётом, но пулями он уже отстрелялся, сейчас стреляет всего лишь красными чернилами. Это не смертельно. Поэтому глупо бежать в атаку на него «стремительно и дерзко», когда его можно обойти, «петляя и пригнувшись». Как мне только что продемонстрировал, покосился на задумчиво шевелящего губами, словно он ел морскую капусту, или процеживал сквозь сито зубов планктон, начальника Никита, этот странный человек.

4.

Внутренний двор ресторана «София» опустел. Отойдя от окна, Никита, наконец, вспомнил, зачем пожаловал в выходной день в редакцию.

Лето в тот год выдалось в Москве нестерпимо жарким. Город как будто вклеился в раскалённый шар, внутри которого воздух плавился и дрожал, а люди передвигались по асфальту, как... вонючие *кегли*, хотя, запрет на одиночные хождения в СССР пока введён не был. Слегка улучшенной в смысле внешнего вида, по сравнению с гуляющими по Гаване, кеглей – в голубых джинсах и вольно расстёгнутой летней пёстрой рубашке навывпуск – брёл Никита по улице Горького, пока порыв горячего, как от утюга, ветра не задул его в прохладный подъезд углового дома за рестораном «София». Там на втором этаже под сенью матовой пластиковой (ночью она подсвечивалась изнутри) эмблемы – круглолицей веснушчатой девушки с распущенными волосами-веточками – располагалась редакция журнала «Юность», его новое место работы, которое, правда, ещё предстояло отстоять в две оставшиеся недели испытательного срока.

Прежде чем войти в подъезд, Никита остановился перед девушкой и долго с благоговением и надеждой смотрел на неё, как, вероятно, смотрит на чудотворную икону в храме верующий человек. Эту, ставшую эмблемой журнала, девушку изобразил несколькими летящими штрихами литовский художник Стасис Красаускас, иллюстрируя повесть Романа Роллана «Кола Брюньон». Бургундская девушка, кажется, её звали Ласочка, отлично прижилась в Москве. Который уже год она снисходительно смотрела правым глазом на входящих в подъезд и выходящих оттуда людей, некоторые из которых являлись сотрудниками и авторами журнала, другие же – их было неизмеримо больше – только мечтали об этом. Левым глазом девушка смотрела поверх человеческих голов вдаль, туда, где Садовое кольцо сливалось с горизонтом, где исчезали в сером мареве дома и машины, где в непогоду клубились тучи и сверкали молнии, где ночью сияли бессмертные звёзды. Там в небесном смешении света и тьмы, таланта и удачи, отчаянного одинокого труда и горьких сомнений, гордыни и конъюнктуры, простодушия и коварства рождались молекулы признания и известности, крутились судьбоносные атмосферные вихри. Они возносили одних авторов к вершинам славы и читательской любви, а других, которые были не хуже, а зачастую и лучше, оставляли томиться в унылых, густо заселённых такими же бескрылыми неудачниками, предгорьях. Туда – на вершину, минуя предгорья, всей душой стремился Никита. О как ему хотелось овладеть бургундской листовенной девушкой, насадить её... Нет, не на кривой огурец-молодец, как Олялин маляршу – это какой-то старческий маразм, а на свою стремительную

и дерзкую юную живую плоть. Никите казалось, что он может достать её до звёзд.

Но девушка, как довольно быстро уяснил Никита, была весьма избирательна в выборе партнёров. Чем, к примеру, пленил её младший сержант Максим? Не монголоидной же наглой рожей? Какая сила заставила трудиться в поте лица над его смехотворным опусом Никиту, военного цензора и заведующего отделом? Да, и ещё замедленную подругу-сову, отнюдь не замедленно доставившую в редакцию фотографию этого самого скуластого Максима. Лиственная девушка была демиургом подобных ситуаций, распределительницей литературного счастья.

Но кому, и в каких пропорциях она его распределяла?

Зачем она щедро отпустила его – Никита судил по готовящимся к печати номерам – угрюмому, сухому, как обгоревший ствол, детективисту, гнавшему аж в трёх номерах бесконечный скучный роман о каком-то инспекторе Гусеве? Люди в этом романе разговаривали нечеловеческим языком, как будто читали протоколы, составленные малограмотным милицейским чином, а кто преступник было понятно уже на второй странице. Или хамоватому артисту из театра на Таганке, вдруг разродившемуся исторической повестью о походе Александра Македонского на скифов? В этой повести, напротив, главная жрица святилища богини Астарты разговаривала, как отвязанная молодая актриса, прокладывая себе дорогу на сцену известно чем. Или надменному с верблюжьей губой юмористу, не вылезавшему из телепередачи «Вокруг смеха», предложившего журналу даже не прозу, а... пьесу? Речь в ней шла о семейном конфликте, вызванном желанием молодых членов семьи – сына видного учёного-биолога и его жены – уехать из СССР на Запад. Но уехать им хотелось вместе с овдовевшим отцом, потому что его исследования вызвали интерес у зарубежных коллег и ему делались разные заманчивые предложения. Влиятельные люди на Западе очень хотели заполучить результаты его последней работы, связанной с возможностью продления человеческой жизни. Но упрямый вдовец, несмотря на то, что его отец – революционер ленинского призыва – был расстрелян в годы ежовщины, мать умерла в ссылке, а сам он вырос в интернате, где содержались дети изменников Родины, наотрез отказывался даже говорить на данную тему. Он решительно отвергал заманчивые предложения получить на Западе неограниченное финансирование, самое современное оборудование, любое количество грамотных помощников, продолжая трудиться в советском НИИ с ободранными стенами, дремлющим вахтёром на входе, выцветшим лозунгом «Да здравствует советская наука – самая передовая в мире!» в вестибюле, пробирками, колбами и реостатами довоенного времени. Каким-то был этот биолог не то сталинистом, не то и впрямь верил в победу коммунизма. И вот, чтобы понудить отца к отъезду, коварный сын подложил ему свою жену, бывшую манекенщицу, весьма искусную в сексуальных делах. То есть сделал отца, выражаясь народным языком, снохачом. Терзаемый невыносимыми муками совести, отец-биолог уступил авторство выдающегося открытия одному из заместителей директора института, определённо связанному с КГБ. Тот обеспечил беспрепятственный отъезд молодых на Запад, избавив наивного гения от неизбежного, как ему казалось, объяснения с сыном. «Это балласт, – заявил заместитель директора, согласовывая вопрос в соответствующих инстанциях. – Чем больше гноя и гнилой крови вытечет из нас на Запад, тем здоровее станет советское общество, тем легче будет нам в СССР дышать, тем больше полезных и нужных

дел мы сможем сделать для тех, кто любит Родину и никуда не собирается уезжать». Правда, отдавая в плохие руки дело всей своей жизни, вдовец-биолог внёс в ключевые формулы хитрые изменения, практически сводящие на нет эффект препарата. Да, очевидное улучшение общего состояния, да, замедление процесса старения, но не радикальное омоложение, не эликсир бессмертия. В день отъезда сына и его жены гениальный учёный покончил с собой выстрелом в сердце из наградного пистолета. Молодые в это время, миновав паспортный и таможенный контроль, весело прихлёбывали приобретённый в «Duty free» «кампари». У них имелись для этого все основания, потому что они увозили с собой спрятанный в бюстгальтере блудницы-жены микрофильм с детальным описанием гениального открытия. Причём, все формулы там были точные, то есть, хоть завтра превращайся в юношу, как планировал по легенде великий Авиценна. И у него бы получилось, если бы идиот-ученик не разбил, испугавшись стремительного преобразования учителя, сосуд с бесценным зельем. Старик-биолог самолично вручил им этот, тайно сделанный в институтской лаборатории микрофильм, и подробно рассказал, как следует распорядиться уникальным открытием в свободном мире. Как понял Никита по дополнительным страницам вёрстки, финал пьесы несколько раз переделывался и согласовывался. Один вариант был совсем мрачный: к веселящейся в зоне вылета паре подходили люди в штатском и произносили роковое: «Пройдёмте!» Окончательный же предполагался такой: сын биолога и его жена должны были по требованию отца передать микрофильм одному сверхчестному английскому учёному-антифашисту, бывшему узнику Бухенвальда, многолетнему другу отца. Они встречались на симпозиумах и коллоквиумах, много говорили о жизни, о будущем человечества. Отец не сомневался, что его английский друг и коллега сделает всё, чтобы великое открытие верой и правдой служило всем людям Земли, а не горстке продажных политиканов и обезумевших от неправедных денег дельцов с Уолл-стрита. Никита долго размышлял, почему молодые выбрали в «Duty free» малоизвестный в СССР напиток «кампари» и почему автор назвал пьесу «Бессмертное “кампари”»? Что он хотел этим сказать?

5.

Но нет, не ради сложносочинённого «Бессмертного “кампари”» забрёл, спасаясь от жары, в субботний, то есть выходной, день Никита Прокофьев в редакцию журнала «Юность». Мысли его тупо крутились вокруг вентилятора на письменном столе и двух бутылок «Боржоми», забытых вчера в редакционном холодильнике. А ещё ему казалось, что он плохо отредактировал заявленный в очередной номер очерк о камчатских вертолётчиках – отличных парнях отличной страны, как пелось в песне, летающих над гейзерами и вулканами, доставляющих продовольствие и лекарства в стойбища оленеводов и геологические экспедиции. Никита сам взялся подготовить к печати этот, пришедший в редакцию «самотёком» очерк. Заведующий отделом фыркнул как морж, пожал плечами, скосив треугольные глаза на фамилию автора: «Кто такой? А, из местной молодёжки... Ладно, попробуй довести, оттуда у нас давно ничего не было». Два дня Никита упоённо – как будто сам летал на вертолёте – правил очерк, после чего отдал его, неохотно и небыстро перепечатанный в машбюро, заведующему. Тот, пошевелив губами, пробежал первую страницу, а потом вдруг неожиданно со стоном зевнул, маханув ртом,

как колоколом, бросил очерк на стол. «Посмотрю в понедельник, – взглянул на часы, – сейчас не успею, опаздываю на свидание». Да с кем же он, проводил взглядом складчатый в редком крупном волосе загривок заведующего Никита, встречается, в каком океанариуме? Неужели его там приветствуют колокольным звоном?

Осушив бутылку холодного «Боржоми» и включив вентилятор, Никита уселся в тёмный угол за свой письменный стол. Вентилятор был какой-то допотопный, как колбы и пробирки в НИИ, где трудился гениальный учёный из пьесы «Бессмертное “кампари”». Он хлопал резиновыми слоновьими ушами, не вращался по кругу, а кивал Никите, как бы заранее с ним во всём соглашаясь. Сердито хватая соглашателя за уши – тот был слабосильный и ответно шлёпал по рукам не больно – Никита подумал, что, в принципе, не имеет значения, как он отредактирует очерк о вертолётчиках. Не от этого зависит, возьмут его на работу или нет. Пока что листоватая девушка смотрела на него, если, конечно, вообще, смотрела, правым, ничего не обещающим взглядом. Быть или не быть Никите в редакции зависело от странных и на первый взгляд совершенно между собой не связанных вещей.

От складчатого, оплетённого редкими волосами, как спутанной проволокой, затылка заведующего отделом.

От драного чёрного свитера и лоснящихся на заднице штанов главного редактора – классика советской литературы, чьи произведения Никита с точкой изучал в школе. Сохранивший, несмотря на солидный возраст, густую, словно смазанную маслом аспидно-чёрную шевелюру, редактор, хоть и кивал, как вентилятор, Никите, когда они встречались в коридоре, каждый раз смотрел на него с удивлением, чего это зачастил сюда этот парень? Это свидетельствовало, что ему глубоко безразлично, брать или не брать Никиту в штат, а значит, решать будут другие люди. Редактор же просто как попугай повторит то, что они ему скажут. Никита обострившимся нюхом отчётливо ловил свежий коньячный ветерок, окутывающий редактора лёгким невидимым шарфом.

От надменно кривящейся верблюжьей губы юмориста, автора непонятной пьесы «Бессмертное “кампари”». Этот вообще в упор не замечал Никиту, как будто сам был бессмертным, хотя заходил пару раз к ним в отдел, выпить побыстрому с заведующим. Он (видимо брал пример с главного редактора) приносил с собой коньяк в плоской бутылке и плитку шоколада «Вдохновение» с задравшей ногу ватной балериной. Юморист сидел к Никите спиной, и, глядя на овальную лужицу лысины на его затылке, слушая его голос, Никита отчётливо ощущал, что нет для него в данный момент ничего более неприятного и чуждого, чем этот, сидящий к нему спиной человек. И юморист, догадываясь Никита, испытывает к нему схожие чувства. И это было странно, потому что ничто, помимо кратких визуальных контактов, не связывало Никиту с этим человеком. Отчего же тогда ему неудержимо хотелось выйти из комнаты?

Быть или не быть Никите в редакции зависело от всего и ничего, точнее, от чего угодно.

От прогуливающихся по жаркой Гаване вонючим кегельным строем советских моряков.

От валявшейся на матрасе в ремонтируемой квартире непотребной парочки, хотя о ней пока никто в редакции, кроме Никиты, не знал. Единственно, ему казалось, что там не хватает третьего, и им, по мнению Никиты, вполне мог стать драматург-юморист. Малярша вряд ли бы оценила сценическую

глубину «Бессмертного “кампары”», а вот Олялин, пожалуй... Ну, а потом бы они... Никита гневно схватил вентилятор за ухо, словно это в его согласно кивающую голову явились подобные мысли.

Быть или не быть Никите в редакции зависело от внезапного и случайно-го слепка с ртутно-рассыпчатой картины бытия. Слепок этот в случае Никиты мгновенно застывал судьбоносным бетоном. Он входил составной частью в окружающий мир, как выдвижной ящик в письменный стол, за которым в данный момент сидел Никита. Окружающий мир в свою очередь дробился на множество других, внешне существующих вроде бы внутри него, но отдельных. Это были миры не для всех. В одном из них, расположившемся под сенью девушки, правда, не в цветку, а в ветках с листьями, Никита, вполне освоившийся в советской, где жили «отличные парни отличной страны» Вселенной, был, что называется, не ко двору. Хотя он чувствовал, что теоретически ящик может всунуться в стол, но ходить он там будет со скрипом, без надежды, что добрый мастер с золотыми руками его починит. Ящик будет или вечно пустым, или его мгновенно заполнят ненужным хламом и безвозвратно задвинут мощным ударом ноги. В лучшем случае Никиту ожидала вынужденная – без взаимности – близость с лиственной девушкой, похожая на презрительную – со стороны девушки – телесную уступку. Он будет суетиться, задыхаться от страсти, а она – лежать бревном, хорошо, подумал Никита, если не тяпнет за губу, как когда-то Оля Цирельсон. Или всё-таки Цирельзон? Он вдруг вспомнил, что пластмассовую эмблему журнала с лиственной девушкой несколько раз разбивали камнями разъярённые авторы.

Но почему, почему, немо возопил Никита, чем я хуже... автора «Бессмертного “кампары”»? И тут же понял, чем. Автор «Бессмертного “кампары”» существовал в двух мирах – общем и отдельном. В решении его проблемы, а публикация странной пьесы в популярном молодёжном журнале, воспитывающим читателей в коммунистическом духе, двухмиллионным тиражом точно была проблемой, отдельный мир был сильнее и изобретательнее мира общего. Отдельный мир толкал проблему в сторону решения, как невидимый паровоз, вопреки правилам и порядкам общего мира. Никита существовал всецело и исключительно в общем мире. Он был отличным парнем отличной страны, но страна не только не собиралась решать его проблему, а напротив, была готова щёлкнуть его по носу, если проблема ей не нравилась. Господи, вздохнул Никита, да возможна ли вообще в СССР настоящая литература? Мои надежды смешны! Куда я лезу со своим... недописанным романом?

Родная страна вдруг увиделась ему в образе мозаичного, повторяющего географические очертания СССР, панно с богатырским Лениным, заводами, полями и счастливыми пионерами. Изображение, однако, дрожало, как готовая сорваться с ресницы слеза. С панно с едва различимым шелестом осыпались отдельные миры. Вместо символов развитого социализма на месте СССР образовалась какая-то чёрная дыра, откуда отчётливо тянуло газом, словно кто-то там – в адской глубине – отвернул вентиль, а на дне, если у дыр бывает дно, булькала и пузырилась чёрная, вязкая, как ночной кошмар, жидкость.

6.

Кто же автор этого замечательного произведения, внимательно рассмотрел большой почтовый конверт Никита. Его сунула ему в руки вахтёрша Зинаида Петровна – тихая бессловесная тётка, сидевшая за столом у входной

двери в редакцию. За две с лишним недели работы Никита ни разу не слышал её голоса. Как же она останавливает рвущихся сюда сумасшедших и графоманов, недоумевал он. Обычно Зинаида Петровна передавала почту в отдел писем, но рассказ прибыл заказной бандеролью, поэтому его доставили в редакцию в выходной день. Машинально расписавшись в растрёпанной, регистрирующей почту, книге, Никита принял конверт. Рядом с вахтёршей нёс дежурство большой алюминиевый электрочайник. Он всё время кипел, и крышка над ним жалобно позванивала. Вахтёрша приветливо кивала Никите, почему-то при этом испуганно и куда-то в сторону улыбаясь.

Неужели здесь всем запрещается радоваться моему появлению, мрачно размышлял, шагая по длинному суставчатому коридору в свой – свой ли? – отдел Никита. Каждый раз на повороте он упирался взглядом во второй после лиственной девушки фирменный знак журнала – стилизованные под начало девятнадцатого века, то есть как бы написанные гусиным пером поэтические строчки на стене перед входом в актёрский зал: «Что ж будет памятью поэта? Мундир? Не может быть! Грехи? Они оброк иного света. Стихи, друзья мои, стихи!» Под цитатой был изображён и сам поэт по фамилии Полежаев – с усиками, бакенбардами, в гусарском ментике и в лихо заломленном кивере. Он странно совместил в себе черты Лермонтова, Пушкина и, возможно, пятерых казнённых декабристов. Наверное, это был обобщённый образ свободолюбивого поэта далёкого славного времени.

А что ж будет памятью обо мне, мрачно подумал Никита. Роман? Не может быть! Как же он превратится в память, если уже сейчас понятно, что его будет невозможно опубликовать? А если и удастся, то только как окончательный вариант писем «Здравствуй, дорогая мама!», где сержант бежит в атаку, стремителен и дерзок... Зачем дорогой Родине-маме такие письма? Никите показалось, что он движется по коридору, которому нет конца. В этом коридоре его вечно будут сопровождать: равнодушная пластмассовая девушка, забитая вахтёрша, кипящий чайник с подпрыгивающей крышкой, зазорные строчки неведомого А. Полежаева, роман, который невозможно опубликовать, унылый вид из окна во внутренний двор ресторана «София». Он буквально ощутил затылком несвежее дыхание стремительно и дерзко наступающего его сержанта. Разве только, угрюмо посмотрел на запечатанный в штемпелях, как в медалях, конверт Никита, здесь лежит произведение, которое взорвёт проклятый коридор, потрясёт мир...

Он читал про теорию заговора, но воспринимал её абстрактно, как забаву изодранных умов. А вот, оказывается, сам, пусть на микробном уровне, но сделался её объектом. Хотя, вспоминал Никита, излишняя, граничащая с шизофренией, мнительность как раз и есть благодатная среда для этой теории.

Придя в кабинет, он решительно вскрыл конверт и вместо того, чтобы править очерк о героических вертолётчиках, взялся читать рассказ «Ремонт».

Дело в том, что Никиту пока ещё волновали чужие, упакованные в почтовые конверты, рукописи. Помимо недописанного романа, он был автором семи рассказов. Все они в разной последовательности и очередности были отвергнуты всеми без исключения, включая «Юность», московскими журналами. Сейчас Никита веером рассылал их по областным и республиканским изданиям. Вскрывая конверт с «Ремонтом», он воображал, что кто-то в далёких «Кодрах», «Волге» или «Литературной Грузии» вот так же с интересом, как он сейчас, извлечёт из конверта и примется читать его рассказ.

Никита внимательно изучил обратный адрес: «Эстонская ССР, г. Таллин, Главпочтамт. До востребования. Н. Геллер». Ох, непрост, непрост был загадочный эротоман. Начать с того, что неясно было – мужчина это или женщина? Кажется, есть такой шахматист, гроссмейстер Геллер, седой, важный, в роговых очках, но это точно не он. Никита стал вспоминать, посылал ли он свои рассказы в Эстонию – самую европейскую из пятнадцати советских республик. Там выходил на русском языке журнал «Таллин», но Никита туда ничего не отправлял. Ему не удалось отыскать в Москве этот журнал. Даже в районной библиотеке около дома, куда сунулся Никита, о нём не знали. «Зачем тебе “Таллин”»? – нагло поинтересовалась щекастая, грудь в сарафане, как мешок с двумя большими дынями, библиотекарьша. – Читай “Советский воин”! Вон он на стенде. На тебя смотрит!» «Спасибо, уже отслужил», – вежливо ответил Никита. «Вот как? – огорчилась библиотекарьша. – А чего не остался на сверхсрочную?». Она была явно не прочь поболтать, но Никита не стал выяснять причины её живого интереса к армейской службе. Советский воин, так звалась причина. Он или оперативно призвался и свалил от горячей щекастой подружки, перекормившей его своими дынями, или, дембельнувшись, подло не давал о себе знать, а может, как-то неправильно отреагировал на известие о предстоящем отцовстве.

Ладно, дочитаю дома, Никита убрал конверт с рассказом в сумку, закрыл ключом дверь в отдел, двинулся по коридору к выходу. Неужели, подумал он, на столе у Зинаиды Петровны кипит чайник? Как она может пить горячий чай в такую жару?

Но выяснить это Никите не удалось. Проходя мимо кабинета с табличкой «Отдел науки», он увидел, что дверь туда приоткрыта, и то ли шелест переключаемых рукописей, а может мебельный скрип или тихое покашливание услышал Никита. А, собственно, мне что за дело, неожиданно гневно подумал он и даже самопроизвольно смягчил шаги, чтобы хозяин кабинета – древний, с седым пухом на голове, еле передвигающий ноги Моня – Михаил Львович Капустин, так звали редактора отдела, его не заметил.

Это был самый странный отдел в редакции. Во-первых, он состоял из одного-единственного человека, этого самого Мони. Во-вторых, Моня давно преодолел все мыслимые даже для журнального долгожителя пределы.

«Сколько ему лет?» – спросил Никита у своего – теперь он не сомневался, что временного и недружественного – начальника.

«Не знаю, – пошевелил одновременно головой и шеей тот, словно тюлень перед тем, как нырнуть в прорубь. – Точно больше восьмидесяти, но меньше девяноста».

«Почему он до сих пор работает?»

Накануне Никита въедливо изучил годовую подшивку «Юности» и обнаружил в ней всего три статьи, которые можно было назвать условно научными. Автором двух из них был уважаемый академик, Герой Социалистического Труда, директор института квантовой механики. Статьи, однако, он писал отнюдь не по своей тематике. В одной он убедительно доказал, что человек произошёл не от шимпанзе, как считалось ранее, а от ещё более омерзительной своим карикатурным человекоподобием обезьяны бонобо. Более того, академик утверждал, что если в ДНК этой обезьяны вмонтировать очищенные от разного рода негативных наслоений, то есть подкорректированные в сторону совершенства, ключевые гены *homo sapiens*, а такое, по его мнению, станет возможным уже в недалёком будущем, то у современной цивилизации

появится возможность существенно улучшить собственную несовершенную природу. Да, труд сделал из обезьяны человека, соглашался академик с известным утверждением, но человек, увлечшись трудом, забыл про своё происхождение, про свою, можно сказать, Родину-мать – обезьяну. А она, между тем, как раз и есть неисчерпаемый ресурс для дальнейшего развития человека, как биологического вида. «Бонобо-2» – так называлась эта статья.

Чем-то, быть может, непонятным названием, или смутно угадываемым, но неуловимом смыслом статья перекликалась с пьесой «Бессмертное “кампары”». У Никиты даже закралось подозрение, что все материалы журнала связаны между собой, как невидимые кирпичи невидимого – пока? – здания. «Бонобо-2» пьёт «Бессмертное “кампары”», подумал Никита, а потом... бежит в атаку, стремителен и дерзок...

Во второй статье академик решительно развенчивал давнюю человеческую мечту о бессмертии. По его мнению, ни одно живое существо на планете, как бы ни старалось, а старался из известных живых существ один лишь человек, не сможет выйти за пределы заданной ему природой, или неким высшим разумом, иронизировал атеист-академик, матрицы. Матрицу нельзя модернизировать, её можно только уничтожить. Максимальный предел средней продолжительности человеческой жизни, какой только можно выторговать у природы, академик определил в девяносто семь лет. Продлить его никакие медицинские ухищрения, будь то трансплантация органов, или генная инженерия не смогут, так как природа, она же высший, это определение автор заключал в кавычки, разум, всегда наказывает тех, кто выходит за рамки. Причём, делает это очень просто – ломает рамки и выбрасывает их на помойку вместе с теми, кто пытается эти рамки раздвинуть. Отправляет их туда, где сейчас динозавры и мастодонты, то есть на кладбище жидких отходов – в нефть – фундамент нынешнего экономического и социального, тонко намекал на хлынувший в СССР поток нефтедолларов академик, уклада. Далее он делал неожиданный вывод о бесперспективности проектов по освоению космоса. Земля не только колыбель, но и место вечного успокоения человеческой цивилизации. Жить надо здесь и сейчас, не забывая голову несбыточными фантазиями. Заканчивалась статья цитатой Брежнева, что сохранение жизни на планете напрямую зависит от того, как скоро в мире восторжествует вечно живое ленинское учение. Только тогда коллективный разум народов, опираясь на передовые научные достижения, сможет обеспечить мир, покой и благоденствие измученной гонкой вооружений и хищническим истреблением ресурсов Земле.

И была ещё одна статья дамы со сложной фамилией о путешествиях во времени. Дама, ссылаясь на какие-то *тахiony* – частицы, существующие за барьером скорости света – допускала теоретическую возможность перемещения во времени физических тел. Но при этом она выдвигала гипотезу, что путешествие во времени – это движение по спирали внутри единой, напоминающей ленту Мёбиуса, изменчивой плоскости. То есть, не физическое тело проходит сквозь время, а время, вбирая в себя физическое тело, изменяет собственную сущность, сообщая телу иллюзию проникновения в иную реальность. Как вода может существовать в жидком, твёрдом (лёд), газообразном (пар) состоянии, так и время распадается под воздействием неведомых тахионов на бесконечное множество сущностей, типичный пример которых – человеческий сон. Соберите все сны всех когда-то живших и живущих сейчас людей, и вы поймёте, что такое путешествие во времени, потому что вы и есть

этот путешественник. Единственным результатом путешествия во времени, полагала дама, явится бесследное растворение путешественника в одном из бесчисленных, никак не связанных между собой миров. «Это всё равно, что заснуть и не проснуться! Вы хотите отправиться в такое путешествие?» – спрашивала дама у читателей.

«Никто не знает, почему он до сих пор работает, – ответил Никите начальник. – Моня – не человек, которого можно уволить или отправить на пенсию. Моня – это взгляд на мир».

«А что он написал?» – не удовлетворился безразмерным, как Вселенная, объяснением феномена Мони Никита.

«Ну... – вытянул губы морским коньком, начальник. – За последние тридцать лет практически ничего. Когда-то он считался специалистом по цирку. В сорок восьмом году написал что-то не то про советский цирк, и его чуть не посадили, как безродного космополита. После этого он перестал писать».

Да нет, посмотрел на приоткрывшуюся дверь отдела науки Никита, он и сейчас пишет про цирк, просто понимание предмета у него перешло в иное качество...

В это самое мгновение дверь кабинета распахнулась. В проёме возник Моня. Солнце простреливало узкий, как пенал, кабинет навывлет, и Моня с головой обрамлённой светящимся седым пухом покачивался на пороге, словно одуванчик. А что если это... нимб, успел подумать Никита.

– Заходите, молодой человек! – обрадованно произнёс Моня, словно за долгие годы жизни не испытывал радости сильнее, чем сейчас, увидев в редакционном коридоре крадущегося к выходу на мягких ногах Никиту.

7.

– Знаете, мне редко удаётся поговорить с молодыми людьми, – усадил Никиту в единственное в кабинете, зато кожаное, с разлапистыми, как бы надутыми подлокотниками, кресло Моня.

Никита подумал, что на такие подлокотники хорошо класть руки, если одет в камзол с рукавами в кружевах и отворотах. А ноги в сапогах с ботфортами нагло вытягивать на паркет.

– Почему? – спросил Никита, внимательно оглядывая кабинет. Он был здесь в первый и, не сомневался, что последний раз в жизни. – Что мешает?

Дух старости, как невидимый дым, заполнял кабинет от сероватого, давно не обновляемого, в отличие от олялинского, потолка до истёртого в пятнах, как шкура жирафа, паркета. Но это была не мочеваля, немытая, заскоружлая старость в потёках борща и спрятанных корках, а какая-то другая – уверенная в собственном праве на существование, безоговорочно утвердившаяся в кабинетном пенале, более того, не чуждая причудливых импровизаций.

Зачем, к примеру, на стене большая фотография юной Беллы Ахмадуллиной в узеньких брючках? Куда она вдохновенно несёт по осенней липовой аллее своё белое, как блюдце, детское лицо? Уж точно не навстречу древнему Моне. Неужели, успел подумать Никита, он ещё... смеет мечтать на эту тему? И о ком!

Или взятая в застеклённую рамку страница из журнала «Америка» с началом статьи «Еврей становится героем». Никита читал этот номер. Журнал «Америка» доставлялся в редакцию с какого-то таинственного почтового узла в количестве, значительно превосходящем число сотрудников.

«Америка» бесхозно валялась на журнальных столиках в коридоре. Даже на вахте у Зинаиды Петровны, где кипел, как «разум возмущённый», советский электрический чайник, покоилась глянцевая стопка. Так что и посетителям редакции удавалось приобщиться к манящей американской действительности. Речь в статье шла о новых тенденциях городской культуры в еврейских кварталах Нью-Йорка. Молодые люди там ходили в джинсовых лапсердаках, а глухие стены гаражей и складов расписывали граффити – сценами из Ветхого Завета. Никиту особенно впечатлил сюжет, как Авраам входил (в прямом и переносном смысле) к (в) служанке(у) Агарь, а девяностолетняя Сара наблюдала за этим из-за тутового дерева, напоминающего восставший фаллос. Собственно, ничего из ряда вон в заголовке «Еврей становится героем» не было, просто Никита как-то привык, что евреи избегают подобных тем, а некоторые, вообще, не расположены признаваться встречным и поперечным, что они евреи. У Никиты был в армии приятель – Гриша Каневский. Они вместе летели на трясущемся «Ил-18» на Чукотку в посёлок под зловещим названием Угольные копи. В анадырском аэропорту за неимением мест на деревянных скамейках, на полу в опилках отдыхали чукчи, а между ними бегали огромные крысы с длинными, какими-то кожистыми, как плети, хвостами. Новобранцев привезли в часть, разместили в бараке, велели спать в одежде, потому что тепло в барак дали недавно, и он не успел прогреться. Стены и железные кровати были в сюрреалистическом фиолетовом инее. Свисающие на шнурах – крысиных хвостах – с потолка лампочки светили неустойчиво и тревожно. Среди ночи в барак вдруг ворвались служившие в этой части солдаты, немытые, страшные, в засаленных до блеска ватниках и потерявших форму, странно обтекавших головы шапках непонятного цвета. Они стали требовать сквозь мат-перемат сигареты и – Никита с трудом разобрал это слово – какой-то «чифан». Потом он узнал, что так на Дальнем Востоке иногда называют еду. Приставленный к новобранцам сержант выгнал пришельцев, велел всем спать. Никита стал укладываться поудобнее, он не привык спать одетым и на сумке вместо подушки, но вдруг заметил, что Гриша сидит, обхватив голову, на соседней койке и с каким-то нечеловеческим отчаяньем шепчет: «Это какой-то кошмарный бред...» Ему захотелось подбодрить товарища по несчастью, но Гриша, заметив, что Никита на него смотрит, сразу замолчал и отвернулся. Потом, впрочем, всё у него сложилось удачно. Гриша определился в финчасть, выписывал ордера на довольствие и проездные документы дембелям, отпускникам и командированным, а потому был в авторитете даже больше, чем Никита, типографски оформлявший дембельские альбомы. Начальник финчасти души в нём не чаял и выхлопотал ему особый – не десять дней, как положено, а двухнедельный – отпуск. И полетел Гриша в отпуск на самолёте из Анадыря напрямик в Москву, а не как прочие бедолаги – самолётом до Хабаровска – это был ближайший к Чукотке железнодорожный узел, а дальше на поезде в общем вагоне. Когда у Гриши спрашивали, какой он национальности, он угрюмо отвечал: «Советской». А если не отставали, уточнял: «Советский человек с планеты Земля!»

Или свёрнутая в спираль и одновременно завязанная в узел алюминиевая лента, подобно изувеченной змее угнездившаяся на полке?

Да-да, кивнул Моня, вы угадали, это обломок того самого сверхзвукового Ту-144, разбившегося во Франции на авиасалоне.

Воцарившаяся в кабинете старость пахла кожаными подошвами, истлевшими гербариями, осыпавшимися крыльями засушенных бабочек, немного

валидолом, терпким, перебивающим нехорошее дыхание Мони, одеколоном и ещё чем-то неуловимым, тревожным и бесконечным как смерть. Но то была не смерть. Быть может, мысль, ходящая по кругу и утратившая всякий смысл. Ожидание того (кого?), что (кто?) никогда не придёт. А если и придёт, то в последнюю очередь к тому, кто думает и ждёт внутри истоптанного круга. Возможно, в кабинете Мони пахло тутовым деревом, за которым, если верить нью-йоркскому граффити, таилась Сара, и пылью шатра, где Авраам входил к (в) Агарь. Чем совершенно точно не пахло, так это героизмом, если, конечно, у героизма имеется запах. Никита полагал, что это запах звёздного неба, или озона, когда молния ударила близко, но не убила, а оставила жить, чтобы счастливцев смог совершить нечто сверхъестественное.

– Я не интересен молодым людям, – сокрушённо развёл руками Мона, – у меня с ними отсутствуют точки соприкосновения. Молодёжь проходит сквозь меня, как сквозь бесплотную тень, я для неё почти что призрак...

– А как же мудрость, бесценный опыт, свидетельства очевидца великих и грозных исторических событий? – освоился, как новоприбывший карандаш в незнакомом пенале (кабинете) Мони Никита. – Неужели это не интересует нашу советскую молодёжь? – Перед глазами у него почему-то возникло ухмыляющееся размашистое лицо дембеля-Максима, стремительно и дерзко, как Авраам к Агарь, входящего к немигающей девушке-сове. Этого точно не интересует, был вынужден признать Никита. А вот Гришу Каневского... Он вдруг с обидой подумал, что по возвращении из армии, Гриша ему ни разу не позвонил. Никита звонил несколько раз, предлагал встретиться, выпить пива, пообщаться с девушками, но Гриша под разными предлогами, но так, чтобы Никита понял, что никаких встреч не будет, отказывался. Возможно, Гришу интересовало то, что не интересовало Максима, но даже если и так, Гриша никому не расскажет о том, что узнал, распорядится полученной информацией по собственному усмотрению. То есть, тоже внутри некоего круга, куда Никите путь заказан.

– Мудрости, как таковой, не существует, – вздохнул Мона. – Иначе люди, да что там люди, народы и государства, не совершали бы во все времена одних и тех же ошибок. Ну, а опыт, – продолжил после паузы, – продукт скоропортящийся. К примеру, я в молодые годы мог запросто поставить на ботинки металлические набойки. Сейчас уже не сумею, – грустно покачал головой. – Хожу неподкованный. Куда делся мой сапожный и весь прочий, – махнул рукой, – опыт? Я бы мог рассказать тебе, как жить на склоне лет, но это тебя вряд ли это интересует. Молодые не верят ни в смерть, ни в старость, ни... в пенсию, считают, что это произойдёт с кем угодно, только не с ними... В этом, собственно, и заключается победительная прелесть молодости, – неожиданно пристально посмотрел на Никиту Мона, и тот снова вспомнил девушку-сову. У них был схожий цвет глаз. Если серый глазной цвет девушки развести ведром времени и воды, то получится цвет глаз Мони.

– А вот Гёте, – заметил Никита, – рассматривал свои годы после восьмидесяти как счастливое время отдохновения от трудов, подарок судьбы.

– Ну, это если в подарочный набор входят ясный ум, здоровье, память и... ещё кое-что, о чём в молодости не задумываешься, – выкатил вперёд губу, как выдвигной ящик стола, Мона. Пример Гёте явно пришёлся ему не по нраву. – А со всем этим после... – не стал уточнять сроки, – как правило, плохо.

– Но история-то, история, – подзадорил Мону Никита, – это ведь праздник, который всегда с тобой. Её-то у вас никто не может отнять. Я слышал, вы

были помощником Бухарина, когда он редактировал «Известия», знали с Мехлисом, видели Сталина. Почему вы не пишете воспоминания?

– То, что ты называешь историей, у меня отнимали каждый раз, когда надо было решать – умереть или остаться в живых, – ответил Мона. – Моя жизнь – это история, которая не существует, или существует вечно, как природа, что, в принципе, одно и то же. Кто-то считает, что история – это смена общественно-экономических формаций. А я считаю, что история – это смена времён года. Мне нечего сказать пионерам в красных галстуках, если они позвонят мне на встречу.

Ну да, подумал Никита, от Бухарина скорее всего отрёкся, перед Мехлисом лебезил, Сталина аплодировал стоя, превращая ладони в лопухи...

– И в каком же времени года мы сейчас находимся? – заинтересовался нестандартной трактовкой истории Никита. Его тянуло ко всему новому, необычному, бросающему вызов старому – с того самого дня, когда он в первом классе перечеркнул прописи и записал в них собственный алфавит, где были буквы «бой», «гриб», «рак», «соль», а главной считалась буква «вода», причём прописная выглядела как капля, а строчная как волнистая линия. Учительница, помнится, обозвала его идиотом, огрела тетрадкой по голове, поставила кол, но тягу Никиты к новому победить не смогла. Она ушла на дно его души, затаилась там, как Сара за тутовым деревом, как источник, залитый в хрущёвские времена бетоном только за то, что находился возле церкви, и верующие считали его воду целебной.

– Мы? – удивился Мона. – Каждый в своём, как в концлагере. В том-то и дело, что все люди пребывают в разных временах года. Этим, собственно, и объясняются беды нашей цивилизации. Последовательной смены времён года не существует. Кто-то может всю жизнь провести в лютой зиме, а кто-то будет наслаждаться цветущим и плодоносящим летом. Справедливости тут нет. Ты, – оценивающе посмотрел на Никиту, – я думаю, пока ещё в поздней зиме. Тебе ещё предстоит, если, конечно, повезёт, оттаять.

– Как мамонту? – спросил Никита.

– Шаблон – не русское слово, – покачал головой Мона. – В переводе с арамейского языка оно как раз и означает лёд. Но шаблон, в отличие ото льда, не тает. Его можно только сломать.

– А вы в каком времени года? – слегка покраснел, устыдившись банального, намертво слипшегося с глаголом «оттаять» существительного «мамонт» Никита.

– Я существую в завершающем, скажем там, некалендарном времени года. И вообще... я не люблю говорить о себе.

– Почему?

– Потому что мне это неинтересно.

– Скромность делает вам честь, – посмотрел на застеклённую страницу из журнала «Америка» Никита. – Это естественно для... героя.

– Герои столько не живут, – вдруг весело рассмеялся Мона. – Где ты видел героев-стариков? Герой должен умереть молодым, или он... не герой.

– Но ведь мемуары, – не отставал Никита, – это и есть живая история. Кто-то прочитает и будет думать, что всё так и было.

– Что было? – Мона поднялся из-за стола, протиснулся мимо широко сидящего в кресле Никиты к окну. Окно Мони смотрело в крохотный переулок между двумя глухими и слепыми – без окон – стенами домов, относящихся то ли к улице Горького, то ли к Садовому кольцу.

– Всё! – Никита не понимал, что можно увидеть из нацеленного в никуда окна. Не выбирал же Моря место для очередного граффити из Ветхого Завета? В Москве его бы за это по головке не погладили.

– Всё, – повторил Моря. – То есть, если я правильно тебя понимаю, речь идёт о прошлом, настоящем и... будущем. Тебя ведь больше всего интересует будущее, а конкретнее, твоё будущее?

– А кого не интересует собственное будущее? – Никита не то чтобы растерялся, но подумал, что Моря будущее как раз и не должно интересовать, потому что будущее Мони – без вариантов.

– Прошлое, – отвернулся от окна, прислонился, скрестив на груди руки, к подоконнику Моря, – это время, в котором мы ничего не можем изменить, но относительного которого питаем иллюзию, что знаем о нём всё. Будущее – время, о котором мы не знаем ничего, но питаем иллюзию, что можем его изменить. И, наконец, настоящее – граница, на которой одна иллюзия сменяется другой. Честно говоря, я устал стоять на этой границе...

Солнце освещало Моря со спины, и он как будто превратился в памятник – тёмный, со скрещёнными на груди руками и неразборчивым лицом.

– Чтобы сочинять мемуары, – продолжил Моря, – надо верить в неизменность хоть чего-то из этого «всего». В моём случае реален только пограничный столб.

– А в то, что вокруг столба вы не верите? – Никита решил, что превращение в памятник не состоялось, потому что его вдруг достало могильное дыхание Мони. Памятники, как известно, не дышат, тем более, так скверно. Ходят, скачут на конях, хватают прелюбодеёв тяжёлой «каменной десницей», увлекают их в преисподнюю, но не дышат. Никита бы с радостью отстранился, да было некуда.

– Я верю в повторяемость неизменного, – налил из стоящего на подоконнике графина в стакан воды Моря. Отпил, поставил стакан на место. – В то, что история учит тому, что ничему не учит. В то, что я знаю, что ничего не знаю и – одновременно – что знаю всё, ну и так далее... Как там у Державина, я червь, я царь...

– А как же наука? – вспомнил странные статьи по отделу Мони Никита.

– Да-да, наука, – Моря вдруг погас, как перегоревшая лампочка, засуетился, вернулся, шаркая подошвами, за стол, начал переключать бумажки. – Если захотите что-нибудь написать, имеющее отношение к науке, – посмотрел на Никиту пустыми глазами, – ну, там очерк о молодых учёных, приходите, обсудим. Андрей, вас ведь так зовут, очень хорошо, что вы ко мне заглянули...

– Никита, – уточнил Никита. – Меня зовут Никита. Я работаю в отделе публицистики. Сейчас на испытательном сроке.

– Ну вот! – развёл руками Моря. – Старческий маразм, а вы говорите наука... Вас же представляли на редколлегии. Пока наука не отменит старость, как кондуктора в трамвае, верить в неё бессмысленно!

– Ни наука, ни Господь Бог никогда её не отменяют, – Никита понял, что пора уходить.

– Почему? – вяло, видимо исключительно из вежливости, поинтересовался Моря

– Потому что тогда все будут ездить в трамвае без билета, – Никита с трудом вылепился из кожаного кресла, оставив на чёрной спинке влажный след, удивительно напоминающий географические контуры СССР, правда, в

каком-то урезанном виде. Некоторое время, надеясь, что след быстро улечётся, Никита что-то говорил рассеянно кивавшему в ответ Моне, потом, не оглядываясь на липкое кресло, пошёл к двери.

– Зачем вы приходили в редакцию? – уже почти в коридоре догнал его голос Мони. – Сегодня выходной. Обычно молодые люди предпочитают проводить свободное от работы время иначе.

– За будущим, – с изумлением, как будто это произнёс кто-то другой, услышал собственный голос Никита.

8.

– Ага! – вдруг птицей вылетел из-за стола Моря, вернул Никиту в противное кресло, прикрыл дверь в кабинет, предварительно опасливо выглянув в коридор, как будто кто-то мог там появиться. Но кто мог там появиться в выходной день, за исключением бессловесной Зинаиды Петровны. Когда чайник выкипал, она отправлялась в туалет, чтобы наполнить его водой. – Вы полагаете, что редакция журнала «Юность» – это именно то место, где распределяется будущее? Как? Вслепую, или по-коммунистически: каждому по потребностям? – Водянистые глаза Мони блестели, как серые льдинки, он странно оживился и словно даже помолодел, в отличие от Никиты, который расплылся в кресле как студень. Ему казалось, что он не сможет пошевелить рукой, а о том, чтобы встать с кресла, и речи не было. Какое будущее, тупо подумал Никита, у меня нет будущего, я умру в этом кресле, а у него... посмотрел на Моря, бессрочный проездной на трамвай вечной жизни...

– Жара, жара, – пробормотал Моря, включил вентилятор, направил прохладный воздушный столб в сторону Никиты. – Даже вы, юноша, утомились, а что говорить про меня? Скажите, почему вы вдруг заговорили о будущем. Что явилось побудительным мотивом?

– Что явилось? – Силы постепенно возвращались к Никите, но ему было не отделаться от ощущения, что он только что был жадно с губным чмоканьем и постаныванием выпит до дна, как стакан с водой. – А вот что! – Он вытащил нетвёрдой рукой из сумки конверт с рассказом «Ремонт» и, нарушая все мыслимые редакционные правила приличия, протянул Моне.

– Это... что? – вкрадчиво поинтересовался тот. – Ваш текст?

– Пришёл сегодня по почте, – объяснил Никита. – Автор – Н. Геллер из Таллина. Не знаю, мужчина или женщина. Как вы думаете, это можно напечатать?

Он был уверен, что Моря, утомившийся за полувековое сидение в многочисленных советских редакциях, пострадавший за Бухарина, но спасённый Мехлисом, трижды, если верить тюленеподобному начальнику Никиты, исключённый из партии, последний раз как безродный космополит, оклеветавший советский цирк, но всё же восстановленный в рядах после XX съезда КПСС, откажется читать, в лучшем случае пообещает, что посмотрит позже. Но тот, водрузив на нос очки, вытащил из конверта рассказ, быстро посмотрел на последнюю страницу и, убедившись, что страниц немного, а текст не слепой, принялся читать.

По мере чтения, розовое, вялое, как спущенный воздушный шарик, лицо Мони начало разглаживаться, на губах появилась неопределённая улыбка. Похоже, его заинтересовали проделки Олялина. Шарик надулся и был готов лететь.

Никиту же вдруг посетила неожиданная мысль о какой-то компенсации. Будто бы Моня что-то от него получил – что? – а теперь должен расплатиться за это. Но так как никакого уговора между ними не было, отсутствовали и гарантии компенсации. Никита был уверен, что Моня точно знает, что он получил от Никиты, и что в свою очередь – теоретически? – должен получить от него Никита. Но захочет ли он выполнять свою часть несуществующего уговора?

Моня тем временем закончил чтение, снял очки, внимательно уставился на Никиту, едва заметно шевеля губами. То ли он читал молитву, то ли вслух размышлял над сюжетом рассказа. Никита вспомнил, что сам-то он не дочитал «Ремонт» до конца, а потому вряд ли сможет обсудить его с Моней предметно. А ещё у него не было уверенности, что Моня его видит. Моня как будто смотрел сквозь Никиту, как сквозь калейдоскоп, и в данный момент изучал складывающиеся в зеркальном трёхграннике узоры.

– Лонжа, – вдруг произнёс Моня, сложил страницы в конверт, вернул его Никите.

– Лонжа? – удивился Никита. Он не знал такого слова.

– Это гибкий канат, такая специальная резиновая верёвка, страхующая воздушных гимнастов...

Что же там вытворял с несчастной маляршей Олялин, ужаснулся Никита, почему я не дочитал до конца?

– А ещё так назывался иллюстрированный цирковой журнал, выходил в годы НЭПа, я там работал, – пояснил Моня, по-прежнему вглядываясь в прекрасные калейдоскопные дали.

– Вы спросили, что навело меня на мысли о будущем, – решил отвлечь Моню от калейдоскопа Никита. – Позвольте узнать, что навело вас на мысли о... как её... лонже?

– Знаешь, за что меня в сорок восьмом исключили из партии и выслали на три года в Джезказган? – снова перешёл с Никитой на «ты» Моня.

Когда он со мной на «ты», подумал Никита, ему интересно, когда на «вы» – скучно.

– За то, что вы еврей? – Никите не хотелось делиться с Моней тем, что он узнал от своего начальника. Пусть думает, что я дебил! Никите было всё равно. Он вдруг вспомнил, что Гриша Каневский, просидевший два года в тёплой финчасти, ушёл на дембель старшим сержантом в новенькой офицерской шинели, а Никита, тянувший, когда офицеры запивали, газету, участвовавший в двух учениях по отражению нападения противника на северные рубежи Родины, чуть не замёрзший в БМП, когда они, возвращаясь из бани, попали в пургу и заблудились в тундре – всего лишь ефрейтором. И шинелишка у него была так себе, хоть и с начёсом. Пока Никита был в части, этот начёс имел для него смысл. Иначе он бы им не занимался. А как только выбрался из самолёта в Домодедове, он даже с каким-то отстранённым изумлением, вроде и не сам драл шинель массажной щёткой для волос, осознал тщету нелепого начёса, изумился степени собственной деградации.

– Это, конечно, было отягчающим обстоятельством, – согласился Моня, – но тогда сажали не обязательно по национальному признаку. Я написал статью в «Огонёк», хорошую такую, душевную статью про цирк, про дрессировщиц, воздушных гимнастов... – Моня мечтательно задрал голову вверх, будто там, под невидимым куполом воздушная гимнастка выделывала кульбиты в серебристом рыбьем купальнике. – Но какой-то идиот в редакции придумал заголовок: «Сталинский цирк зажигает огни!»

– Ну и что? – спросил Никита.

– Сталин давал накануне интервью американскому информационному агентству, его спросили про нашу атомную бомбу. Он ответил как-то хитро. Черчилль назвал его ответ «цирком». А в день выхода «Огонька» на полигоне как раз провели секретные испытания. Сталин любил читать «Огонёк», даже вырезал из него цветные картинки. Он позвонил редактору, спросил: «Зачем вы выдаёте врагам СССР государственные тайны?» У того сразу инфаркт, ну и закрутилось...

– Не повезло, – сказал Никита, – но причём здесь лонжа?

– Эротика, – ответил Моня, – это и есть лонжа. Так общество страхует себя от надвигающегося сумасшествия. У этого автора... забыл его фамилию, большое будущее.

– Если его не посадят, – уточнил Никита.

– Никто его не посадит, – поморщился Моня. – Я очень рад, что ты дал мне прочитать рассказ, теперь я точно знаю, что всему этому маразму конец! Только вот сроки, сроки... – пригладил одуванчиковый пух на голове. – Двадцать, тридцать лет?

– О чём вы? – Никите показалось, что Моня сошёл с ума.

– О сталинском советском цирке, – погладил себя по щекам, как будто он только что побрился и воспользовался освежающим лосьоном Моня. – Пора, пора ему гасить огни. Ты приходи сюда за будущим? Так получи! СССР ждёт ремонт в духе этого... как его...

– Олялина, – подсказал Никита.

– Да, Олялина, – ухмыльнулся Моня, не оставляя в покое своё лицо. Теперь он зачем-то прошёлся пальцами по губам, что-то прощупывая. – Не всё же ему рвать пасть на Курской дуге.

– Допустим, этого или эту Н. Геллер не посадят, – сказал Никита, ощущая неприятное покалывание в колене и какой-то дискомфорт в нижней части тела. То ли ему было неудобно сидеть в кресле, то ли хотелось в туалет по малой нужде, причём как-то неконкретно, но противно. – Так ведь и не напечатают! Вы же не скажете на редколлегии, что это замечательная проза?

– Почему? – спросил Моня. – Могу сказать. Спишут на старческий маразм, подумают совсем охренел старик, вспомнят Фрейда. Ты прав, рассказик не напечатают, но прочитают его в редакции все в один день, если ты пустишь по рукам, начиная от тёти на вахте, заканчивая главным редактором. Разве это не потрясающий успех автора? Ты ведь знаешь, с какой скоростью читаются в редакциях рукописи. Хорошо, если отвечают через год.

– Вы действительно считаете это хорошей прозой? – медленно, делая паузу после каждого слова, спросил Никита.

– Как тебе сказать, – насупил, видимо, недовольный его тоном Моня. – Это проза нового времени. Она может нам не нравиться, потому что мы живём в уходящем времени, которое, правда, себе в этом не признаётся. Ты посмотри на меня, на наших вождей. Разве мы хотим уходить? Нет, мы хотим жить и править! Они страной, я – отделом науки. Но отменить конец невозможно. Отсрочить – да, отменить – нет. В жизни ведь как? Какое время – такая литература. В новом времени писать о том, что мир сошёл с ума и движется к катастрофе, будет всё равно, что писать ни о чём. Писать, что жизнь не имеет смысла, вопрошать, как Бог всё это терпит, поднимать людей на бой кровавый, святой и правый – будет всё равно, что писать о том, что тебя самого нет. Кому это интересно? А вот Олялин есть! Девчонка есть! Огурец есть! Они

будут всегда. Они непобедимы. Я советую тебе подружиться с этим автором. Съезди в Таллин, хочешь, дам командировку по отделу науки, подумай, как ему помочь. Это тебе зачтётся.

– Бред. – Никита попытался подняться из кресла, но боль в колене – откуда она взялась? – не позволила. – Все люди разные. Такая проза не может нравиться всем!

– Это точно, – с непонятной радостью согласился Моня. – Люди разные. Они делятся по многим признакам. Например, в цирке есть ловиторы и антиподы. Антипод – это тот, кто лежит на спине и держит ногами лестницу, на которую забираются акробаты. Ловиторы внизу ловят кувыркающихся, спрыгивающих с лестницы акробатов. Антипод должен быть тяжёлым и сильным, как бык, а ловитор – гибким и лёгким, как кот. Сталин вывел специальную породу антиподов, чтобы они, хрипя, держали лестницу, по которой народ взбирается к счастью. И они держали, пока он был жив. Но постепенно их ликвидировали, как класс. Остались ловиторы. Они ничего держать не будут. Ловить, что валится им в руки – да, жрать сметану – да. И читать, – усмехнулся Моня, – они будут про то, как Олялин суёт девчонке огурец, а не про то, как страдает народ, или, – весело подмигнул Никите, – тоскует интеллигентный паренёк, который хочет и рыбку съесть, и...

– Не понял, – сказал Никита, хотя ещё как понял.

– Сладко жить при советской власти, – охотно объяснил Моня, – чтобы все его любили и читали, а он бы при этом писал, какая эта власть нехорошая, как она мешает людям полноценно жить, а творцам творить.

– А разве, – поинтересовался Никита, – Геллер хочет чего-то другого?

– Плевать, чего хочет Геллер! – неожиданно возвысил голос Моня. – И он, и ты, и все прочие сможете писать что угодно, потому что литература рано или поздно будет отделена от государства! Церковь, я думаю, будет присоединена, а литература отделена, чтобы не путалась под ногами. Никому не будет ни малейшего дела до ваших писаний. Это сейчас вы в заповеднике, где на каждом шагу кормушки, а потом всех вас, кстати, вместе с читателями, выгонят в лес. Там-то в первозданном лесу и узнаете, что народу плевать на Толстого с Достоевским, а вот на Олялина, девчонку и огурец – нет!

Точно, он сумасшедший, испуганно подумал Никита, сенильный старец, так, кажется, их раньше называли. Господи, что я здесь делаю, зачем трачу время, почему у меня болит колено, и я не могу понять, хочу или не хочу в сортир?

– Люди делятся не только на антиподов и ловиторов, – сказал Никита. Он хотел добавить, что люди ещё делятся на нормальных и выживших из ума, но Моня его перебил.

– Люди делятся на что угодно и как угодно! – почти что закричал он. – Да вот хотя бы по Экклезиасту, надеюсь, ты читал Библию. Одни считают, что всё суета сует, надо жить, как живётся, мир не изменить, а другие – нет, ещё как изменить! Любой ценой! Что это? Мудрый пессимизм против протестного отчаянья? Кто кого? А вот и нет, – понизил голос и как-то сразу погрузился Моня, – никто никого. Они, как две стороны одной монеты. Орёл или решка. Одним хочется, чтобы монета спокойно лежала, другим – чтобы сначала встала на ребро, покрутилась и перевернулась. Потом она, конечно, опять встанет на ребро, перевернётся на другую сторону, но этим уже будут заниматься другие люди, причём с невообразимой энергией, потому что будут думать, что они её переворачивают впервые и навсегда... Хотя, – покрутил в воздухе

пальцами Моня, – может, у них нет стопроцентной уверенности, что навсегда. Иначе бы они не торопились называть своими именами города, не писали бетонными буквами по крышам: «Коммунизм неизбежен». Кто сейчас помнит про город Троцк? Про Ленинград будут помнить, конечно, дольше, но исключительно из-за этой бессмысленной блокады... Рассчитать время, определить оптимальную жизненную стратегию, подготовиться к переменам человеку не дано, – вздохнул Моня, – нет, не дано.

– Почему? Вам же дано, – решил польстить безумному старцу Никита.

– Почему не дано? – словно не расслышал вторую часть предложения Моня. – Слишком коротка человеческая жизнь, слишком много в ней эмоций, переживаний, проблем. Человек живёт здесь и сейчас. Если мужу изменила жена, он будет думать об этом, а не о том, что через двадцать лет завод, на котором он работает, достанется какому-нибудь проходимцу, а по телевизору будут показывать одни убийства и голые задницы. Ты правильно сказал, что все люди разные, – продолжил Моня. – Кто любит арбуз, а кто свиной хрящик, только вот, – поморщился, – не понимаю, что хорошего в свином хрящике, по-моему, это абсолютная мерзость! Кто-то живёт исключительно текущим, сиюминутным, житейским, не отделяя физиологию от души. Таких, кстати, большинство, они производители материальных ценностей, основные налогоплательщики и защитники Родины, и, соответственно, самые убогие, обдуриваемые и обираемые жильцы человеческого, без России и Латвии, как писал Маяковский, общежития. На них всё держится, но их постоянно разоряют, каждые десять-пятнадцать лет делают нищими, чтобы они начинали с нуля. Это закон любой экономической системы, такой же необъяснимый, как законы Менделя о наследственности. Другие анализируют то, что болтается на поверхности, что не спрятать и что, следовательно, разрешается анализировать – журналисты, пропагандисты, идеологические начальники, языкастые управленцы средней руки. Эти знают про неизбежность перемен, но не ведают сроков, а потому постоянно то забегают вперёд, то отстают, одним словом, развлекают народ и власть. Они трусливы и несамостоятельны, как овцы. Им нужен пастух. Или рычащий волкодав, который погонит их куда надо. Обычно это делает власть, но если она хочет самоустраниться, или сменить обличье, то отпускает вожжи, и всё летит к чертям. Третьи – в силу ума, их меньшинство, или приобщённости к управлению государством, то есть к государственным тайнам, к нашим старцам это уже не относится, понимают глубинные причины тех или иных событий – колебаний мировых цен, курсов валют, войн, революций, необъяснимых смертей и внезапных отставок. Это серьёзные господа и товарищи. Можно сказать, они управляют миром. Но не до конца. Конечный итог всегда вне их расчёта. И, наконец, есть ещё люди, их единицы, они прячутся где-то в пещерах, труднодоступных монастырях, на необитаемых островах. Это те, кто прозревает Промысел Божий. Они точно знают, что будет. Если, конечно, – уточнил Моня, – Господь по ходу дела не корректирует свой Промысел. А такое возможно, очень даже возможно, – задумчиво произнёс после паузы. – Поэтому они молчат как камни и никак не афишируют своё присутствие в нашем грешном мире.

– То есть, мир, наша жизнь – слоёный пирог, – спросил Никита, – каждый жрёт свой кусок?

– Скорее, невообразимый ком, в котором слиплись жизни и судьбы всех этих разных людей. Те, кто наверху, не хотят ничего знать про тех, кто внизу, они, как правило, их ненавидят и считают уродами за то, что те позволяют

себя обирать и верят в то, что говорят по радио и показывают по телевизору. Но пути всех людей, независимо от того, кто любит арбуз, а кто свиной хрящик, кто стоит у мартена, а кто плывёт на собственной яхте по тёплому морю, сходятся в момент неотвратимой смерти, а её никому, никому, – с каким-то мрачным удовлетворением повторил Моня, – не избежать. И это, – важно поднял вверх кривой, артритный, похожий на корень имбиря, палец, – делает наш мир единым и неделимым, делает его творением Божиим! Каждому – жизнь. И каждому – смерть! Это и есть высшая божественная справедливость! Так какого же х... вы... мы... – Моня замолчал, втянул голову в плечи, словно нашкодивший ученик, ожидающий от учителя заслуженного подзатыльника.

Но обошлось.

Никите, наконец, удалось встать с кресла.

– Я буду работать в редакции? – спросил он, удивившись своему голосу – неуверенному, скрипучему и как будто просящему.

– Будешь, будешь, – как-то равнодушно успокоил Моня. – На это даже никак не повлияет, женишься ты или нет на нашей красавице – Оленьке Цирельзон.

Всё-таки Цирельзон, вздохнул Никита.

– О женитьбе у нас речи не было, – честно признался он.

– Дело молодое, житейское, – пожал плечами Моня. – Она всё равно уедет в Израиль. С тобой или без тебя.

– Зачем ей я... в Израиле? – удивился Никита.

– Не знаю, – сказал Моня. – Женщины сами решают, что им надо. Зачастую вне всякой логики. После того как разрешили выезд, в Израиле начали выходить газеты и журналы на русском. Может, Оля присмотрела тебе местечко. Ты бы работал, а она занималась домом, как это делают все еврейские женщины...

– Я пойду, – тяжело шагнул к двери Никита. К ногам как будто были привязаны гири, и по-прежнему вязко хотелось в туалет.

– До понедельника! – улыбнулся, почему-то испуганно прикрыв рот рукой, Моня.

9.

В понедельник Никита отдал рассказ своему начальнику. Тот немедленно, как и предсказывал Моня, начал его читать, а со второй страницы вслух, так что сбежались машинописные дамы и люди из соседнего отдела оформления, дверь в который была открыта. Предоставив «Ремонт» его счастливой, если верить Моне, судьбе, Никита отправился к зубному врачу в свою районную поликлинику. Он шёл туда уже в третий раз. Сначала врач положил в зуб мышьяк. Затем запломбировал канал. Сегодня он должен был поставить пломбу.

Врач долго и молча смотрел в распахнутый рот Никиты.

– Это... вы были у меня в четверг?

Никита кивнул, не понимая в чём дело.

– Подождите, подождите, – врач сел за стол, уткнулся в медицинскую карту.

– Вы Никита Прокофьев? – подозвал к себе медсестру, деловито крутившую у окна ватные тампоны.

– Да, я Никита Прокофьев, – начал злиться Никита. Он не собирался возвращаться на работу, а хотел позвонить немигающей девушке. Мать сегодня прямо с работы отправлялась в Театр на Таганке смотреть «Мастера и Маргариту». Этот спектакль шёл три с половиной часа, и Никита рассудил, что вполне успеет пригласить сначала в кафе, а потом к себе домой, ну а там как получится, подругу ушедшего Максима. Он её не любит и не ценит, убеждал себя Никита, иначе не гонял бы как курьера в редакцию.

Изучив – Никита наблюдал это, скривив глаза из кресла – рентгеновский снимок его нижней челюсти, врач и медсестра с двух сторон уставились ему в рот.

– Что вы сделали со своими зубами за эти... – врач снова заглянул в карточку, – три дня?

– А в чём дело? – заволновался Никита. Утром, когда он чистил зубы, они и впрямь показались ему каким-то серыми. Но потом он заметил, что в светильнике на потолке из двух лампочек горит только одна, и успокоил себя, мол, так падает свет.

– Вы как будто... года три, не меньше, не следили за своими зубами, не ходили к врачу. Шестой нижний справа, я в него ставил мышьяк в четверг, он... почти развалился. Почему? А это что? – врач больно простучал металлическим инструментом другие зубы Никиты. Каждый удар остро отдавал в голову, словно врач забивал гвозди. – Сплошной кариес! Откуда? В четверг не было!

– Мне кажется, – едва слышно ответил Никита, – я знаю, откуда...

Но врач расслышал.

– Только вы всё равно не поверите, – вздохнул Никита.

10.

Жарким июльским днём две тысячи шестнадцатого года Никита Прокофьев ехал на маршрутке с Востряковского кладбища. От кладбища до метро ходили рейсовые автобусы, но почему-то именно в субботу – в самые кладбищенские дни – они резко увеличивали интервалы, а маршрутки, напротив, сновали туда-сюда как белые тараканы. Помнится, Никита читал в газете «Тайны Вселенной», что когда в Обнинске разбирали атомный реактор, то под обшивкой обнаружили популяцию огромных белых радиоактивных тараканов. Чем они питались все эти годы, находясь под непроницаемой обшивкой, учёные так и не выяснили. Никита сидел на неудобном месте – спиной к водителю – и, глядя на угрюмых попутчиков, жалел о потраченном на маршрутку полтиннике. На автобусе он бы доехал до метро бесплатно по пенсионной социальной карте москвича.

На кладбище он наконец-то установил на памятнике над могилой жены металлическую пластинку – копию её фотографии. Вообще-то, православная церковь не приветствовала оснащение могильных памятников долгоиграющими ликами усопших, но Никита очень любил эту фотографию. Жена как будто смотрела ему в душу немигающими глазами, одновременно как бы размышляя над тем, что увидела. Сколько Никита ни вглядывался ответно в удлиненное, как падающая капля, лицо жены, он так и не мог уяснить, обрадовало или огорчило её увиденное. Об этом он и размышлял утром на кладбище, сидя внутри ограды на мраморной скамеечке, прихлёбывая из фляжки сильно отдающий то ли патокой, то ли ванилью коньяк под названием «Российский».

Ещё он обратил внимание, что некоторые плитки вокруг памятника потрескались, трава опутала их зелёными верёвками и как будто тянула вверх, а у сидящего под чёрным крестом безутешного белого ангела откололся кусочек крыла. Всё это следовало исправить, но для этого были нужны деньги. Их не было. Никита ещё не расплатился за вставные челюсти, которые ему со скидкой, как пенсионеру и ветерану труда, готовились установить в районной стоматологической поликлинике.

В маршрутке громко говорило радио. Похоже, водитель-таджик практиковался в русском языке. Молодая ведущая, путая ударения и проглатывая окончания слов, сообщила в числе прочих новость, что по данным социологической службы ЮНЕСКО самым издаваемым в мире русским писателем сегодня является... Тут ведущая запнулась, но быстро нашлась, автор по фамилии Геллер. Два его произведения о современной России – роман «Бактериальный марш» и повесть «Подземные войска» переведены более чем на сорок языков. К сожалению, затараторила ведущая, видимо, обнаружив нужную информацию на каком-то сайте, мы в данный момент не знаем, как называть Геллера – Николаем или Натальей. Дело в том, что в этом году писатель в четвёртый раз за свою жизнь планирует изменить гендерную принадлежность. Последний раз он появился на публике совсем недавно. В День России президент в Кремле вручил ему, то есть тогда ещё ей, орден «За заслуги перед Отечеством». На церемонии награждения Геллер была в белом платье, однако лёгкая небритость свидетельствовала о том, что, возможно, писательнице наскучило быть женщиной...

Добравшись до дома, Никита некоторое время сидел на тумбочке в тёмной прихожей, тупо глядя на свой простенький облупленный мобильный телефон. Потом, вздохнув, набрал номер.

– Здравствуйте, Света! Я могу поговорить с Максимом Леонидовичем? – спросил, представившись, Никита у протянувшей длинное «Да-а-а» девушки, живо напомнившей ему своим голосом ведущую с радио в маршрутке. Как будто это она только что взволнованно рассказывала о предстоящих переменах в жизни самого издаваемого в мире русского писателя.

– Никита... э...

– Да, это я, муж недавно скончавшейся двоюродной сестры Максима Леонидовича, вы меня видели на кладбище.

– А по какому... Ладно, извините, попробую соединить. Он плавает в бассейне, может быть, лучше вам позвонить попозже, нет, подождите, он поднимается. Одну минутку!

– Максим, это я, – быстро заговорил Никита, слышав в трубке недовольное сопение. – Я только что с кладбища. Там надо плитку поменять, и у ангела откололся кусок крыла. Я, конечно, всё сделаю, но мне сейчас платить за зубы, поэтому, если тебе не трудно...

– Мне не трудно, – услышал Никита низкий, как у оперного баса, голос, от которого задрожал в испуге его жалкий мобильник. – Я давно превратился в похоронное бюро для близких и дальних родственников. Раньше я думал, что покойники отличаются от живых ещё и тем, что им не нужны деньги. Видит Бог, ошибался... Ладно, я скажу Свете, по-моему, у неё есть номер твоей карточки, она перечислит. Скажешь ей, сколько нужно.

Никита начал благодарить, но Максим перебил:

– Как сам?

– Да так, всё ничего, только вот с зубами никак не закончу, и ещё какие-то тянущие боли в промежности, наверное, надо ложиться в больницу на обследование...

– Подожди, – снова перебил Максим. – Ты ещё свою писанину не забросил?

– Нет, а что? – удивился неожиданному вопросу Никита. Последние тридцать лет двоюродный брат жены решительно не интересовался его литературными делами. – В «Нашем современнике» в марте вышел рассказ, в «Роман-газете» обещают дать мою повесть про семидесятые годы, но просят сократить, а я не знаю, стоит ли, хотя, гонорары сейчас никто не платит...

– То есть, ты в форме?

– Ну да, – несолидно хихикнул Никита. – Как говорится, ни дня без строчки.

– Слышал про «Год театра»? – спросил Максим.

– Слышал, – ответил Никита. – Прошлый был «Годом литературы», а сейчас «Год театра».

– На нашу корпорацию повесили какую-то подмосковную богадельню со старыми артистами. Там живёт эта... ну, помнишь, Нину играла в «Маскараде», леди Макбет, Офелию. С огромными глазами, сиськи тоже были дай бог, такая с виду застенчивая, трепетная, замужем ещё была за композитором Телятниковым, он её с кем-то застукал и застрелился, Брежнев ещё её любил. Как же её...

– Боже мой, неужели жива? – изумился Никита.

– Не просто жива, а хочет осчастливить мир мемуарами, – вздохнул Максим.

– Ну и прекрасно, если она в разуме.

– В разуме, – повторил Максим. – Возьмёшься? Меня за неё просили в администрации. Есть там один, б... театрал! Отказать не могу, через него кредитные бумаги идут. Денег заработаешь, поживёшь в пансионате на свежем воздухе. Бабка уже и название придумала.

– Вот как? – насторожился Никита.

– «Тысяча любовников или семьдесят лет на сцене». Как тебе? У неё какой-то сдвиг на сексуальной почве, только о том, с кем, когда, как, в какой позе и может говорить. Но ведь это как раз то, что нужно читателям?

Никита промолчал, и Максим продолжил:

– Мне этот деятель из администрации про неё все уши прожужжал. Там действительно интересно. И Немирович со Станиславским, когда она ещё в школьном театре играла, и Мейерхольд с Эйзенштейном, и Любимов, ну и те, кто помоложе табуном... Вроде, и сам Брежнев отметил. Потом мне расскажешь. Я тебя не обижу. Сделаешь бестселлер, помогу с нашими акциями, внесу в реестр миноритариев, будет хоть какой-то доход. Захочешь бабкино название поменять – ради Бога! Могу подсказать вариант.

– Интересно. Подскажи, – попросил Никита.

– «До свидания, дорогая мама!» – расхохотался Максим. – Значит, по рукам?

– По рукам, – ответил Никита.

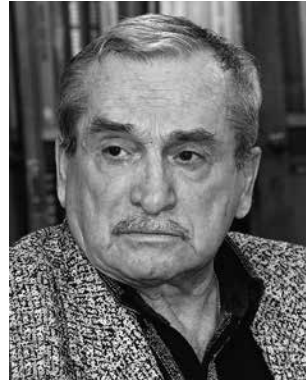

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – автор десяти книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат московских и всероссийских конкурсов. Член МГО СП России и Академии российской литературы.

Живёт в Москве.

«В извечных войнах двух начал...»

«Слово плоть бысть»

*Что делать нам с бессмертными стихами,
Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать?*

Николай Гумилёв

Поскольку к сумеречной ночи
Тускнеет прежний белый свет,
Теперь поэт – «многостаночник»,
Бесспорно, больше, чем поэт.

Теперь, когда не главный фактор
Ни одарённость, ни кураж,
Он и корректор, и редактор,
А иногда и метранпаж.

Являясь просто незнакомцем –
Не «княжий» кум, не сват, не зять –
Он свой клочок земли под солнцем
Зубами должен выгрызть.

И показать себя способным,
Явившись миру бос и гол,
Взметнуться именем весомым,
Одетым в солнечный глагол.

Какой бы лжи ни насаждали
Людская злоба и молва,
Хранят печатные скрижали
Животворящие слова.

Мудрость древних

*Делай, что должен, и
свершится, чему суждено.*

Марк Аврелий (121–180)

Удивляясь обыденно-пошлomu
Бытию на корыстном веку,
В ностальгии по горькому прошлому
То и дело впадая в тоску,
Беспользные слёзы не лейте:
С Рождества Иисуса Христа
Знали стойки давних столетий,
Что душа покаяньем чиста.
Даже если твой идол низложен
И пируют враги на гробах –
Делай то, что по совести должен...
...Остальное исполнит судьба.

В извечных войнах двух начал –
Источник вечного прогресса,
Но, кто бы бой ни начинал –
Он раб чьего-то интереса.

Один – «патрон», «хозяин», «босс», –
По горло сыт и «упакован».
Другой – от роду гол и бос,
Но духом, как бронёй, окован.

Из тех, кто в жизни не едал
Чего-то слаще, чем морковка,
И вряд ли где-либо видал,
Какой бывает «упаковка».

Из тех, кто, веруя, не знал,
Чем эта вера обернётся,
И он, уснув как маргинал,
Небесным ангелом проснётся...

Куда юдоль бы ни вела
В чередованьях «инь» и «яня»,
В цветах добра на фоне зла –
Таится свежесть мирозданья.

Слепой оракул

Пройдя мирские доли и вершины,
Я осознал у грани забвения,
Что только чистым сердцем разрешимы
Загадки парадоксов бытия.

Павлины суррогатного эстетства,
Погрязшие в лукавой новизне,
Мне говорят, что я впадаю в детство,
Хотя оно весь век живёт во мне.

Им не понять того, кто дух очистил
По воле милосердного Отца,
И на закате всё-таки осмыслил
«Нелепицу» от нищего слепца:

«Твой дольний век поэзией продлится
От детства и до смертного конца, —
Премудрой, словно сказочная птица
С рассудком неразумного птенца».

Брожу каликой по Земле,
Для всей планеты — иностранец.
Плодами тяжких, грешных лет
Набит под крышку скорбный ранец.

В меня зрачками пустоты
Угрюмо смотрит древний город,
Где я убил свои мечты,
Когда был страшно глуп и молод.

Мой бранный прах смахнёт Москва,
И за высотными домами
Я, забывая все слова,
Растаю в сумрачном тумане.

Уйду туда, где нет стихий
Земной вражды, казны и званий,
Где вдохновенные стихи
Хранят печаль воспоминаний.

И оживут мои слова,
Когда по полю прежней битвы
Пробьются к небу, как трава,
Как поминальные молитвы.

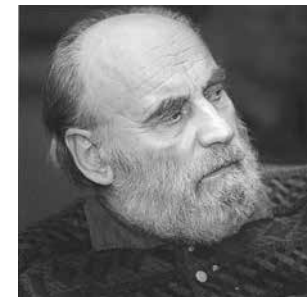

ДРАМА

Юрий БОГДАНОВ

Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Юрия Николаевича
с 75-летием!

Юрий Николаевич Богданов — родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклонуть чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм — «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джюльетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурова лаж», «Последний круг» и других. Ю.Н. Богданов секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Джюльетта

Трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Д ж у л ь е т т а, (Джу), студентка, 17 лет.

Д а н и и л (Дан), отец Джульетты, бизнесмен, 58 лет.

Э л е о н о р а (Эл), мать Джульетты, жена Даниила, 56 лет.

Р о м а н («Ромео»), студент, 17 лет.

В а р в а р а (Варя), мать Романа, домохозяйка, 48 лет.

Н и к о л а й (Ник), друг Романа, 22 года.

М а р г а р и т а (Марго), секретарь Даниила, подруга Джульетты, 25 лет.

В и т ё к, компаньон Даниила, только упоминаемый в трагедии, 50 лет.

Действие происходит в наши дни в Москве и селе при монастыре.

Картина первая

Квартира Даниила и Элеоноры. Большая комната. В кресле сидит Элеонора, напевает романс. Входит Даниил.

Даниил

Опять грустишь... Всё думаешь о нём?!
Пора смириться и не рвать всем нервы:
Возможно ли семнадцать лет страдать
День ото дня?! Не выдержит рассудок...

Элеонора

И столько было мальчику тогда...
Мне снилось: он ушёл в огонь заката,
А туча наплыла и придавила,
Как тяжкою могильною плитой
(напевает)

*Ещё один миг
На старом крыльце:
Растаявший блик
На милом лице.*

*Его не вернуть
И не повторить:
Порожистый путь
Нам не позабыть.*

*И ноги в крови,
И души в аду...
Ты лишь позови –
К тебе я пойду.*

Даниил

(не слушая её)
У нас с тобою, к счастью, есть Джульетта:
Красавица, каких не часто встретишь,
Неровен час – захочет выйти замуж...
Есть на примете взрослый человек –
Удачливый в коммерческих делах.

Элеонора

Такой, как ты, бандит с большой дороги?
Сидеть бы вам пожизненно в тюрьме.

Даниил

Мой компаньон – приличный бизнесмен.

Элеонора

(резко)
Приличный жулик, знаю, твой приятель...
И точит зуб на скорое наследство.
(в задумчивости)
Семнадцать лет... И род наш оборвался...
А этот – неотёсанный болван
В гнездо к нам лезет гадким кукушонком.

Даниил

(уверенно продолжает)
В башке не держит мыслей он таких:
Своею жизнью мне по гроб обязан.

Элеонора

Вот, именно, по гроб... Но чей? Подумай...
Да все вы хороши! Не знала я,
Что станешь ты таким жестоким, злым,
За кошелёк готовым на убийство.

Даниил

Тебя опять по «кочкам» понесло?
Глаз положил на Джу Витёк с тех пор,
Когда она училась в пятом классе...

Элеонора

Скажи ещё с нестиранных пелёнок...
Мне кажется – он скрытый педофил
И вызвался девчонку охранять
Не просто так, а, явно, с чёрной целью.
До старости, развратник, не женился:
По жизни полз отшельником замшелым...
За что «сидел»? Хоть раз скажи мне честно.

Даниил

Ну, ты «хватила»! Сел он за дела,
Которыми совместно воротили,
И вместо нас тогда пошёл на зону...
Забыла?.. Рыльце у тебя в пушку...

Элеонора

Но у неё какой-то парень есть!

Даниил

Не нужен мне «какой-то» голодранец,
Наследство надо выгодно пристроить

Элеонора

(подходит к Даниилу, обнимает его за плечи)
Тебе пристроить... Ей – нужна любовь!
Зачем девчонке этот старый хрыч?..
Ты вспомни о счастливых наших днях,
Когда любовь нас разом поглотила,
Перевернула прошлое вверх дном
И солнце засияло по-иному...
Куда спешить? Должна прийти любовь!

Даниил

(не слушая её)
Сварганим свадьбу... И – долой проблему!
Потом и внуки скрасят нашу старость...
Наследника, надеюсь, «принесёт» –
Тогда не будешь в мыслях падать в пропасть!
А Славу и молитвой не вернёшь.
Но ты всё плачешь...

Элеонора

Может, по тебе...
Семнадцать было мальчику тогда...
Джульетте столько же, но кровь не наша!

Даниил

Ну, хоть моя...

Элеонора

Ну, радуйся, «папаша»!

Даниил

Наследницей единственной моей
Джульетта будет... Слово джентльмена...

Элеонора

Ха-ха! Нашёлся новый джентльмен
Среди барыг и прочей гнусной швали.

Даниил

Тебе мой статус, Эл, не по нутру:
Да!.. У братвы!..
(осекается)
Не только... Я – в почёте.

Элеонора

Тебя не уважают, а боятся!

Даниил

(не слушая её)
Мою Джульетту мир ещё узнает!

Элеонора

Была одна... Шекспир увековечил...
Не знаешь ты, что слово матерьяльно?..
Не страсть к Шекспиру двигала тобой,
А рок витал над гордой головою.
Надеялся на лучшее? Зачем
Девчонке дал ты траурное имя?
Трагедия бедняжку в жизни ждёт...

Распахивается дверь, в комнату врывается весёлая
Джульетта, обоих целует.

Джульетта

Маман, папа, печаль на ваших лицах.
Случилось что-то?.. Быстро признавайтесь!
В один момент я вас развеселю...
Роман опять встречал меня у школы,
Как тень, шёл рядом, проглотив язык,

Потом несмело что-то лепетал,
Но разобрать от счастья не сумела...
Читал мне самодельные стихи,
Краснел, бледнел, как юная девица:

*Перед уходом улыбнись,
Не пропади в тумане зыбком,
К стене глухой не отвернись:
Оставь в душе моей улыбку.*

*Она мне светит до утра,
И в снах ведёт на свет слепого...
Ведь с нею – солнышко вчера
Поспорить было не готово.*

Элеонора

(немного насмешливо)
Мальчишка этот так тебя смутил,
Что чувства разум слабый победили!
Красавец писанный?

Джульетта

Совсем обычный:
Такой же белокурый, как и я,
Напоминает папу молодого...

Даниил

(в сторону)
Пацан сопливый по уши влюблён,
Но толку нет и, видимо, не будет...

Джульетта

(продолжает в запале)
Прилипчивый ужасно, но приятно!
Не хочется бездумно отвергать...
Друзья, шутя, зовут его «Ромео»,
Читает сумасшедшие стихи:

*Я сравню тебя с ветрами
В полусонных волосах,
С бликом северных сияний
В замороженных ночах,*

*С разрумянившимся полем
И туманом над рекой,
С распластавшимся безвольем
За небесной синевой.*

Элеонора

(в сторону)
Вот и Ромео! Прозвище подходит.
А слово матерьяльно, словно мир...

Даниил
(в сторону)
Какой Роман? Роман Роману – рознь...
Есть у меня надёжный детектив –
Пускай проверит каждый шаг юнца
И нарисует нужную картинку.

Даниил обнимает **Джульетту** и оба
выходят.

Элеонора
(отстранённо)
О, эти сны... Приходит мальчик мой
И разговоры снова затевает:
Что наша жизнь, как скоротечный бред,
У вечности насмешливой в плену,
Что мы больны во тьме сиюминутным...
Мрачнеет ликом, вспомнив об отце,
И слёзы жалости кровавые текут...
Принёс наживе в жертву сына Дан.
Но мальчик жив... Я чувствую его,
Когда ко мне протягивает ручки
Как из пелёнок... Но из облаков...
А там, где он... Там вечный, чистый свет,
И жизнь души счастливой бесконечна.

Элеонора уходит, возвращаются **Даниил** и
Джульетта.

Даниил
(обнимает **Джульетту** за плечи)
С тех пор, как Славик без вести пропал,
У нашей мамы разум помутился:
Подозревает в подлости Витька,
Хотя тогда он срок тянул на зоне:
О нём не хочет слышать... Всю трясёт!

Джульетта
Какое отношение Витёк
Имеет к нам, и в чём сама проблема?

Даниил
(уверенно)
Проблемы нет! Хороший человек
Влюблён в тебя... И хочет взять тебя...

Джульетта
(резко)
Что значит «взять»?

Даниил
Как говорится, в жёны...

Джульетта
(возмущённо)
Совсем старик плешивый очумел.
Пусть по себе подыщет старушонку
И чмокает своим слюнявым ртом
Остаток дней с рассвета до заката...

Даниил
Подумай, Джу, – богат и сила есть...
Уже не та, но ты не прогадаешь...
Жить будешь, как за «каменной стеной»,
В довольствии! Он прихоти твои
В одно мгновение исполнять намерен.

Джульетта
(с вызовом)
Скорее я пойду на эшафот,
Чем с этим чмо делить постель я буду:
Ещё задушит мерзкий педофил,
Как тот ревнивец жуткий Дездемону...

Даниил
(в сторону)
Любовь к Шекспиру ей передалась,
Как и талант бесспорный, по наследству.
Кто может усомниться, что она
Не дочь моя? Мои черты и гены...
(примирительно)
Тебя принудить к браку не могу:
Со временем само придёт решение...
Как говорится, «будем посмотреть».

Джульетта
Отец родной, дай выбор мне по сердцу,
Освободи от выдуманных пут!
Сам говорил, что мама по любви
Шла за тебя – влюблённого мальчишку!

Даниил
Да! Ты права! Ни денег, ни квартир
Не наблюдалось даже в перспективе,
Она любила, я её любил!
Но времена совсем иные были.

Джульетта
(подходит к отцу, обнимает его)
Вот видишь, сам-то счастье ухватил...

И стал невыносимым эгоистом.
 А для любви – есть времена любви:
 Познал их тот, кто сам любил когда-то.
 Папа-счастливец, мне бы дар любви
 Ты передал... И большего наследства
 Не надо в жизни!

Даниил
 Истинная дочь!..

Обнимает **Джюльетту**, вместе выходят,
 медленно входит **Элеонора**.

Элеонора
(отстранённо)
 Семнадцать лет печаль не излечили:
 Мой мальчик плачет там, на небесах...
 Тоску мою Джюльетта не развеет...
 Как в Тартар время медленно течёт:
 В нём жизнь моя барахтается слабо...
 Карает Бог за тяжкие грехи!
 Идёт, идёт к нам жуткий час расплаты...

Садится в кресло, свет гаснет.

Картина вторая

Квартира Варвары. **Варвара** стоит в
 задумчивости у ночного окна, входит на цыпочках
Роман.

Варвара
 Куда пропал?.. И телефон молчит.
 Прекрасно знаешь – буду волноваться,
 А ты мне забываешь позвонить...
 Спать не ложусь и жду, когда сынок
 Под утро к старой маме возвратится?!

Роман
(ёрничая)
 «Старушечка на выданье» грустит?..
 В рулетку проигралась «малютка».
(в задумчивости)
 А чем отдам картёжные долги?
 Вот попрошу у щедрого папаши
 Или точнее – у папы-невидимки...
 Но есть ли он, придуманный отец,
 Витающий, как призрак, за «кордоном»?
 Хотя откуда денежки текут?
 И ручеек пока не иссякает...

Увидеть бы отца одним глазком:
 Судьбе за это буду благодарен...

Варвара
(строго)
 Не ёрничай по поводу отца –
 Когда миллионы в семьях не живут,
 На произвол судьбы детей бросают...
 Его же – в бессердечье упрекнуть
 Морального ты права не имеешь:
 Одет, обут, накормлен, обустроен,
 С приятелем таскаешься везде,
 И клуб ночной тебе дороже дома...
 Отца увидишь как-нибудь... Когда
 Небесный гром обрушится за землю.

Роман
 Не будь строга! Учусь я лучше всех...
 Не часто расслабляемся с друзьями...
 На то нам жизнью молодость дана,
 Чтоб в старости о ней мы вспоминали!
 Бабло не разбазариваем зря:
 Пьём только сок,
(в сторону, с усмешкой, тихо)
 покуриваем травку...
(проговорившись, осекается)

Варвара
(со страхом)
 Наркотики?

Роман
(вальяжно)
 На них финансов нет.
 Поэтому, мамуля, будь спокойна...

Варвара
 Ночных друзей твоих не признаю:
 По шаткому мосточку вы идёте...
(задумчиво, про себя)
 Быть может, в наркотический дурман?..
 Как увести от страшного суда
 Моё дитя по выжженной Земле,
 Где пепел чувств и помыслов прекрасных.

Роман
(не слушая её)
 Недавно Ник привёл девчонку в клуб,
 Похожую на ангела без крыльев –
 Прозрачную, как чистый горный воздух...

И между нами искра проскочила,
Как молния, что даже Ник заметил...
Язык отнялся, дух перехватило.
Почудилось: я с нею полетел
К далёким звёздам, светом морозящим...
Но холодом дышали небеса!

*Если ты меня услышишь
Через много-много вёрст, –
Над моей воздушной крышей
Звёзды лягут в перекрёст,*

*И зачну я стих о небе,
О неопытной судьбе,
О твоём духовном хлебе,
Обо мне и о тебе...*

Варвара

(как бы про себя)
Бросает в жар, знобит эфир любви!
Приходит время – дети улетают
В подзвёздный мир из тёплого гнезда...
(обращаясь к Роману)
Девчоночка играет, курит, пьёт?

Роман

(в запальчивости)
Нет-нет... Нет-нет... Небесное создание...
С тех пор ни разу в клубе не была,
Растаяла, как облачко, вдали,
И первый гром по небу катит имя:
Джульетта...та-та, та-та, та-та-та...

Варвара

(в сторону)
Неужто ТА!.. Тогда нежданно рок
Небесным громом грянет надо мною...
Не может быть, сейчас таких Джульетт
Хоть пруд пруди: сегодня имя в моде.
(спокойно, как ни в чём не бывало)
Родители – скорее пьянь да рвань,
А «клубный ангел» дань шерстит с панели?

Роман

(с явной обидой)
Зачем такой суровый приговор?
Она попала в клуб ночной случайно:
Ник обманул и не туда привёл:
Среди толпы богатеньких уродов
Она была, как ангел во плоти,

Смотрела удивлёнными глазами
На всё, что происходит... И ушла
Одна, без Ника: тихо, незаметно.
(читает стихи)

*Я сберегу твой тёплый взгляд,
Как знойный свет луны в ночи,
Где звёзды свечками стоят
На поле розовой мечты.*

*Я поцелую лёгкий след,
Оставленный на облаках,
Его рассыпавшийся свет –
Останется в моих зрачках*

*И вспыхнет
яркою
звездой.*

Варвара

Что было дальше?

Роман

Выспросил у Ника,
Кто предки, и где учится она...
Встречаемся у школы иногда,
Но провожать домой не позволяет.
Сама мне ни о чём не говорит,
И я молчу, как истинный придурок.

Варвара

А кто отец?

Роман

Не выяснил пока,
Но Ник сказал, что предок бизнесмен:
Богатый Буратино – сразу видно –
И если Ник девицу охмурит,
То будет жить безбедно, на халяву:
«Кататься в масле, как заморский сыр...»

Варвара

Как имя предка?...

Роман

(с насмешкой)
Вроде Даниил...
Да что, маман, сие тебя волнует,
Как будто я жениться собираюсь?..
Ты знаешь, что богатство мне претит,

Притом чужое... Моего хватает...
Добуду сам и славу, и почёт,
А к ним бабло, естественно, прилипнет:
Законно, незаконно – всё равно.
Таков уж мир, людьми извращённый.

Варвара

(более спокойно)

Безнравственно жениться без любви:
Влезать в ярмо, пусть даже золотое...
Тобою каждый будет понукать,
Но возразить не сможешь ты и словом...
Звенящее дерьмо из-под «тельца»
Грести заставят грязною лопатой,
И станешь сам презреннее раба...

Роман

(заносчиво)

Гордыни у меня – хоть отбавляй.

Варвара

Но это – тяжкий грех...

Роман

(с некоторым возмущеньем)

Не тяжелее
Разбоя гнусного средь бела дня
И грабежа безмолвного народа
Такими же, как призрачный папан...
(как бы про себя)
Папан, папан... рифмуется с «пахан»:
Свежайшая находка рифмоплёта...
Да не без смысла... Истина проста:
Слинял пахан с дружками за границу,
Но от себя, голубчик, не сбежит.

Варвара

(уточняет)

От совести...

Роман

Но есть ли у него
«Селёдкой» задавленная совесть?

Варвара

*(подходит в шкаф, достает конверт,
протягивает Роману)*

Вот фото «призрака»! Внимательно смотри...
Нечёткое, но сможешь разобрать:
В компании с дружками на «Канярах».

Роман

(рассматривает фотографию)

От моды мировой не отстают:

Без галстуков слетаются на «стрелки»:

(подходит к зеркалу, смотрит то на себя, то на фото)

Какое сходство, только без волос,

Плешивый дед... Влюбилась же в такого!

Варвара

Он был другим... Но время пронеслось:

В его пыли всё в жизни искривилось...

Хотела бы вернуть злосчастный день,

Когда свершила страшный грех пред Богом,

Быть может, обрекла детей на смерть?..

Свою живую душу погубила...

Я всё же не советую тебе

Встречаться с подозрительной Джульеттой...

Роман

(ёрничая)

Каких детей? Одно твоё дитя

Пред образом твоим! Его лелеешь,

И до потери пульса ублажаешь.

Но не даёшь возможности любить,

Кого хочю: хотя бы и Джульетту...

Скажи-скажи, что мучает тебя,

И почему сомненья мысли гложут?

Не пара мне? Но чувствую: сама

Ко мне стремится... Время всё покажет...

Варвара

(в сторону)

О, если б знал всю правду до конца,

Не укорял меня несправедливо.

(к Роману)

Гуляй пока! Ещё таких Джульетт

Ты не одну поверхностно полюбишь...

Роман

А надо ли мне что-то объяснять,

Ведь ты сама в любви меня рожала?!

(быстро собирается)

С тобою заболтались... Уходить

Уже пора! Когда-нибудь продолжим

Дискуссию о жизни и любви!

(одевается и быстро уходит)

Варвара

(в смятении)

Всё сходится: Джульетта, Даниил...

Они... Они... Не может быть ошибки.

И для знакомства Ромы и Джульетты
Их в клуб ночной привёл злосчастный рок!
(беспорядочно ходит по комнате)
Что делать мне, кто даст благой совет?
Какой обман придумать для Романа,
Чтоб надломилась скорбная любовь?
Бежать, звонить, тревожить Даниила?
А вдруг Джульетта тоже увлеклась:
Болезнь любви пустила метастазы...
Как Даниил знакомство прекратит?
Быть может, срочно дочку выдаст замуж?
Тогда, как дым, рассеется беда:
Роман найдёт себе любовь другую,
И страсть, как спичка тонкая, сгорит,
Не распалив трагическое пламя...

Звонок мобильного телефона.

Голос Даниила

Варвара, ты? Привет тебе, привет!
Давненько мы с тобой не говорили...
Но знаю всё: «шестёрка» донесла
Когда и где встречается Джульетта
С твоим Романом...

Варвара

Может быть, с твоим?

Даниил

С моим – твоим... Сейчас я не об этом...
Сама ты понимаешь, что пора
Не дать созданным нашим кислорода...

Варвара

Любовного?

Даниил

Какого же ещё?

Варвара

Я в шоке, Дан, сама подозревала,
Что может быть, чего не может быть...

Даниил

Твоя задача, – не открыв причины,
Романа от Джульетты оторвать
И поломать любовное влечение...
Надеюсь, ты задачку поняла,
И повторять её тебе не надо!
Прощай, как говорят, до новых встреч.

Вешает трубку, короткие гудки.

Варвара

Смертельный грех вовек не замолишь...
Бог не простит такое преступление:
Из выгоды святое продала
И на Его творенье покусилась...
Зачем ещё хожу я по Земле,
Когда пусто место в преисподней,
Семнадцать лет меня с терпеньем ждут,
Но я всё здесь топчусь в пыли со страхом.

Звонок мобильного телефона.

Голос Романа

Сегодня я немного задержусь...

Варвара

Опять до ночи? В этом жутком клубе?

Голос Романа

(восторженно)
Нет, мамочка, сейчас уже лечу
За ангелом моим я, за Джульеттой:

*В лёгком платье, как ветер июньский,
Пробежит по лугам в тёмный лес –
Гром ударит космическим пульсом,
Всё круша и ломая окрест.*

*И рванусь я за нею безмолвно –
Путь стихии перегорожу
И её смертоносные молнии
Себе в свадебный пояс вяжущу.*

Вешает трубку, короткие гудки.

Варвара

Что в этой жизни мне ещё искать,
Когда смертельный грех другой рождает?
Я грешницей покину этот мир!
Простит ли Бог лихое злодеянье?
Уйду, уйду навечно в монастырь,
А примут ли преступницу святые?

Свет гаснет.

Картина третья

Сцена, как в первой картине, в комнате
Джульетта и её подруга Марго.

Джульетта

(задумчиво)

День совершеннолетия прошёл...
 Марго, я сразу на год постарела,
 А мой Ромео слушается мать,
 Которая брак не благословляет:
 Пугает детку «выгодным родством»,
 Беспечностью и молодостью нашей!..
 Ушла мамаша в дальний монастырь,
 Но издали свою диктует волю...

Марго

И целый год возлюбленный Роман
 Тебе морочит голову и душу!..
 Вот, Ник под боком: будет на руках
 Тебя носить...

Джульетта

Опять же – за богатство!
 А если что – на раз рванёт к другой,
 Которая престижней и моложе...
 К тому же, за год сильно поплохел:
 К наркотикам тяжёлым пристрастился...
 Романа совращает покурить:
 Вытягивает денежку крутую...
 Он что-то мне лепечет о любви,
 К Роману невменяемо ревнует...
 Ромео впал в минорные стихи:

*Я – темнее чёрной тучи
 И космической вины...
 Я от боли неминучей
 Поднимусь из глубины,*

*Замерцаю в атмосфере...
 Различишь меня средь звёзд?
 Блеску резкому поверишь
 В радуге горячих слёз?*

Марго

А твой отец согласен дать «добро»
 И понял, что любовь всего дороже?..
 Пускай Ромео сам к нему придёт
 И по-мужски сомнения развеет...
 Докажет, что воистину влюблён
 В его обожествлённое творенье,
 Что для него утрачен жизни смысл –
 Ни дня прожить не сможет без Джульетты.

Джульетта

(страстно, возмущённо)
 Отец не хочет слышать о любви:
 Ему важнее деньги, деньги, деньги!

И говорит, что только через труп
 Смогу я выйти замуж по желанью.

Марго

Но через чей?

Джульетта

Конечно же, его!

Марго

Не уточнила? Может быть, Романа?

Джульетта

(в размышление)
 Не думаю... Хотя всё может быть...
 Не зная человека... За глаза
 Ругает Рому разными словами,
 Чтобы любовь мою поколебать!
 Подсовывает дряхлого Витька,
 Которого я с детства ненавижу.

Марго

(в сторону)
 Но Витенька совсем ещё не плох,
 И возраст для женитьбы подходящий:
 Такие глаз кладут на молодух,
 А новым жёнам видится наследство,
 Да и свобода лёгкая во всём...

Джульетта

Задумалась? Вот «кадра» для тебя,
 А третий брак – надёжней предыдущих.

Марго

Отдашь без сожаления?

Джульетта

А то!!!
 И вся проблема разом рассосётся:
 Две свадьбы справим и – всему конец.

Смеются, обнимаются, входят **Даниил** и **Элеонора**.

Элеонора

Вот и веселье к девочкам пришло!
 Мы отбываем к родственникам нашим
 До завтра! Гуляйте хоть всю ночь.
(напевает)
 В жизни раз бывает восемнадцать лет...

Даниил

(шутливо-строго)

Себя ведите, девочки, прилично.

Собираются выходить, входят **Роман** и **Ник** с друзьями.

Марго

(шепчет Джульетте)

Вот случай познакомиться твоим...

Джульетта

(скороговоркой)

Молчи! Молчи!

(обращаясь к вошедшим)

Ребята, проходите!

Гости проходят в соседнюю комнату, **Роман** и **Ник** остаются.

Джульетта

(обращаясь к родителям)

Мама, папа, пора вам уходить...

(к Марго)

Когда-нибудь знакомство состоится...

Роман

(в сторону, глядя на Даниила)

Мне кажется: я с ним давно знаком

Но кто знакомил? Что-то не припомню...

Даниил

(в сторону, поглядывая на Романа)

А вот и он... Явился наконец...

Да как похож! Лукавый пляшет в генах,

А рок заводит сладостный мотив.

(обращаясь к Элеоноре, тихо)

Хотела мельком увидеть Романа?!

Так посмотри, и – навсегда забудь!

Элеонора

(порывается в сторону Романа, Даниил крепко удерживает её за локоть)

Хотела познакомиться поближе...

Даниил

(грубо дёргает её)

Сказал – забудь! Сейчас и навсегда!

Даниил подталкивает **Элеонору** к выходу, и они быстро выходят.

Ник

(обращаясь к Роману, тихо)

Пойдём с тобой пропустим по рюмашке,

Пока ребята сядут за столы,

И втихаря в «предбаннике» покурим.

Проходят в соседнюю комнату, где накрыт стол, у которого толпится молодёжь. Входят **Джульетта** и **Марго**.

Марго

Ну, что же ты? Был для тебя момент

При всех друзьях с отцом конфликт уладить!

Джульетта

О, нет! О, нет! Отец сказал: убьёт –

Пусть только на пути Роман возникнет...

А тут он сам явился в «тёплый дом»!

Марго

И ничего плохого не случилось...

Джульетта

Всё оттого, что раньше не встречал

Отец Романа и в лицо не видел...

Но я не удосужилась сама

Представить их друг другу из-за страха!

Марго

Трусиха, будешь дальше прозябать...

Вот если бы меня так полюбили –

Препрады разнесла бы в пух и прах:

Взяла своё и чёрта не спросила!

Джульетта

Так вот возьми богатого Витька,

Тебя он, словно юноша, полюбит...

Хоть кто-то будет счастлив на Земле:

Заблудшие найдут своё спасенье.

Марго

Подумаю... Он смотрит на меня

Нескромно, а скорее – вождеденно.

Уходят в комнату, где вся компания...

Появляются **Роман** и **Ник**.

Ник

Ну, видел «Буратино»? Как тебе?

Не сможешь ты с разбойником поладить:

Он жёстко стелет – невозможно спать...
По морде вижу: тот ещё «огурчик».

Роман

Надеешься папашу обломать?
Но ведь Джульетта...

Ник

Что твоя Джульетта?
Меня не любит? А твоя любовь
Опутала её, как паутина,
И сушит, будто муху, про запас.
Ты сам ни гам, ни «му», ни кукареку.
Но я склоню её к «земной любви»...

Роман даёт пощёчину **Ник**у, тот убегает из дома,
входит **Джульетта**.

Джульетта

Что происходит? Ник слинял совсем?
Что иль кого друзья не поделили?

Роман

(с раздражением)
Тебя!.. Тебя!.. А повод, вижу, есть...
Ты влюблена?

Джульетта

(обиженно)
В него? Да ради Бога!
Пришло ж такое в глупую башку!

Роман

(в сторону)
Найди себе головку поумнее...

Джульетта подходит к **Роману**, обнимает его.

Роман

Он прилипает, словно банный лист,
А ты не хочешь мальчика отвадить
И возбуждаешь в чувствах и мозгах
Дурную ревность...

Джульетта

Ты это серьёзно?
Мне безразличен, словно шаткий стул...

Роман

(в запальчивости)

Века живёт пословица в народе,
Голубушка, что правды нет в ногах.
(с издёвкой)
Но стула нет – и не на чем сидеть,
А чтоб прилечь – скамейка понадёжней!

За приоткрытыми дверями появляется **Ник**,
прислушивается, слышит диалог **Джульетты** и
Романа.

Джульетта

(целует Романа)
Оставь, любимый, этот разговор,
Тебя люблю! Во мне не сомневайся.
За этот год я всё перенесла:
«Наезд» отца, болезнь и унижение,
И, кстати, нерешительность твою.
Но сердцу, мой Ромео, не прикажешь:
Тебя до смерти буду я любить.
Никто-никто на свете мне не нужен!

Роман

(становится на колени)
Но почему весь космос против нас:
И твой отец...

Джульетта

И мамочка «святая»...
Тебе я верю больше, чем себе:
Мне в этом мире ничего не надо,
А только ты!

Роман

И нет нам жизни врозь:

*Пред образом твоим я трепещу,
Ловлю неуловимые движенья,
Как облака неслышимое скольжение,
И небом розовеющим дышу.*

*Я ощущаю запредельный свет
В твоих глазах, разбуженных зарёю...
Встаёт на горизонте не рассвет:
Твой светлый образ
Всходит надо мною...*

Неожиданно в дверях появляется **Ник**. Видно,
что он разъярён, становится между **Романом** и
Джульеттой.

Ник

(обращаясь к Джульетте)

Обманщица! Мне «строила глаза»,
 Порочным смехом душу завлекала...
 Сжигал меня при встрече поцелуй
 Сухой, фальшивый, как цветок бумажный!
 Во всём обман...
(поворачивается к Роману)
 Тебя домашний гусь
 Лететь в любовь, как в небо, соблазняет. Пусть ходит с
 курами по грязному двору
 И кормится безвольно, чем придётся...

Роман подскакивает к **Ник** и даёт ему ощутимую
 затрецину.

Ник
 Тебя я вызываю на дуэль!

Роман
 Да хоть сейчас! Пошли во двор стреляться!

Роман и **Ник** выбегают из комнаты, **Джюльетта** – за ними. Из
 другой комнаты выходят **Марго** и несколько ребят.

Марго
 Вы слышали какой-то странный шум?
 Куда сбежали Джу и Ник с Романом?

1-й женский голос
 Мне кажется, что Коля не в себе...

Марго
 Да он сегодня дважды укололся
 И потащил Ромео на дуэль!

2-й женский голос
 Но у него не травм-пистолет,
 А пушка настоящая... Что будет?

На улице раздаётся выстрел, все подбегают к окну,
 суесться.

1-й голос
 Ой, у Романа кровь на рукаве...

2-й голос
 Снег приложил и снег уже бордовый!

Раздаётся второй выстрел.

3-й голос
 Смотрите, Коля в снег ничком упал!

4-й голос
 Скорее вниз!.. И в «скорую» звоните...

Все убегают, остаётся **Марго**.

Марго
(отстранённо)
 Я чувствую: приблизился финал
 Любовного конфликта между ними...
 Роман горяч от истинной любви!
 Ник наркотой себя воспаляет.
 Светла на узкой тропке их судьба –
 Не разойтись мальчишкам полюбовно...
 Стоит с косою косою за углом.
 Никто из них костлявую не видит...

Вносят на руках **Ника**, тот без сознания; его укладывают
 на диван, а за ним вводят **Романа**, у него окровавлен левый
 рукав рубашки, он стонет.

Роман
(сквозь слёзы)
 Ребята, знайте, я не виноват...
 Нарушил Ник дуэльные законы:
 Как только вышли – выстрелил в меня
 Из настоящей самодельной пушки!
 И я бабахнул Нику прямо в глаз...

«Резина» до конца не убивает...
 Но морду покалечит навсегда!

Звонок, входят **врач** и **санитар** скорой помощи, все
 затихают, **Роман** прячется за дверью.

Врач
(устало)
 Где ваш больной?

Несколько голосов
 Сюда... Сюда... Пройдите!

Марго подводит к лежащему на диване **Ник**у, возникает
 пауза, пока врач осматривает Ника.

Врач
 Чей родственник? Помочь нельзя ничем...
 Исход летальный...

Джюльетта
(изумлённо)
 Как? От этой раны?

Врач

(задумчиво)
 Скорее от наркотика... Ваш друг
 Не рассчитал...
 Вколол большую дозу!..
(звонит по мобильному телефону)
 Да! Приезжайте, заберите труп...
 По адресу: Зелёная, 17...
 В полицию? Звоним, звоним сейчас:
 Прибудут скоро – нужный акт составим...

Набирая номер телефона, **врач** и **санитар** выходят в другую комнату; гости в шоке.

Джульетта

(как бы про себя, в сторону)
 А где Роман? Его не вижу я?
 Что с ним? Один? Без помощи остался...

Из-за двери выходит **Роман**; он дрожит.

Роман

Спокойно, Джу.
 Я должен убежать...
 Полиция не будет разбираться –
 Кто и за что... «Навешают собак»
 И за решётку быстренько отправят.
 Прощай, прощай! Сейчас они придут.
 Я позвоню... Ты ничего не бойся!

Роман убегает, **Джульетта** остаётся в растерянности; её окружают ребята.

Занавес.

Картина четвёртая

Комната **Варвары**, в окно виден монастырь, она стоит на молитве, потом ходит по комнате.

Варвара

О, Господи, прости меня, прости!
 По молодости сделала ошибку:
 Не думала, что до скончания дней
 Кровавыми слезами буду плакать...

Польстилась на богатство и сама
 Себя толкнула в бездну преисподней.
 А Даниил смеялся, словно бес,
 Когда всучил мне доллары шальные...

О, Господи, прости меня, прости!
 Ведь деточки ни в чём не виноваты,
 Но чёрный рок несётся по пятам,
 Чтоб поглотить невинные созданья!

Зачем, зачем польстилась на «тельца»?
 Казалось, жизнь становится счастливой
 Без веры, без молитвы, без любви!
 И вот сейчас одна за всё в ответе...

О, Господи, простить смертельный грех
 Мне невозможно: грешница до смерти...
 Спаси детей... За всё отвечу я,
 Прости, прости, вселюбящий, все сильный.

Стук в дверь, **Варвара** открывает, входит измученный, грязный, оборванный **Роман**.

Варвара

Ой! Рома, милый! Как сюда попал?
 Не близкий свет! Как долго добирался?

Роман

(снимает куртку)
 Семнадцать дней... Нашёл тебя с трудом...
 Узнал в монастыре, где обитаешь.
 В монастыре, наверно, места нет?..

Варвара

Таким, как я, нигде не будет места...
(со страхом)
 Да что с тобой? Ты ранен? Кем? За что?
 И бледен, как стена, или покойник.

Роман

Рассорился я с Ником навсегда...

Варвара

Но Коля был твоим надёжным другом!
 Да что могло рассорить вас вконец?

Роман

Соперники не могут быть друзьями...
 Тем более, убитые... Его
 Я застрелил случайно на дуэли...
 Но Ник не в шутку выстрелил в меня

Из «самоделки» боевым патроном
 И ранил в руку... Я не ожидал
 И машинально выстрелил, не глядя...
(падает на кровать)

Варвара

(садится рядом с Романом)

Но в чём причина? Деньги, наркота?
Играют бесы чёрными страстями...
Поддашься им – безжалостно убьют!
Ты заглянул в глазницы лютой смерти!

Роман

Мою Джульетту Ник хотел отбить
С корыстной целью, нагло, грязно, пошло!

Варвара

(встаёт, отходит от Романа, в сторону)

Опять Джульетта! Милостивый Бог,
Ты не услышал искренней молитвы...
Над нами рок витает, словно смерч,
И тащит в ад за этот грех смертельный!
(обращаясь к Роману)
Роман, сынок, просила я тебя
Найти другую девушку для брака...

Роман

Зачем другая, если я люблю
Одну Джульетту?! Мне другой не надо,
Да и она не ищет никого
Взамен меня, хотя папаша против...
Отец не отпускает ни на шаг
Её из дома...

Варвара

Спорить с Даниилом...
*(осекается, пауза... Чувствует что
проговорила. Но продолжает...)*
Не так-то просто! Должен понимать:
Нельзя ломать судьбу через колено...

Роман

(смотрит на Варвару удивлённо)
Откуда знаешь, как зовут отца
Моей Джульетты... Это очень странно?

Варвара

Ты сам о нём когда-то говорил.

Роман

Но что-то я такого не припомню...
(задумывается, пауза, припоминает)
В злосчастный день я встретился с отцом...
*(Варвара вздрагивает, пауза, Роман медленно
продолжает)*

С папá Джульетты... Дико поразился:
Как он похож на дядечку того –
С «Каняр», «Каняр»... На том размытом фото...
С моим отцом, как братья-близнецы,
Хотя на сто процентов не уверен.

Варвара

Лицом похожих много есть людей...
Тем более, на том нечётком фото!
Рассмотришь дома... Только ни к чему
Ввергать себя в пустые размышленья.

Роман

Ну, хорошо! Ты честно мне скажи –
Чем не мила тебе моя Джульетта?
Зачем любовь ты хочешь поломать
(с укором)
«Единственного мальчика на свете»?
Не видела её ты никогда,
Но ненавистью сердце наполняешь!
Любовь моя пройдёт сквозь бурю зла,
Осилит тьму и в небо устремится.
Уже ничто не сможет помешать
Душой и телом с ней соединиться...

Варвара

(с дрожью в голосе)
В тебе я вижу истинность любви,
Поэтому открою бездну тайны,
Которая проглотит этот мир
И всех никчёмных духом и душою.
(пауза, начинает в задумчивости говорить)
Когда была совсем я молода,
Пришёл ко мне по страшной воле рока
Приличный дядечка...

Звонок мобильного телефона.

Голос Джульетты

Алло... Алло...
Роман, любимый, больше двух недель
Твой телефон молчит, молчит, как мёртвый,
Не знаю – где?.. Не знаю – что с тобой?!
Душа моя заплакалась в надежде...
Но вот и ты... Целую горячо...
И жду-жду-жду...

Роман

Моя, голубка, Джу,
Сто тысяч лет я голос твой не слышал!

Ромео твой блуждает по лесам,
Глубокие зализывает раны
Не на руке – в душе своей, в мозгах,
Летит к тебе израненною мыслью:

*Мне снилось: без меня ушла
В объятия солнечных ромашек,
Забыв, что ты со мной была,
И жаркие признанья наши.*

*И снова стал я ревновать
Тебя к цветам и звёздам дальним,
Но о любви я прошептать
Смогу лишь на Земле печальной.*

*Не слышит космос этих слов,
Ромашки гаснут, как планеты...
Я принесу тебе из снов
Звёзд полыхающих букеты.*

Голос Джульетты

Лети... Лети... Не бойся ничего:
Тебя во всём, любимый, оправдают,
А если нет – пойду я за тобой
И в небеса, и в смрадную геенну,
Чтоб никогда, нигде не разлучаться...

*Поспеши ко мне, поспеши...
Я тебя ожидаю вечность:
На изломе моей души
Проступает моя беспечность.*

*Из вселенной твоей приди
И согрей мою боль дыханием...*

Короткие гудки, связь прерывается.

Роман

Вот, чёрт возьми, такая связь, как жизнь,
Не знаешь, где, когда она прервётся...

Варвара

Лукавого сюда не призывай:
Как упомянешь – сразу же прискачет.
И без него мне в мире места нет...
(пауза)

Так вот, продолжу: дядечка приличный
Издали лихую речь завёл,
Что, дескать, был...

Звонок мобильного телефона.

Голос Джульетты

Как в жизни... Нас прервали:
Бес нам ступить и шагу не даёт...
Витёк с дружкой «палёнкой» отравились:
Похоронили десять дней назад...
Теперь отец живёт в тяжёлом трансе:
Жених сорвался с ржавого крючка!

Роман

Всё к лучшему...
Препятствий больше нет?!

*Твои руки –
Как два крыла:
От восхода и до заката
Простираются...
Таёт мгла,
И вселенная светом объята.*

*Твои руки –
Как два крыла...
Над мечтою моей бескрылой
Синей птицею проплыла,
И поймать я тебя не в силах.*

Голос Джульетты

Дан против нас по-прежнему лютует...
Мне всё равно! С тобою убегу
Или уйду по зимнему этапу...

*Скажи, что я твоя одна:
Никто-никто тебе не нужен.
Что я – любви твоей стена,
И ты за нею безоружен,*

*Что проживёшь ты без меня
Ещё какое-то мгновенье,
Но это будет только тленье
От бушевавшего огня*

Что ты...

Связь прерывается, короткие гудки.

Роман

(в задумчивости, в сторону)
Вот так всегда, когда душа горит
От слов любви, как от сухих поленьев,

Свинцовый дождь зальёт страстей костёр,
А сизый дым слезинку вышибает...

*Что скажу? Ещё не знаю:
Просто руки протяну,
Словно я тебя спасаю,
Уходя с тобой ко дну.*

*Но для Бога – всё едино:
Открывает нам секрет –
На земле моей пустынной
Без тебя и жизни нет.*

Варвара

Призвал ты беса... Он мне не даёт
Рассказ закончить...
Этот мрачный дядя
Поведал мне, что сына потерял
Из-за «разборок» с мнимыми друзьями.
И вот теперь, он и его жена
Хотели бы...

Звонок мобильного телефона.

Голос Джульетты

Как трудно дозвониться!
Полиция таскает каждый день
Всех на допросы, что-то выясняет...
«Под монастырь» тебя не подведём:
В своих друзьях будь до конца уверен!

Роман

Но ты отца боишься, как огня,
Или чёрт ладана...

Голос Джульетты

Теперь я осмелела,
Мне никакие черти не страшны...
Прошу тебя: скорее возвращайся,
Сыграем свадьбу всем наперекор,
Свою судьбу вершить мы будем сами
И в счастье долго жить...

*Будем любовью лечиться
В жизни неясной, впотьмах...
Только влюблённые птицы
Не знают заоблачный страх...*

Роман

Любимая!
Спешу к тебе... И завтра выезжаю...

Голос Джульетты

Ромео мой! Люблю! Люблю! Люблю!

Голос прерывается, пауза, **Роман** ходит по комнате.

Роман

(про себя)

Неужто боги милость проявили:
Нам не чинят трагедий на пути?
Родители?!
Скажи мне честно, мать,
За что мою Джульетту ненавидишь?

Варвара

Роман!.. Её люблю я всей душой,
Как дочку мать, без преувеличенья,
Желаю счастья в будущей семье...

Роман

Так, значит, нет причины для протеста?

Варвара

Ей будет счастье...
Только не с тобой!

Роман

«Заклинило»? Что значит «не с тобой»?
Я никому Джульетту не отдам!
Не надо мне придумывать историй,
Которые нас могут разлучить.

Варвара

(продолжает рассказ)

Поведал мне тот «чёрный человек»,
Что сын его пропал из-за «разборок»...
Среди друзей предатели нашлись.
Ударили по самому больному –
Что без ребёнка свет ему не мил:
Кому оставить всё, что «наработал»?
Что в этой жизни смысла больше нет...

Роман

(в сторону)

Какое совпадение: у Джу
Был тоже брат, которого убили
За тёмные отцовские дела...
Один лишь раз Джульетта мне сказала
О нём... И мельком... Больше никогда
И словом не обмолвилась...

Варвара

(обращаясь к Роману)

Сыночек

О чём, о чём задумался? Скажи!..

Роман

Мне кажется, здесь много совпадений...

Варвара

Трагических!.. Просил тот человек

Приобрести ребёночка за деньги...

Неожиданный громкий стук в дверь.

Варвара

Кто там? Кто там? Открыть я вам боюсь!

Ночь на дворе, а времена лихие...

Голос из-за двери

Полиция! Проверка паспортов!

Варвара подбегает к **Роману**, что-то ему говорит и прячет его в погреб.

Варвара

(громко)

Сейчас открою, только приоденусь...

Идёт открывать, в комнату входят двое полицейских.

Первый полицейский

(грубо)

Разыскиваем вашего сына!

Варвара

(удивлённо восклицает)

Мой сын пропал? Какое наваждение!

Второй полицейский

(злобно)

Сбежал убийца! В розыске пацан!

Варвара

(несколько возмущенно)

Мой сын при чём? Здесь страшная ошибка!

Первый полицейский

(грубо)

Ты – не при чём! Сыночек твой при чём:

Убил дружка и смылся из столицы...

К тебе, случайно, он не приезжал?

Сынка сокроешь – и тебя посадим!

И до «звонка» с ним будешь «срок тянуть»!

Признайся, где убийцу ты укрывала?

Варвара хватается за сердце, падает в кресло.

Второй полицейский

(испуганно)

Скорей уйдём с тобою от греха:

А то вдруг очокурится бабёнка...

Полицейские быстро уходят, громко хлопнув дверь.

Варвара сидит в кресле с сердечным приступом. **Роман** тихонько вылезает из погреба, подбегает к **Варваре**, становится на колени.

Роман

Я слышал всё... Что, мамочка, с тобой?

Варвара

Второй инфаркт...

Я чувствую и знаю!

Рок захватил, несёт во тьму меня

Туда, где ждёт преступницу расплата.

Роман

Родимая, прощу – не умирай!

Беги за «скорой»...

Варвара

(почти шепчет)

Мне уже не надо...

Перед тобой сниму последний грех:

Тебе сестра...

не может быть...

женою...

Варвара умирает.

Роман

(рыдает)

«Сестра»?..

(кричит, с ужасом)

Сестра!!!

(пауза)

Всё в жизни потерял...

Нет счастья здесь... И там его не будет:

В геенну улетит моя душа:

С душой Джульетты не соединится!
Прости меня, любимая, прости!
Я ухожу, но счастья не желаю
Оно навек... Навек ушло со мной...

Слышен колокольный звон. **Роман** в шоке достаёт травматический пистолет, стреляет себе в висок и падает рядом с матерью... Раздаётся телефонный звонок, телефон звонит долго...

Свет постепенно гаснет.

Картина пятая

Квартира Даниила, как в первой картине. **Даниил, Элеонора, Джульетта, Марго.**

Даниил
Джульетта, дочка, не переживай,
Представим дело как несчастный случай,
Как самооборону...
И тогда
Сопляк оправдан: не было убийства...
Моё не пострадает репутация...
А если что – замну я это дело:
Братан поможет... Не перевелись
Его друзья в высоких кабинетах...

Джульетта
Папá, Романа ты не оскорбляй:
Каков бы ни был – сам не опускайся
В своих речах, не слышит он тебя.
Ругательствами воздух засоряешь...
Не хочется мне слышать от тебя
Вульгарных слов, что даже уши вянут!
Никто из нас их здесь не заслужил:
Они, как пыль, на всех предметах в доме.

Даниил
(ёрничая)
Я извиняюсь, доченька, забыл
С души стереть словесную заразу!
Я в этом доме царь и бог пока...
Прошу вас мне и в мыслях не перечить,
А то...

Элеонора
(решительно)
«А то»?! Зачем ты нам грозишь?
Мы не боимся ни тебя, ни банды!
Не в силах ваших души погубить.

Они – как птицы в чистом поднебесье –
Подвластны Богу...

Даниил
Снова за своё...
Психушка снова по тебе тоскует:
Отправлю завтра – только вернусь
Я после этой вынужденной стрелки...

Звонок мобильного телефона, **Даниил** достаёт из кармана телефон.

Льстивый мужской голос
Шеф, срочно приезжайте: наши – здесь.
Те – на подходе, «пушки» – наготове;
«Шестёркам» не позволено вершить
Судьбу структуры...

Даниил и **Марго** быстро собираются, **Даниил** достаёт автомат, вешает на плечо, надевает куртку.

Даниил
Скоро возвратимся...

Даниил и **Марго** выбегают, **Джульетта** выходит в другую комнату.

Элеонора
(отстранённо, про себя)
Как и тогда... Он Славика забрал –
Один вернулся... Сын исчез навечно!
Давно ко мне он в снах не приходил:
Один блуждает в даях поднебесных!
Приди, сынок, и маме подскажи:
Как дальше жить в моём «безумном мире»?
По валунам холодных облаков
Ты уведи истерзанную душу...

В комнату входит **Джульетта**.

Джульетта
(скорбно, стонущим голосом)
Мне плохо, мама! Где сейчас Роман,
Не знаю я: прижала неизвестность
Меня к земле, застыла в жилах кровь,
Дыхание моё остановилось,
Все дни слепились в чёрный липкий ком –
Томящий душу, страшный и зловонный...
Во сне, как сумасшедшая, бегу
Я за Романом, но его не вижу:

Перед глазами серое пятно,
Как мяч тряпичный, скачет по ухабам...
Проснусь в ночи, но явь – страшнее сна...
И чудится, что голос Ромы слышу:

*Какая-то печаль
Прошла по небесам,
И мне несносно жаль,
Что я с тобой не там...*

*Взгрустнули бы?
О чём?
Всплакнули о себе?
Построили бы дом
По Божеской судьбе?*

*И всё чего-то жаль...
Земного ли креста?
Вослед моя печаль
Ушла на небеса.*

Элеонора подходит к **Джульетте**, обнимает её.

Элеонора
Джульетта, дочка, я тебе – не мать...
Но всей душой тебе желаю счастья...
Но так же, как и любящий отец,
Я против брака с призрачным Романом...

Джульетта
Как мне «не мать»? Да что ты говоришь?
Отец не зря сплавлял тебя в психушку!
Какой-то бред... Наверно, прав папá,
Что у тебя в мозгах не всё в порядке...

Элеонора
Да, твой папá всему-всему виной:
И ты, и я – не стали мы родными...
Ему твоя приятелька Марго
Милее и, естественно, роднее...

Телефонный звонок, **Элеонора** снимает трубку.

Грубый мужской голос
(издевательский, нахальный)
Ал-лэ... Мадам, сегодня праздник наш!
Отпраздновать его мы сможем вместе...
Ваш босс – «Груз 200» – в «тачке», за углом,
Лежит в объятьях мёртвой секретутки.
В ближайшем морге можно получить!

Телефон отключается, **Элеонора** и **Джульетта** в ужасе.

Элеонора
Вот, доченька, приблизился финал
Всей нашей жизни: рухнула опора!
Хотя гнила семнадцать долгих лет –
Сейчас настал коварный час расплаты...
(с трудом подыскивая слова)
... Когда... ушёл сыночек в небытие,
Отец хотел найти ему... замену,
Но я родить ребёнка не могла...
А Дан зверел – и бил меня ногами...

Джульетта
(резко)
Не может быть. Несёшь ты, мама, чушь:
Я не могу папá таким представить!
Твой слабый разум съехал.

Элеонора
(с обидой, отстранённо)
Никогда
Тебе всю правду мы не говорили,
А увлечение, думали, пройдёт,
Как облачко, скрывающее солнце...
Но тут Роман в лесу кромешных тайн
Нарисовался огненным чертёнком,
В душе твоей огонь любви разжёл...
Что было делать?

Джульетта
Потушить хотели?!
Но не пойму: Роман-то здесь при чём?
Его люблю и не хочу другого!
То прочили в мужья того Витька,
Которого...

Элеонора
Джу, я свела в могилу,
Чтоб не стоял на жизненной тропе...

Джульетта
Опомнись, мама, что за страшный бред?

Элеонора
(с придыханием и напором)
Его с дружкой палёнкой отравила
И не жалею: рок его настиг
За то, что Славика, мерзавец, уничтожил...

Джульетта

(становится перед Элеонорой на колени)

О, мама, мама! Ты совсем плоха...

Элеонора

(машинально отталкивает Джульетту)

Тебе не мама... Славику я – мама,

А ты приёмш...

Джульетта

(отшатывается)

Боже, гром небес

Обрушился на голову больную...

Что слышу я? Сама схожу с ума:

В потоке слёз иду... Куда? Не знаю!

О, мой Ромео, ты спаси меня...

Куда бежать? И где искать Романа?

Элеонора подходит к **Джульетте**, садится рядом, пытается её успокоить. Звонок в дверь. **Элеонора** идёт открывать. Входит **полицейский**.

Полицейский

Вам добрый день.

(в сторону)

Скорее он недобрый...

Элеонора

(раздражённо, с напором)

Очередные факты по дуэли?

Он не виновен, видит правду Бог!

(с надрывом, почти с криком)

Меня, меня возьмите вы под стражу:

На совести ношу я кандалы...

(протягивает вперёд руки)

Наручников на сердце не хватает:

Тащи, тащи преступницу в тюрьму!

Тебе за это выдадут медальку.

Полицейский испуганно отступает.

Полицейский

Закрыто дело: ваш ответчик мёртв!

Элеонора и **Джульетта** ошеломлены.

Джульетта

(срывающимся голосом)

О чём, о ком сейчас вы говорите?

Полицейский

(раздражённо)

Неясно вам? В момент я проясню...

Нашли два трупа: женщины и парня!

Её хватил, ну... как его – удар,

А сын, видать, от горя застрелился:

И некому по делу отвечать...

Полицейский собирается уходить, подходит к двери и произносит бодрое напутствие.

Полицейский

Живите мирно, счастливо, спокойно.

Полицейский уходит. **Джульетта** рыдает.

Джульетта

О чёрный рок! Уж не было преград...

Мечтала я всю жизнь прожить с Романом

В любви и счастье...

Элеонора

(в сторону)

Было не дано

Судьбой по жизни счастье изначально...

Джульетта

(сквозь рыдания)

Как он любил! Летел ко мне душой,

Я слышала его небесный голос:

Нет смысла жить на свете без него!

Элеонора

(пытается успокоить Джульетту)

Не слушаешь, но я скажу сейчас

Тебе всю правду о твоём Ромео...

Когда наш сын ушёл на небеса,

Наследника хотелось Даниилу,

Но я родить ребёнка не могла.

Теперь я знаю – просто не хотела...

Ходила часто в детские дома

И присмотрела мальчика больного,

Но Даниил сказал, что не возьмёт

В свою семью ребёночка чужого,

Что жизни смысл в «кровиночке его»...

Джульетта

(задумчиво, сквозь слёзы)

Но ты же знаешь, папа говорил
Всегда о том, что я его кровинка,
А наши гены, словно близнецы...

Элеонора

(задумчиво)

Да... Близнецы...

И слово неродное

К душе прилипло, словно банный лист...

(пауза)

Нашёл мой муж особу молодую,

Которая за доллары взялась

Родить ему здорового ребёнка,

Став настоящей матерью тебе...

Джульетта

(рыдая)

Опять несёшь ты несусветный бред.

Звоню врачам: пусть за тобой приедут –

Давно психушка плачет по тебе,

Там будешь жить в смиренной рубашке...

Элеонора

(спокойно продолжает)

Двойняшек Дану родила она:

Тебя забрал, а мальчика оставил –

Ей за услугу... Долларами он

Варваре заплатил по уговору...

Джульетта

(её охватывает догадка, она выкрикивает в истерике)

Варвара! Варей звали его мать:

Не может быть такого совпадения...

Элеонора

(жестко)

Нет, может! Твой возлюбленный Роман –

Теперь уж к счастью –

твой

родной

братишка!

Джульетта

(плачет)

Но что мне делать? Как мне дальше жить?

Был для меня он светом поднебесным.

Теперь же – мрак сгустился над Землёй.

Элеонора

(немного насмешливо)

Ты молода, богата! Твой отец
Всё завещал кровиночке любимой,
Ещё не раз найдёшь свою любовь
И проживёшь прекрасно в этом мире...
(подходит к балкону)
Смотри туда... К балкону тень пришла...
Да это Славик! Вижу по походке.
Зовёт меня!
Я выйду на балкон.
Он говорит, что сердце замерзает,
А там под солнцем вечное тепло...
Зовёт с собой лететь к привольным звёздам...

Элеонора выходит на балкон, разводит руки и...
исчезает. **Джульетта** выбегает на балкон.

Джульетта

Ромео, нет мне счастья без тебя:

Пусть наши души там соединятся!

(останавливается, прислушивается)

Зовёшь меня... К себе, мой друг, зовёшь?

Лечу, лечу к тебе земною птицей.

Также, как и Элеонора, поднимает руки и исчезает
на фоне звёздного неба.

Занавес.

Метаморфозы

*Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь,
На самом деле то, что именуют мной, –
Не я один. Нас много. Я – живой.*

Н. Заболоцкий

Евгения Васильевна Полякова – родилась в Москве. В 1982 г. окончила МГПИИЯ им. М. Тореза. Работала переводчиком, преподавателем. Замужем, имеет двух дочерей. Живёт в Москве.

История моей семьи удивительным образом оказалась связанной с севером России, точнее, с Якутским краем. Туда в начале XIX века был послан мой прапрапрадед Лука Желтовский, польский дворянин, за участие в беспорядках у себя на родине, в Польше, тогда части Российской империи. Позже семья получила возможность переехать поближе к цивилизации, в Якутск. Сохранились воспоминания моего прапрадеда Степана Степановича Желтовского, внука Луки, о жизни в этом суровом краю. Это две небольшие брошюры, напечатанные в 1906 году в Томске, которые автор назвал «Сибирские былины. Рассказы из жизни и произвола начала второй половины прошлого века» (имеется в виду век XIX). В предисловии автор говорит, что отнюдь не желает попасть в литераторы, а ещё менее рассчитывает на известность. «Мною руководит лишь одно искреннее желание: не унести с собой в могилу и запечатлеть на скрижалях истории странички из жизни и произвола, царивших в своё время в том Богом забытом крае, из которого “хоть три года скачи – ни до какого государства не доскачешь”, и который целые века служил местом свалки нечистот для матушки России».

Как видите, автор сразу демонстрирует весьма критический подход к описываемым событиям. Очевидно, это было свойство характера Степана Степановича: подмечать прежде всего негативные стороны бытия. Скорее всего, этот взгляд на жизнь был принят в семье и унаследован Степаном. В то же время, детские впечатления – самые яркие, ребёнок часто видит то, что взрослые не замечают. Стремясь к объективности, Степан Степанович пишет: «Да простит Бог усопшим

соделянное ими, – ибо они были “сыны своего века”, и да будет вечная память тем немногим, которые были истинно порядочные люди».

Вот некоторые отрывки из записок С.С. Желтовского.

«В Якутск я был привезён родителями в середине пятидесятых годов совсем ещё маленьким, чуть только начинал соображать, всматриваться и вслушиваться в окружающее: мальчик я был понятливый и потому быстро всё усваивал и запечатлевал в своей памяти.

Первое, что я запомнил, это наставление, данное в первый же день приезда моему отцу квартирной хозяйкой: “Вы, Степан Лукич, как будете на-нимать якута в услужение, то выговаривайте всё, что он должен делать, а если что забудете, то пеняйте на себя – потребует особую плату”. (В Якутске в каждом дворе отдельная юрта, в которой безданно-беспошлинно живут и множатся “веки” целые семьи якутов). На этом основании мой отец на дру-гой же день вызвал из дворовой юрты якута Амоса, и у них произошёл такой торг:

Отец: – Утром окошки открывать, вечером закрывать.

Амос (кивая головой): – Ак-ак, сёб (ладно-ладно, согласен).

Отец: – Дрова таскать.

Амос: – Ак-ак.

Отец: – Трубу открывать и закрывать. (В те времена трубы у печей за-крывались с вышки, а не из комнат).

Амос: – Ак-ак.

Отец: – Двор мести, снег отгрести.

Амос: – Ак-ак, сёб.

Отец: – Лёд в избу таскать. (В Якутске лёд наваливается в погреба зи-мой на круглый год, ибо зимой и летом употребляется вода ледяная, так как водовозов нет, да и вода в Лене от постоянных прибыви и убыви летом мутная).

Амос: – Ак-ак.

Отец: – Строганину строгать. (Мёрзлая строганная стерлядь – обыкно-венная якутская закуска).

Амос: – Ак-ак.

Отец: – Базар ходить.

Амос: – Ак-ак.

Отец: – Сколько возьмёшь?

Амос: – Бирь сюська бирь месяц (один рубль один месяц).

Отец: – Ладно.

При этом весь разговор сопровождался размахиванием руками и тыка-нием пальцем в обсуждаемый предмет, так как якут знал плохо по-русски, а мой отец – ни слова по-якутски.

Амос: – Ча, ряда бирь ломоть хлеба агал.

Мать дала ему полковриги, и якут принял таковую как нечто хрустальное, очень хрупкое и дорогое, бережно, обеими руками, кланяясь и приговаривая: «Ча бярт эчугей тоёном хотуном, багыба, улахан багыба» (Ну, шибко хоро-ший хозяин-хозяйка, спасибо, большое спасибо), и отправился со своей доро-гой ношей в свою юрту. Я тотчас следом за ним, и увидел следующее: обсту-пили Амоса человек 15 якутов, якуток и малых якутят, он же торжественно положил хлеб на нары, не торопясь достал из-за голенища длинный узкий нож, разрезал на равные части и оделил всех поровну.

Казалось бы, что в ряде не было упущено ничего; но вот вскоре понадобилось сходить в питейный за водкой (ожидались гости). Разумеется, Амосу: «Амос, сходи по водку!». «Сох (нет), водка ряда сох», – был ответ. «Бирь ломоть хлеба агал». «Вот тебе на!» – посмеялись отец с матерью, дали ему ломоть, и он ломоть этот принял с таким же благоговением, как и ранее при ряде полковригу, отнёс в юрту и, разделив на микроскопические кусочки, опять раздал всем обитателям юрты, и тогда уже побежал за водкой.

Не лишним считаю пояснить, что в те времена в Якутске ржаной хлеб считался даже между русскими аборигенами как излишняя, но необходимая для стола сервировка, и в нём никакой нужды никто особенно не ощущал; подавался хлеб к столу такими мельчайшими ломтиками, какие обыкновенно у нас (положим, здесь, в Томске) ставятся в буфетах гостиниц к закуске, да и те не съедались, больше все налегали на мясо, рыбу и молоко. Тогда мясо было там 80 коп. пуд, рыба: нельма от 1,5 до 3-х пудов весу – 3 руб. пуд, пудовая стерлядь 3 руб. пуд, караси трёхфунтовые – 30 коп. десяток, а вилюйские семи-восьмифунтовые – 60–70 коп. десяток, масло 3 руб. пуд, огромная кринка молока – 3 коп., между тем как пуд ржаной муки стоил от 2,5 до 4 руб.

Цены на эти продукты стали повышаться только со времени начала вывоза таковых из Якутска на золотые промысла Олекминской системы, предпринятой купцом И.П. Колесовым. Якуты же ели молотую древесную кору, разваренную на живом огне в громаднейших корчагах квашеного молока, и поэтому крошечный кусочек ржаного хлеба считался между ними лакомством.

Простота в общежитии царила необычайная; якутский язык, между русскими даже, был господствующим. Так, даже в “благородном собрании” дамы на балах и вечерах разговаривали за всяко-просто по-якутски. Стало это выводиться со времени приезда губернатора Штупендорфа, который стал этот обычай просмеивать, а потому и дамы, хоть по крайней мере в собрании, начали говорить по-русски, и даже на вопрос приезжих, знает ли та или другая дама по-якутски, отзывались незнанием.

Если кто-нибудь приезжал из города ночью на почтовых, то на утро часам к 11-ти уже весь город знал, что сегодня ночью приехал “на колокольцах” такой-то и за таким-то делом.

Во время приезда нашего в Якутск губернатором там уже третий год был Григорьев, личность вообще, должно быть, хорошая, по крайней мере все так об нём отзывались. Рассказывали, что по приезде его в Якутск, на первом же данном ему обществом в “благородном собрании” традиционном обеде он сказал приблизительно следующую речь: “Господа, будемте жить дружно. Я к вам сюда попал совершенно случайно, именно: я вот четыре года сидел в Петропавловской (крепости). В одну прескверную ночь слышу: отмыкают дверь моего каземата, затем входит – вижу по мундиру и всей выправке – флигель-адъютант.

– Вы г. Григорьев?

– Отвечаю: “Я”

– Я прислан спросить вас, не желаете ли вы завтрашней же ночью в это же время обвенчаться в церкви с особой, с которой вас поставят рядом, которую вы не знаете и знать не будете, а затем тотчас же ехать губернатором в Якутск. Или, может быть, желаете снить в этом каземате?

Я, разумеется, тотчас же изъявил полнейшее желание обвенчаться хоть на трёх зараз, только чтобы выпустили из этой проклятой ямы.

Флигель-адъютант, выслушав такое моё усердие по службе (курсив С.С. Желтовского) и готовность, не говоря ни слова, ловко повернувшись на каблуках и щёлкнув шпорами, тотчас вышел и, верный своему слову, на следующую же ночь взял меня из крепости, привёз в какую-то церковь, где ожидали уже меня священник, какая-то роскошная дама (заметно уже в последнем периоде беременности) и ещё какой-то в орденах гвардеец. Затем в пять минут меня с этой дамой обвенчали; её укутали в соболя, и гвардеец увёл её из церкви. Между тем меня одели тут же в церкви в волчью шубу, волчью шапку и волчьи же сапоги, вручили бумаги и деньги, дали денщика, вывели из церкви, усадили в готовую уже кибитку, – и вот я у вас, господа, губернатором! Снова прошу вас, будемте жить дружно!”.

И, действительно, жил Григорьев дружно и просто и никого не обижал. Напротив, когда имел случай, то старался защитить и помочь, не разбирая ни богатого, ни бедного. Из города никуда не ездил. “Помилуйте, Ваше превосходительство, – говорил ему старший советник областного правления Скрябин (бывший земляк и знакомый моего деда) – Вы хоть бы один раз за всё время съездили по области, хотя бы для порядка, а то что скажут про Вас в Иркутске!”. “Видите ли что, Николай Андреевич, что я там поеду делать? Якуты управляютя своими обычаями и законами, лучше которых мне не придумать. Хлеба я им дать, сами знаете, не могу; взятку мне с богатых якутов не надо; казённых прогон воровать тоже не хочу... Зачем же я поеду?”. Так ни разу и не ездил.

Прослужил он в Якутске до окончания Севастопольской войны. Причина или повод к его увольнению был такой. Перед ожидавшейся высадкой англичан на приморские берега Якутской области Григорьев получил с фельдъегерем из Иркутска от генерал-губернатора предписание: выдать якутам прибрежных улусов порох и свинец и распорядиться, чтобы они (якуты), как неприятель будет высаживаться, по нём стреляли.

“И дураки же сидят в Иркутске! Где же якуты будут сидеть на берегу и ждать неприятеля? Понятно, заберут порох и свинец и уйдут в тайгу стрелять белку”, – говорил Григорьев, и пороху и свинцу якутам не выслал.

Вскоре по отбытии неприятельского флота от наших берегов получен с фельдъегерем же запрос: почему не был роздан якутам порох и свинец. Отозвался Григорьев тем же, что и говорил, т.е. нецелесообразностью распоряжения.

Месяца через два получено требование явиться губернатору Григорьеву немедленно в Иркутск для личных объяснений. Потом он так и не возвращался, и куда он девался, никто так и не узнал. Даже в Иркутске ездившие из Якутска знакомые разыскать его не могли.

Через полгода по отъезде Григорьева приехал в Якутск новый губернатор, Штупендорф. Этот сначала было ужаснулся, потому что чушь и глушь отчаянная; но так как он был немец, человек аккуратный, настойчивый, то, прежде чем приходить в отчаяние, потянул носом. В результате явилась надежда, что здесь, может быть, ещё и жить можно, а потому, вызвав в Якутск со всех округов исправников, поручил им представить немедленно сведения о состоянии всех инородных управ, причём обозначить подробно, в каких наслехах (улусах) живут богачи якуты (князьки), как их зовут и в чём состоит их богатство.

Требуемые сведения тут же в Якутск были в течение недели со всеми подробностями составлены и представлены его превосходительству; а дней так

через десять было получено в областном правлении предложение, что начальник области выезжает для обозрения области и дела временно передаёт старшему советнику областного правления (вице-губернатору) Н.А. Скрябину.

Поехал немец с толком и показал на первый раз чисто немецкую практичность: в инородные управы вовсе не заезжал, да и нечего было там делать, потому что дела там вершились по своим инородческим обычаям, как справедливо говорил и Григорьев. Делопроизводства почти никакого, писаря малограмотные; если и случалось в наслеге в год раз какое происшествие, то писалось в Якутский Земский Суд “доношение”, одно из которых знакомые чинуши для смеху приносили отцу, и я сам читал. Было оно такого содержания: “...15 июля Кангаласком наслегезабул (забодал) бык рогом Ыльчжану (Ульяну) якутку, а забул рогом же во фрюхо (брюхо) нижефута (пупа)”. Г. Штупендорф принялся за дело лучше: он начал делать визиты богачам якутам. Придёт, например, к якуту в юрту, обласкает его и его семью, заночует, расспросит о житье-бытье, подивится откуда-то попавшим к богачам якутам старинным золотым и серебряным кубкам, из которых с удовольствием выпьет рому (разумеется, привезённого якуту смекалистым исправником, едущим перед его превосходительством на полсуток вперёд), расхвалит его богатство.

На прощание расплывшийся от чести и лести князёк-якут подносит “улахан тоёну” (большому господину) понравившийся тот или другой кубок и сорочек (40 штук) лучших соболей, с поклоном и приглашением на ломаном русском пополам с якутским языке: “атын год манан каляр пажалыста” (в другой год сюда приезжай, пожалуйста). Его превосходительство через переводчика со своей стороны тоже просит якута и к нему в город непременно приехать “и схотуном” (с хозяйкой) и погрозит перстом, что де сердиться будет, если не приедет.

“Ак-ак, эчугей (ладно-ладно, хорошо)”, – кланяются хозяева, затем происходит усаживание в экипаж, трогаются... “Бя-бя, тохто! (погоди, погоди, постой!)” – кричат ямщику-якуту, махая руками, простоватые якуты-хозяева, бегут скорее в юрту и тащат одеяло из огнёвок лисиц, укутывают и без того тепло одетого губернатора, приговаривая: «Бярт мороз баллар!» (очень сильный мороз).

И так приблизительно в этом виде и духе состоялось всё первое “обозрение области”, продолжавшееся два месяца, в результате чего оказалось привезённым домой: 18 старинных золотых и серебряных вещей, 800 лучших соболей, 76 чернобурых лисиц и 5 одеял из дорогих лисиц!

Цифры эти верны и мне памяты потому, что у нас в доме ревизия эта как курьёз поминалась часто в разговорах с гостями, да в Якутске ничего и не утаишь: как ни секретничай, всё на другой-третий день будет известно, а тем более родители мои имели возможность знать всё, так как городской голова Мат. Мат. Максимов бывал у нас весьма часто, и к губернатору он тоже был с самого начала приглашаем как почётный гость, где, как специалист в пушнине, всегда ценил привозимые или приносимые подарки. А надарили их за этот первый раз ни много ни мало по тогдашним ценам на 32 600 рублей, да прогон списано по рангу за 6 пар за всю область тысяч что-то около четырёх с половиною! Оно и вышло, что и действительно оказалось “жить можно”.

Эти “обозрения области” он стал практиковать каждую зиму...

После первого же визита стали являться уже к нему “тоёны” с супругами для ответных визитов. И дома немец не ударил лицом в грязь: усаживал в

зале на диваны, в кресла, угощал виноградным вином, чаем, конфетами, за что при прощании раздобренные якуты опять-таки вытаскивали из-под своих расшитых кафтанов либо десятков соболей, либо пары две чёрных лисиц, с поклоном: “Багыба угощенье, атын год минеха каляр пажалыста!”.

От губернатора якуты заваливались к кому-нибудь знакомым из купечества, где их принимали как богачей и продавцов пушнины с почётом. И вот разважничавшаяся якутка “хотун”, развалившись на диване, рассказывает хозяевам ломаным языком, донельзя растягивая слова: “Губерна-а-тор гостям был, на ема-а-не (диване) сидел, кра-а-сным во-о-дкам пил, са-ам губернатор просил”...

Тут ещё, кстати, его превосходительству пришла богатая мысль: почему бы не делать “обозрения области” два раза в год? Ибо хотя летом в иные округа нельзя и попасть иначе как на аэростате, а попробовать всё же можно.

В один июньский день в областном правлении получается опять предложение: “за выездом моим для обозрения области дела временно передаю старшему советнику областного правления г. Скрябину”. Затем на другой день в губернаторской квартире все окна с улицы не открывались – значит, уехал. И так эти бедные окна не видали божьего солнышка целый месяц, т.е. до тех пор, как, наконец, одним утром в июле казак их раскрыл, и в тот же день получилось в областном правлении предложение, что его превосходительство вернулся и вступает в управление областью. Кстати, тогда же списаны и прогоны за шесть пар за всю область... Хотя злые языки тогда говорили, что его превосходительство совсем никуда и не ездил, а весь месяц будто бы ходил у себя в квартире в одном халате да обливался по четыре раза на день холодной водой (жара была страшная), да пил кофе...

Да я этому не верю, враки поди всё!

Таким удачным заведённым порядком он прослужил в Якутске годков около пяти и уехал благополучно на покой куда-то восвосяи в полной уверенности, что и на краю света “при умении” жить можно».

Ну, как тут не вспомнить И. Бродского, «Письма римскому другу»:

*Если выпало в Империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далёко, и от вьюги,
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.*

Весной 1867 г. в Москве была организована Первая этнографическая выставка в Манеже. Она должна была способствовать повышению самосознания русского общества, потому и получила финансовую поддержку правительства. Программу экспозиции утвердил император Александр II в соответствии с докладом министра просвещения. Выставка рассказывала о традиционной культуре народов Российской империи и славян, живших в пределах Австро-Венгрии, Пруссии, Саксонии и Турции, в Сербском княжестве и в Черногории. Она была подготовлена учёными, объединявшимися вокруг Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Предполагалось изобразить всю Россию с её национальностями в фигурах из папье-маше, в костюмах и декорациях. Выставка

наглядно показывала всему миру, как огромна Российская держава, как обширны владения империи и как много народов с разными взглядами на мир, разными обычаями, привычками, вкусами живёт на её пространствах. Было представлено около 300 манекенов в национальных костюмах, включая якутов, бурят, ненцев, хантов и манси, эскимосов, алеутов и др. При выработке манекенов придерживались фотоснимков, зарисовок, полученных из разных регионов России, в ряде случаев скульпторы работали с натуры.

Выставку посетил Его императорское величество царь Александр II вместе с великим князем Александром Александровичем (будущим Александром III) и его женой Марией Фёдоровной. В процессе осмотра цесаревич задал сопровождавшим их устроителям выставки вопрос: «Неужели во всей России не нашлось более красивых лиц?». Ответ был краток: «Все лица сделаны с натуры».

Из тех же «Писем римскому другу»:

Посылаю тебе, Постум, эти книги.

Что в столице? Мягко стелют? Спать не жёстко?

Как там Цезарь? Чем он занят? Всё интриги?

Всё интриги, вероятно, да обжорство.

Через несколько десятков лет на крайнем северо-востоке страны оказался внук Степана Степановича, мой дед Евгений Петрович Желтовский. К началу двадцатого века семья Желтовских уже переселилась в Красноярск, где сын Степана Степановича, Пётр Степанович, занимал прочное положение инженера-путейца. Налаженный быт, собственный дом, выезд, любимая жена, двое сыновей – учащихся гимназии... Но революция всё перевернула. Пётр Степанович скончался от тифа в 1918 году, а его старший сын Евгений, мой дед, в возрасте 13 лет сбегал из дома и присоединился к частям Красной Армии. Неуёмный характер, жажда приключений в результате привели молодого человека на флот, где он принял участие в нескольких полярных экспедициях.

В своих воспоминаниях Е.П. Желтовский писал: «Когда в 1926 году началась подготовка к походу парохода “Колыма” из Владивостока в устье реки Лена, я попросился на “Колыму” и с замиранием сердца ждал решения своей судьбы.

Мне повезло. Стармех “Колымы” Э.А. Фридвальд, у которого я совсем недолго был кочегаром первого класса на пароходе “Мончугай”, включил меня в судовую роль... 22 июня 1927 года пароход “Колыма” под командованием капитана П.Г. Миловзорова снялся из Владивостока.

Это был первый от сотворения мира поход торгового корабля в устье реки Лена с Дальнего Востока.

Быстро промелькнули Япония, Курилы, Камчатка, и вот – Берингов пролив, мыс Дежнёва, Уэлен – первые эскимосские и чукотские селения... Нашему приходу местные жители очень обрадовались, это было видно по сияющим лицам, дружеским похлопываниям по плечу.

Резко бросалась в глаза разница между эскимосами и чукчами. Первые более подтянуты, чище, держат себя свободно. Вторые – грязные, многие с большими глазами, ниже ростом, держатся принуждённо и как бы с некоторой опаской.

Оказалось, что эскимосы и часть чукчей – морские охотники, а значит, бывалые, смелые, знающие себе цену люди. Опасная и трудная охота на китов, моржей, нерпу и постоянное общение с морем воспитали в них и смелость, и уверенность в себе, заставили приобщиться к культуре. Вторые – чукчи “оленные”, постоянные жители тундры, кочующие со своими стадами оленей и ведущие, как мне позже удалось убедиться лично, почти первобытную жизнь.

Морские охотники почти все под одеждой из шкур имели рубахи, а у кочевников одежда мехом внутрь была надета на голое тело, на котором слоями проступала самая обыкновенная грязь.

Ребятишки и девушки лет 15–16 были чистенько одеты в красиво расшитые меховые комбинезоны и увешаны бусами. Некоторые девушки были даже красивы и, как всякие девушки, с нами кокетничали. У некоторых на лицах имелись татуировки.

Чукчи поднимались к нам на борт и некоторое время следовали с нами (но далеко от стойбища не уходили). Мы угощали их чаем с сахаром, белыми сухарями, папиросами, конфетами. А одной девушке – симпатичной, но довольно грязной, дали кусок туалетного мыла и пытались объяснить, как им пользоваться. С улыбкой слушая нас, она развернула обёртку и сунула мыло в рот...

Общаясь с чукчами только на борту судна, мы не могли судить об образе и укладе их жизни в тундре. Посетить пешком их яранги из-за дальнего расстояния представляло собой опасное предприятие, да и капитан, без надобности, этого наверняка бы не разрешил.

Но один случай раскрыл нам глаза на многое. Угощая как-то двух пожилых чукчей в своём ресторане, спойв им три пятилитровых чайника чая, скормив не менее семи-восьми килограммов белых сухарей и несколько алюминиевых мисок сахара, от чего оба они, одетые в меховую одежду, взмокли, как вынутые из воды, я разрешил одному из них, по его просьбе (пить и есть они уже не могли), взять себе (для детей) оставшийся в миске не съеденным, примерно, килограмм сахарного песка (я миской черпал сахар из находящегося в столовой мешка). Не успели мы и ахнуть, как этот чукча, обтянув ослабленный на время чаепития пояс, оттянул на груди шкуру своего мехового комбинезона и высыпал сахар за пазуху, прямо на голое тело... Мы только по-чукотски крикнули: какку-мэ! С тем они и уехали. Позже мы узнали, что, вернувшись в своё стойбище, этот чукча разделся, и не только члены его семьи, но и соседи с удовольствием его облизывали...

Мы понемногу начинали понимать чукотский язык. Узнали, что счёт у чукчей до двадцати – по числу пальцев у человека. Если нужно было считать дальше, то привлекался другой и третий человек. Письменности у них не было.

Чукчи были отличными стрелками и охотниками и чрезвычайно выносливыми людьми. Суровый климат, жесточайшая эксплуатация богатеями приучили их довольствоваться малым. В особенно суровые зимы многие лишались оленей, так как, не имея возможности добывать мох-ягель из-под твёрдого снежного наста, олени гибли. В годы, когда лёд из-за преобладания северных ветров не отходил от берега, береговые чукчи лишались моржового промысла и обрекались на голод. И тогда поедалось всё: и собаки, и даже собачья ременная упряжь.

Главное для чукчей – обеспеченность пищей. А так как любая пища на Севере добывается с большим трудом, то есть мог только тот, кто трудится.

Человек, ничего не делавший, не имел права и на пищу. Из-за этого у чукчей в древние времена возник страшный обычай. Престарелых родителей, не имеющих сил ходить на охоту или добывать пропитание каким-либо другим трудом, как лишних и бесполезных просто умерщвляли. Называлось это по-чукотски “комака”. Только Советская власть повела борьбу с этим обычаем и положила ему конец.

Чукча имел две-три жены, если мог их прокормить. Женщины считались людьми второго сорта и выполняли всю чёрную работу с рабской покорностью мужу.

Безлесая тундра не давала никакого горючего материала, а доставка в тундру плавника, имеющегося на отдельных участках морского берега в изобилии, требовала больших усилий, поэтому им могли пользоваться только береговые чукчи. На зиму, однако, и они уходили в тундру, увозя с собой плоды охоты: моржей, нерп и, главное, жир, являвшийся средством отопления и освещения. Обменивая эти товары на оленину, чукчи как-то коротали зиму.

Отсутствие топлива и высокая ценность жира морских зверей приучили чукчей очень бережно расходовать воду, добываемую путём растапливания льда или снега с большой затратой тепла, и обходиться совсем без умывания. Отсюда отсутствие белья, которое требовало бы стирки и обязательно воды, и вековая грязь... Свою меховую одежду большинство чукчей-бедняков носило до полного износа, то есть пока она не истлеет. В яранге стоял невообразимо тяжёлый и тошнотворный запах. Для помывки посуды использовалась моча...

Интересный, талантливый народ чукчи. Не имея никакого механического оборудования, они делают замечательные вещи. Собачьи и особенно олени нарты – настоящее художественное произведение, поражающее изяществом и законченностью форм, и, главное, до мельчайших подробностей учитывающее требования суровой природы.

А яранга? Это настоящее инженерное сооружение. Как просто и как разумно сделан её каркас из жердей и тончайших перекладин, выдерживающих большой вес покрывающих его шкур и напоры ураганных ветров.

Айяк, каменный топор или нож – инструменты первобытного человека, они тоже изготавливались без применения механического оборудования. Взять тот же чаат (аркан). Как можно изготовить ремень шириной в половину дюйма, длиной сто – сто двадцать футов без единого узла? Оказывается, просто. В шкуре моржа по центру делается отверстие, а затем по расходящейся спирали вырезают весь ремень – чаат. Чем крупнее был убитый морж, тем длиннее получался чаат. Когда берёшь его в руки, не находишь ни одной неровности, как будто он изготовлен на специальном станке, а не сделан вручную.

А аккуратно скроенная и крепко сшитая одежда и обувь, зачастую расшитая замысловатыми узорами из цветных бусинок? Кроеная ножом, шитая костяной иглой и жилами животных? Я видел, как чукчанки, неутомимые труженицы, шили обувь, выдавливая зубами швы. А как ловко и быстро в разных ярангах разные женщины по частям сшили мне тёплые меховые штаны, жалея, что мне приходится спать на снегу в обычных кожаных брюках! Как эти штаны выручали меня всю зиму!

Удивительная честность: чукча не позволит взять себе чужое! И наряду с этим поражающее невежество. И со всем этим никак не вязалось шаманство, поклонение идолам, наивность, граничащая с детством. Уходя на охоту, чукча смазывает нерпичьим жиром деревянного бога, прося у него удачи.

Возвращаясь с неудачной охоты, он бьёт этого бога, плюет на него, топчет ногами, ругает непотребными словами. И теперь мне понятно, почему позже под влиянием атеистов многие чукчи легко освобождались от пережитков религии. Жизнь учила их рассчитывать больше всего не на сверхъестественную силу, а на свою собственную.

Ложась спать, чукча берёт бубен и, приговаривая заклинания, колотит в него, выгоняя из полога злых духов. Шкура, закрывающая вход, держалась в это время приоткрытой: духи должны удалиться через эту щель. Решив, что злых духов не осталось ни одного, он подаёт команду (неизменное “тагам”), и жена быстро подтыкает шкуру под настил пола и затягивает края, стараясь создать возможно большую герметичность. Если кто-либо эту герметичность нарушит, вызовет неудовольствие хозяев; всё нужно повторять сначала, так как ты снова запустил злых духов... В разных ярангах приходилось мне ночевать, но порядок был везде одинаков. Хорошо, если хозяев только муж и жена. А если две жены, да три-четыре ребёнка? Да ещё я, постоялец? Атмосфера делалась такой, что хоть топор вешай. Дышать я старался как-нибудь по низам, ловя всё-таки пробивающиеся снаружи струйки морозного воздуха. Но зато блаженное тепло.

Вероятно, в апреле, когда солнце лучше светило и грело, соблазнённый красотами тундры и возможностью побывать поближе к оленям, я провёл два дня у Рультенвента, к которому попал за олениной. Стойбище состояло из трёх яранг, было несколько ребятшек в возрасте 15–16 лет. Видя, как они слоняются без дела, я решил научить их играть в футбол. Кое-как объяснив одной из жён Рультенвента, как это можно сделать, я раскрыл шкуру, как апельсиновые дольки, и она, быстро сообразив, сшила подобие мяча. Туго набив этот шар оленей шерстью, мы получили мяч, хотя и тяжёлый, но очень похожий на настоящий.

Играли сначала на одни, а потом, когда ребята освоились, на двое ворот. Забавно было смотреть на футболистов, одетых в шкуры. Играли и взрослые чукчи. Возможно, это был первый футбол на Чукотке.

В благодарность за это ребята учили меня бросать чаат. Для этого кто-нибудь из них ставил себе на спину олени рога, а я, стараясь воспроизводить ухватки заправского оленевода-чукчи, бросал чаат, промахиваясь под смех всего стойбища».

В 2016 году согласно инициативе Главы Республики Саха (Якутия) Е.А. Борисова, Международным комитетом игр «Дети Азии» было принято решение о проведении Первых зимних Международных спортивных игр «Дети Азии». Соревнования были организованы под патронатом Международного олимпийского комитета и эгидой ЮНЕСКО и прошли с 8 по 17 февраля 2019 года в Южно-Сахалинске.

Помимо соревновательной части Игр Международным комитетом игр «Дети Азии» за 100 дней до начала Игр была организована и проведена Эстафета огня, которая охватила весь Дальневосточный округ Российской Федерации.

Церемония зажжения огня состоялась в местности «Кисилых» Верхоянского района Республики Саха (Якутия), откуда огонь посетил все населенные пункты Дальневосточного федерального округа и финишировал во время церемонии открытия Игр в г. Южно-Сахалинске.

По правилам Игр в них могут участвовать молодые спортсмены, не старше 16 лет. В соревнованиях приняло участие 1196 юношей и девушек из 20

стран. В их числе: Казахстан, Монголия, Узбекистан, Туркменистан, Непал, Республика Корея, Таиланд, Гонконг, Иордания, Таджикистан, Филиппины, Япония, Афганистан, Киргизия, ОАЭ, Индия, Кувейт, Сирия, Армения. Россию представляли команды из Сахалинской области, Якутии, Москвы, Татарстана, Башкортостана, Сибирского, Уральского и Дальневосточного федерального округов.

Спортсмены разыграли 93 комплекта медалей в восьми видах спорта: горные лыжи, сноуборд, биатлон, лыжные гонки, прыжки с трамплина, фигурное катание, шорт-трек и хоккей. Сборная Сахалинской области в общем медальном зачёте игр заняла третье место. На первой позиции команда Уральского федерального округа, а на второй – Москвы. Сборная Якутии расположилась на 10 месте.

Спортивные объекты Сахалина модернизировали к соревнованиям мирового уровня. Был построен ряд объектов, спортивный горнолыжный склон, лыжный трамплин и трамплин для сноуборда, приведены в порядок катки. Площадки могут стать базой, например, для подготовки лыжников и биатлонистов к Зимней олимпиаде в Пекине. А после Игр «Детей Азии» в планах развернуть в Южно-Сахалинске всероссийский спортивный юношеский лагерь. Для участников эти международные соревнования – возможность влиться в олимпийское движение.

От событий, описанных в «Сибирских былинах» С.С. Желтовского, нас отделяет примерно 170 лет, а от первого похода торгового судна из Владивостока в устье реки Лена – чуть меньше века. Дух захватывает от произошедших изменений! Мне нравится думать, что среди участников Первых зимних Международных спортивных игр «Дети Азии» могут быть потомки тех чукотских подростков, которых мой дед, Евгений Петрович Желтовский, познакомил с игрой в футбол. Спорт сегодня – это мощный локомотив и экономического, и социального развития. Спорт – это альтернативная реальность, возможность выработать новые, прогрессивные системы отношений между людьми. Очень хочется верить, что те истины, которые молодые участники соревнований открыли для себя в Южно-Сахалинске, лягут в основу нового мироустройства. Следующие 170 лет пролетят очень быстро: при нынешних темпах развития науки это может быть продолжительность одной человеческой жизни. Будем надеяться, что человечество за это время не уничтожит само себя, а, вглядываясь в собственное отражение, найдёт, над чем посмеяться, что с негодованием отринуть, а что и с гордостью передать потомкам.

ПОЭЗИЯ

Евгений ХАВАНОВ

Евгений Иванович Хаванов – родился в 1935 г. в Ульяновской области. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года служил во флоте. Затем работал в областной газете «Волжская коммуна», где заведовал отделом культуры. Окончив Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, в аспирантуре, в Федеральной академии государственного управления при МВД ФРГ. Доктор исторических наук. Доктор бизнес-управления (США). Профессор Московского городского педагогического университета. Автор книг и статей по проблемам молодёжи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. В поэзии – со времени военной службы. Член Союза писателей.

Живёт в Москве.

«Заветная наша дорога...»

Диалог на дороге

Длинна и трудна дорога.
Извилист, коварен путь –
То круто, а то полого, –
С какого, увы, не свернуть.

Иду я по ней годы.
И каждый клочкущий год
Через свои невзгоды
Всё дальше меня ведёт.

Быть может, за поворотом
Наступит мой час отдохнуть?
Откроются чьи-то ворота?
Иль вовсе закончится путь?

Куда мы? Вопрос как к Богу,
Я знаю лишь, путь далёк.
Я только с самой дорогой
Нелёгкий веду диалог.

Нужны нам они, диалоги.
Нуждается в них и поэт –
О смысле самой дороги,
О смысле прожитых лет.

Давало нам силы светило.
С своих небывалых высот
Оно ведь не только светило,
А двигало нас вперёд.

Но было и так: ненароком,
Верша на земле тарарам,
Судьба своим крепким рогом
Давала нам по зубам.

Хотели быть выше крыши?
Рок и за это карал.
Какой-нибудь Боря иль Миша
Нашу победу крал.

Но вот как довольно строго
Порой подают слова:
Во всём виновата дорога,
Она во всём не права.

Место такого слога –
На стрит или авеню.
А наших прости, дорога,
Я тебя за них не виню.

Последнее слово своё
Ты ещё не сказала.
Натуру – себя самоё –
Пока ещё не показала.

Пройден не весь путь.
Что там, за поворотом?
Сумеем туда заглянуть –
Тогда и увидим, что там.

А солнце уже взошло
И всех на дороге будит.
Живи не тем, что прошло,
А тем, что ещё и будет.

Труженики Земли!
Не сдаваться – даже на малость.
Важно, не сколько прошли,
Важнее – сколько осталось.

Да, путь оказался далёк
И не всегда предсказуем.
Но жив наш с тобой диалог.
Как видишь, мы не пасуем.

В колоннах не терпится сбой,
Равнение держим строго.
Мы словно срослись с тобой,
Заветная наша дорога.

Останкино

Ты помнишь день тот – бурный, с танками,
Решавший, быть или не быть?
А нам вот у себя в Останкине
Его никак не позабыть.

Хоть и не чтим мы день вчерашний,
Но как ни глянь, а то наш дом.
Под сенью этой мощной башни
Поём, работаем, живём.

Да и откуда к нам не едут!
Кому не интересно? Всем!
Взглянуть на мир, как на планету
С отметки 337?

И не отсюда ль озарение
Под кодом «Говорит Москва»?
Звучат, звучат на всю вселенную
Её священные слова.

Но жизнь порой – сплошная буча.
Не воду в ступе же толочь?
Тяжёлая нависла туча,
И день вдруг обратился в ночь.

Да, шли в Останкино ребята.
В эфир! Им только бы в эфир
Сказать, что дух свободы сладок.
Пусть слышит их и видит мир.

Смелы, отчаянны и споры,
В сердцах огонь, глаза светлы.
Но ждут их бронетранспортёры
И автоматные стволы.

Не видеть бы картины страшной,
Не знать бы этой прямоты...
Что только не видала башня
С полуверстовой высоты!

Да, всё решали бэтээры
С проклятьями в отца и мать.
Вот так и постигала меру
Земли останкинская пядь.

И трассы пуль летели в дали.
Дробь автоматов била вспясть.
Их только утром посчитали.
И насчитали: сорок пять.

И кто за них стеною встали?
Не кровью мытая трава.
Но, как могли, их прикрывали
Из здешних скверов дерева.

Вот и сейчас как ветераны
Они стоят, ровняя строй.
Её не зажитые раны
Всё ноют где-то под корой.

Вот эти липы, ели, клёны.
У их подножий я стою,
Стволам и веткам их зелёным
Чсть гражданина отдаю.

Старый костюм

То ли клад какой, а то ль потеря?
И сказать-то не придёт на ум.
Зависелся в старом шифоньере
Мой, увы, не новенький костюм.

Был он, как считали, элегантным,
Долго оставаясь таковым.
Да и я был, если не галантным,
То хотя б нормальным и своим.

Но как всё по жизненным по тропам
Прежнее теряет естество,
Был он, видит Бог, уже потрёпан,
И теперь уж явно «не того»...

Да, теперь совсем иные моды,
Такова у времени печать.
Нынешние строгие дресс-коды
Требуют таких вот «не пущать».

Что мне делать с милым старым другом,
Кто везде и всюду был со мной,
Кто и гадам, и иным гадюкам
Не давал нарушить мой покой?

Сдержанно, спокойно, бессловесно...
Был надёжен, крепок и смирен.
Он служил мне преданно и честно,
Ничего не требуя взамен.

Жалко? Да, конечно, жалко.
Кто-то подсказал уж приговор:
Что сюсюкать? Выброси на свалку –
Вот и весь тебе здесь разговор.

«Не таи свой гнева нож из ножен, –
Спел другой, – терпения вкуси.
Если не совсем ещё доношен,
То тогда, конечно, доноси».

Доноси, потом уж только выбрось...
Свой ресурс используй до конца.
Вот такая существует хитрость –
Без потери чести и лица.

Средоточье неживых задумок,
Воплощенье кадровых идей –
Если бы касалось лишь костюмов
И живых не трогало людей.

А костюм? Доходят тоже руки.
Кажется, он всё ещё висит.
Одеваю, коль родные внуки
Нанесут старейшему визит.

И всё-таки вместе

На ниве извечного спора –
Кто лучше – умело и споро,
Закон – никуда не деться –
К отцовству от самого детства.

И спорим мы поколенно.
Нам с вами всё по колению.
Но тем говорим «Дорогие»,
А все остальные – Другие.

Расселись как в школе – по парте.
Но в классе – два класса, две партии.
Одна – это те, кто босы,
Другая – которые боссы.

Не будем – пока мы живы –
Перед собою лживы –
Нужны поколенью и боссы,
И те, которые босы.

Но – вместе от самого детства.
Отсюда и наше действие.

Мы есть или...

Сумели так низко пасть?
В чью-то попали пасть.
Невзгодам числа несть.
Нас нет или мы ещё есть?

Кому-то такую честь
Вместо себя предпочесть.
Ему это было влечь.
Теперь же он – наша власть.

Всюду одна корысть.
Должен кого-то грызть.
Не то – не успеешь сесть –
Тебя уже начали есть.

В доме своём – как гость.
Ни стол здесь не твой, ни гвоздь.
И ни прилечь, ни припасть.
Зато здесь легче пропасть.

Здесь важно уметь подсесть,
В тёплом месте осесть,
Без страха поднаесть
Неся подхалимство и лесть.

Правило – наизусть
И ты ему скажешь – пусть?
Ещё остаётся честь.
Быть может, мы ещё есть?

Когда я с улыбкой бодрою
Делаю что-то доброе,
То как бы в ответ на это
Я слышу слова привета.

А если соседа выручил –
От злого порока вылечил,
Ты не какой стариканыч,
Ты добрый Евгений Иванович.

А где-то когда-то под утро я
Вдруг сотворю что-то мудрое,
Ты скажешь: «Вот это Евгений!
Старик, да ты просто гений!»

А кто-то, увидев спасителя,
Захочет добраться до сути:
«Скажите, кто ваши родители?
Верно, хорошие люди».

Вот так-то совсем непосредственно
Узнаешь, что в нас наследственно,
Родителей не помянешь
И пальчиком не поманишь.

Но память свою разматывая,
Слышишь, как злобно и люто
Несут и отца, и мать твою
В толпе озлоблённого люда.

Все мы чего-то ищем.
Но стать вот московским нищим
Никто не хотел, да стали –
Кого-то, как видишь, достали.

Живи по чести, по совести.
Иной не ищи себе доблести.
Без подлости, грязи и фейка
Жизнью живи человека.

Не допусти, чтоб обидели
Добрую память родителей –
Во взгляде презрения, в мате ли.
Во имя отца и матери.

Почему бы и нет?

Словно сюрприз новогодний...
Столько и зим, и лет...
Вот уж мы врежем сегодня!
И почему бы и нет?

Дело, конечно, не в сотке,
А в деле предолгих лет.
Не грех нам по рюмке всё-таки.
А почему бы и нет?

Сидишь предо мной без сорочки,
Щёчки – малиновый цвет.
Просишь: прочти свои строчки.
А почему бы и нет?

В словах ты не видишь толка,
Словесный не дорог привет.
Тебе поцелуй – и только.
А почему бы и нет?

Мы ходим, живём под Богом.
И нам излучается свет.
Любить того, кто под боком.
И почему бы и нет?

Вдохну аромат – от розы.
То юности нашей след.
И прочь от меня артрозы.
И почему бы и нет?

ДРАМА

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

ДНК

Трагикомедия в трёх актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

В л а д и м и р К и ч и г а, юрист в местной телекомпании, 29 лет.

А н я Б о б р о в с к а я, студентка, дочка местного миллионера, 20 лет.

Л и з а Б о б р о в с к а я, главный редактор местной газеты, старшая сестра Ани, 34 года. Красивая строгая дама, носит очки в модной тёмной оправе.

А н т о н Т у п и к о в, продюсер местного телеканала, 35 лет. Очень грустный молодой человек.

А р с е н и й П е т р о в и ч К р ы г и н, генеральный директор местного телеканала, 42 года. Респектабельный господин, весьма дорожит своим положением и боится его потерять.

А л и с а, секретарь **К р ы г и н а**, 29 лет. Манерная девица, разговаривает с ленцой.

Ж е н я, 1-й охранник, мужчина неопределённого возраста.

С а ш а, 2-й охранник, моложе Жени.

Р а и с а П а в л о в н а С м е т а н н и к о в а, пенсионерка-правоисследовательница, 76 лет.

М а р и н а И в а н о в н а Ч е с н о в а, следователь СКР, 35 лет. Дама строгая, напористая, но неизменно вежливая. Никогда не смеётся и не смущается.

П а в е л Ч е б а д у х и н, оперуполномоченный ОВД, 30 лет.

Е г о р Ф у р с и к о в, дознаватель ОВД, 28 лет.

Ж о з е ф и н а, проститутка из бара, 25 лет. Всегда немного пьяная, носит мини-юбки и топы с глубоким декольте.

1-й судмедэксперт

2-й судмедэксперт

Пикетчики, официанты и посетители кафе, сотрудники телстудии, сотрудники полиции, работники кладбища, врач, видеооператор, фотограф, понятые, прохожие.

Светлана Георгиевна Замлелова – родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор книг прозы «Гностики и фарисеи» (повести и рассказы), «Посадские сказки», «Блудные дети» (роман), «Исход» (роман) и др. Автор переводов французской и болгарской поэзии. Кандидат философских наук (МГУ им. Ломоносова), автор философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX-XXI вв.» Отмечена Благодарностью Министра культуры РФ. Живёт в Сергиевом Посаде.

Действие происходит летом 2018 года в российской провинции. Место действия – областной центр и его окрестности.

Акт первый

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сцена представляет комнату в квартире В л а д и м и р а К и ч и г и – огромный телевизор, перед ним диван, на диване, развалясь, устроились В л а д и м и р и А н я. У обоих в руках бутылки с пивом, такие же бутылки на полу рядом с диваном. Время от времени оба отпивают из бутылок и заедают чем-то хрустящим из разбросанных по всему дивану небольших разноцветных пакетов. Из телевизора доносятся то музыка, то крики: «Жительница Франции узнала в 25-летнем россиянце своего сына...»; «А в Питере – пить! В Питере – пить!..»; «Прошёл уже месяц, а роддом села Забубённого не дал ответа матери...»; «В Питере тире – пить!..»

В л а д и м и р. Всё-таки надо уехать.

А н я. Опять? Начинается! Сколько можно об этом?

В л а д и м и р. Сколько ни говори – лучше не становится.

А н я. Куда на сей раз?

В л а д и м и р. Куда?.. Как обычно: в Москву, в Питер, за границу... Здесь всё равно делать нечего.

А н я. Это как? Сразу или поочерёдно?

В л а д и м и р. Не остри, тебе не идёт. Я имею в виду или в Москву, или в Питер, или за границу. А может, сначала в Москву, а потом за границу. Что тут делать – в нашем захолустье?

А н я. А там что тебе делать?

В л а д и м и р. Работу найду – у меня в Москве брат. В Питере есть знакомые – помогут.

А н я. А за границей? Никого у тебя там нет, языка ты не знаешь, образование твоё никому не нужно...

В л а д и м и р. Не скажи! Юристы везде нужны.

А н я. Ага... Юрист без знания законов.

В л а д и м и р. Законы выучить можно.

А н я. Ну, тогда я за тебя спокойна. Осталась самая малость: выучить язык, чтобы потом выучить законы, чтобы потом уехать в поисках работы. Но за годы странствий и поисков ты забудешь законы, и придётся всё начинать сначала. А поскольку к тому времени подоспеет маразм, и назавтра ты будешь забывать всё, что выучил вчера, тебя ждёт блестящая перспектива. Хотя... Хотя ты вполне можешь прожить беспокойную, насыщенную поисками жизнь. Пожалуй, это лучше, чем всё время валяться и ныть.

В л а д и м и р (обиженно). Маразм... Почему у меня должен быть маразм?

А н я. Видишь ли, это со многими случается. Особенно с теми, кто не склонен перетруждать мозг.

В л а д и м и р. Когда это я ныл? Если хочешь знать, я вполне серьёзно.

А н я. Охотно верю! Вернее, знаю, с какой серьёзностью ты предаёшься мечтам.

В л а д и м и р. Хорошо. Вчера звонил брат. У них уволился юрист, и он зовёт меня. Место пока вакантно. Зарплата... Хорошая зарплата! И квартира, между прочим, за счёт фирмы.

А н я (толкает Владимира в плечо). Тогда какого чёрта ты морочишь мне голову?!

В л а д и м и р (заслоняясь от неё рукой). Ничего я не морочу!

А н я. Ты сказал: «надо уехать».

В л а д и м и р. Ну да, надо уехать.

А н я. Но когда в Москве хорошая зарплата и квартира за счёт фирмы, не говорят «надо уехать».

В л а д и м и р (растерянно и удивлённо). А что же говорят?

А н я. Говорят так: (Не своим голосом.) «Ты знаешь, меня в Москве ждёт хорошая зарплата и квартира за счёт фирмы, поэтому я уезжаю».

В л а д и м и р. И какая разница?

А н я. Господи! Ну почему ты такой тупой!

В л а д и м и р (кричит). А почему ты такая стервозная?

А н я (кричит). Я такая стервозная, потому что ты такой тупой!

В л а д и м и р (уже спокойнее). А я такой тупой, потому что ты такая стервозная!

А н я (смеётся). Вот с этого и надо было начинать! А то – уеду!.. (Передразнивает.) Москва!.. Заграница!..

В л а д и м и р (обиженно). Думай, что хочешь, но я на самом деле собираюсь уехать.

А н я (кричит на него). Зачем? Ты что, хочешь меня бросить?!

В л а д и м и р (безразлично пожимает плечами). Не хочу. Ты ведь тоже сможешь...

А н я. Ну что за ерунда?! Ты только всё усложняешь! Либо мне придётся бросать учёбу и ругаться с предками, либо мотаться в Москву на выходные. Зачем столько проблем и неудобств? Ты же обещал – мы поедем вместе. Отец хотел, чтобы я ехала в Англию, но я из-за тебя осталась. А ты хочешь меня бросить!.. Чего тебе не хватает? Чего не сидится?

В л а д и м и р. Чего не хватает?! Денег мне не хватает, чего же ещё! Твой папаша платит мне копейки, хоть он и самый богатый человек в городе. И раз уж я сижу тут из-за тебя, могла бы с ним и поговорить.

А н я. Ты же знаешь, я говорила. Он обещал.

В л а д и м и р. Ага, обещал... Когда это было? Или он мудрости народной придерживается – три года надо ждать обещанного? В Москве за три года я уже другим человеком стану.

А н я. Ну, хорошо, я ещё раз поговорю. Только не уезжай без меня, пожалуйста! (Прижимается к нему и целует.) Не уедешь?..

В л а д и м и р. Крупнейший в городе завод, сеть магазинов, автосервис, канал на телевидении, газета... Что ещё я забыл?

А н я (недовольно, отстраняясь от Владимира). Ломбард и художественный салон.

В л а д и м и р. Ах да! Вот именно! И всё это о нём – о твоём папаше. А другу любимой дочери нельзя положить нормальную зарплату. Друг любимой дочери должен нищенствовать, ездить на подержанной тачке и одеваться у фабрики «Заря». А кончится всё тем, что пока я тебя тут дожидаюсь, он найдёт тебе богатенького женишка и с выгодой для бизнеса выдаст тебя замуж. Объединит, так сказать, капиталы. К этому времени, предложение в Москве, само собой, перестанет быть актуальным, и я останусь навеки погребённым в этой дыре, вкалывая задаром на твоего папашу, в то время как ты свалишь в какое-нибудь Майами, Санту-Барбару

или, на худой конец, в Лондон. И забудешь, как меня зовут. Перспектива – что надо. Спасибо!

А н я. Тогда давай вместе уедем. Хоть завтра!

В л а д и м и р. Вот те на! Сама же твердишь, что папаша против.

А н я (*вздыхает*). Что есть, то есть! Если я так уеду, денег у него потом не допросишься. Проклянёт! Ты его знаешь...

В л а д и м и р. Знаю. Помню, как он разорался, когда ты хотела ко мне переехать. Могу себе представить, что будет, если мы сбежим. А потому чем быстрее я сам свалю отсюда, тем лучше.

А н я. Ну пожалуйста! Подожди ещё два годика! Он сказал, что когда я получу диплом, смогу делать, что захочу – препятствий не будет. А я ещё раз поговорю с ним... Вдруг он забыл!

В л а д и м и р (*передразнивая Аню*). Два годика!.. С чего бы ему забывать? У него-то уж нет маразма, его мозг трудится в поте лица. Ты что, не понимаешь, почему он не реагирует на твои просьбы? Он всё делает, чтобы тебя отвести, чтобы ты и не думала остаться со мной.

А н я. Ерунда! Я буду каждый день напоминать, не отстану, пока зарплату тебе не поднимут. Или, знаешь, что? Я скажу, что жду ребёнка, что мы собираемся пожениться, и что тебе нужна достойная меня зарплата.

В л а д и м и р. А вот это уже лишнее! Что если не получится ребёнок к сроку? Он поймёт, что его обманули и вообще меня вытолкает. И будет по-своему прав.

А н я. Тогда давай просто поженемся, тогда и просить не придётся – сам прибавит.

В л а д и м и р. Мы уже сто раз говорили! Сколько можно? Разберись сначала со своей учёбой...

А н я. Всё, всё... Не заводись!.. Но ты же ведь не уедешь? Правда? Клянусь тебе, деньги будут! Я украду, из-под земли достану... Только не уезжай, пожалуйста... (*Целует его.*)

В л а д и м и р. Ну, хорошо, хорошо... Небогатый у меня выбор: то ли ехать в неизвестность, то ли жениться...

А н я. Конечно, второе. Хотя за что я тебя так люблю, сама не понимаю.

В л а д и м и р. Сейчас объясню... (*Выключает с пульта телевизор.*)

Наступает тьма.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Появляется кабинет, обставленный офисной мебелью. Т у п и к о в без пиджака сидит на столе, просматривает бумаги.

Т у п и к о в. Боже, какая чушь! Интервью с этой полоумной, все эти шоу, чёрт бы их побрал. А сериал!.. Никому этого не скажешь, но смотреть на плоды трудов своих тошно и откровенно стыдно... Что за жизнь? Как всё надоело! Вообще всё!.. Врать надоело, дурью этой маяться надоело. (*Потрясает бумагами.*) Деньги, конечно, хорошие, другой-то бы за такую сумму ещё и не на то согласился... Но бывает, настаёт миг, когда никаких денег уже не надо. А так хочется жить в просторном, красивом доме, и чтобы много солнца, и чтобы не скрывать ничего, не лить эту чушь в уши простодушных и вообще ни о чём таком не думать...

Входит К р ы г и н.

К р ы г и н. Что это ты скрываешь? Давай, признавайся...

Т у п и к о в. Да так... пустяки. Вот, смотрю, что у нас сегодня... Если уж начистоту, Арсений Петрович, какая гадость! Какая гадость этот наш канал! Удивительно, что кто-то вообще его смотрит.

К р ы г и н. А много ли народу надо? И не забывай: во-первых, Александр Александрович Бобровский неплохо оплачивает наш труд; а во-вторых, за эти деньги он не ждёт, чтобы мы служили просвещению.

Т у п и к о в. Какое уж там просвещение... Но, по-моему, он слишком многого хочет. Прости, Господи...

К р ы г и н. Ну что ты! Всё вполне умеренно. Наш патрон – это местный князёк, он в своей вотчине устанавливает свои порядки. И, надо признать, безуспешно.

Т у п и к о в. Да уж. Не устаёшь удивляться, как быстро отупел народ.

К р ы г и н. А это замкнутый круг: чем больше смотришь наш канал, тем быстрее тупеешь и тем больше смотришь наш канал.

Т у п и к о в. Неподготовленные умы затягивает.

К р ы г и н. Помнишь, какие задачи патрон поставил на последней летучке? Меньше книг, больше телевидения. Мы должны двигаться в общем для всей страны русле – книги убивают экономику, телевидение её стимулирует.

Т у п и к о в (*перелистывает бумаги*). Ну, да. Реклама там и всё прочее...

К р ы г и н. Да ты что, с дуба рухнул? При чём тут реклама? Реклама всего лишь предлагает купить. А телевидение вообще делает человека неутомимым покупателем. Это благодаря телевидению покупки становятся стилем жизни. А современная экономика, мой друг, держится потреблением.

Т у п и к о в. Другими словами, телевидение освобождает от тяжкой необходимости думать. Вы это имели в виду?

К р ы г и н. Именно! Помнишь, патрон говорил, что хотел бы сделать слоганом канала слова: «Хочешь жить в стране с развитой экономикой – смотри телевизор!»

К р ы г и н смеётся. Т у п и к о в горько усмехается.

Т у п и к о в (*вздыхает*). И ведь прав!

К р ы г и н (*понижает голос*). Патрон из той когорты, что сначала задавили эту самую экономику, а теперь громче всех кричат о необходимости её восстановления.

Т у п и к о в. Угу... За счёт экспериментов над ближним.

К р ы г и н. Ну, не заводы же ему восстанавливать! Ему вполне и одного заводика хватает. Для личных нужд. Да и зачем, когда есть более дешёвые и действенные методы?

Т у п и к о в. Наш канал, например.

К р ы г и н. Знаешь, оставь эту рефлекссию! Если всё время думать, что хорошо, что плохо, с ума можно сойти. А если вдуматься, всё не так уж и страшно. Даже наоборот! Семьдесят лет людей муштровали, донимали дисциплиной и моралью, и вот наконец люди обрели заветную свободу. И обрели благодаря нам. Ведь мы раскрепощаем человека.

Т у п и к о в. Ага... Хотите сказать, освобождаем от химеры совести?

Крыгин смеётся.

Крыгин. Что-то в этом роде. Но не только. Есть и другое. Мы подсказываем, мы учим, мы даём ответы на вопросы, обличаем зло и воспеваем добро. Любой человек с нами становится как ребёнок.

Тупиков. Такой же инфантильный и глупый.

Крыгин. Ну, что ты! Такой же наивный и беззаботный. Да и вообще с нами легко и весело! Так что не такая уж гадость этот наш канал. Мы каждому даём почувствовать себя особенным, мы учим любить и холить себя. Мы делаем людей счастливыми и свободными. И что в этом плохого? Какая разница, как именно мы это делаем, если в итоге люди довольны?

Тупиков (*моляще*). Арсений Петрович, мы делаем из людей идиотов и болванов.

Крыгин. А ты взгляни на это иначе: мы приучаем их ни в чём себе не отказывать. А на этом держится вся современная экономика. Поэтому патрон так и настаивает на поддержке телевидения. А уж своего канала – и подавно.

Тупиков. Вас послушать, Арсений Петрович, так обыватель нам спасибо должен сказать.

Крыгин. А ты как думал! Говорю же тебе: мы делаем людей счастливыми и беззаботными, мы внушаем, что нужно расслабиться и наслаждаться жизнью. Вокруг столько всего интересного, о чём можно поговорить, и столько всего красивого, что можно приобрести. А главное – жизнь стала лучше, чем была вчера. Помнишь, как наставлял патрон: «Больше смеяться, больше сплетничать, больше ругать “совок”».

Тупиков. Кстати, сегодня вечером у нас интервью с этой певичкой – Дузовой. У неё новый любовник, новые губы и новое платье.

Крыгин. Вот и прекрасно! Скольким женщинам мы даём пищу для ума! Так что не наговаривай на канал. И на патрона, кстати, тоже. Что ни говори, а патрон – гений. Сдвинуть такие пласты и на руинах построить новую империю...

Тупиков (*усмехается*). Империю! Ну, это вы загнули!

Крыгин. Пусть! Пусть эфемерную как газ, но зато и прекрасную как радуга нефтяной лужи...

Входит Алиса и что-то тихо говорит Тупикову.

Тупиков. Понял, иду. (*Обращаясь к Крыгину*.) Извините, Арсений Петрович, эфир. Без меня не обойдутся.

Уходит.

Крыгин. Да уж... Сплошной эфир кругом.

Алиса. Извините, Арсений Петрович, у нас опять пикет.

Крыгин (*оживляется*). Что?! Опять, чёрт возьми! Сколько же можно, в конце концов! Теперь что им надо?

Алиса. Правды хотят.

Крыгин. Правды? А луну они не хотят с неба достать?

Алиса. Не знаю. Про луну они ничего не говорили. Если и хотят, то тайно.

Крыгин. Ну что такое «правда»? Что *они* могут знать о правде?

Алиса. Наверное, правда – это когда без обмана.

Крыгин (*язвительно*). И где же они такое видели?.. Кто там, кстати, на сей раз? Опять эта сумасшедшая Сметанникова?

Алиса. Да, и она пришла, но не одна. С ней ещё несколько человек.

Крыгин. И опять с плакатами?

Алиса. Да, Арсений Петрович, у всех плакаты. А Сметанникова ещё и кричит.

Крыгин (*удивлённо*). Кричит?!

Алиса. Ну, скандирует.

Крыгин. Боже, Боже... В прошлый раз она перебила стёкла внизу. А когда её попросили уйти подобру-поздорову, она устроила драку, изувечила охранника Женю... Чего ухмыляешься?

Алиса. Я бы сказала иначе. Когда Женя схватил её за воротник и потащил в неизвестном направлении, она стала вырываться и отбиваться от Жени. В потасовке она разодрала Жене лицо, а Женя сломал ей палец.

Крыгин. Очень много ни о чём не говорящих деталей. А главного ты не видишь.

Алиса. И что же тут главное? Вернее, чего я не вижу?

Крыгин. А то, что эта сумасшедшая старуха со сломанным пальцем мешает работать – раз (*начинает загибать пальцы*), привлекает к нам ненужное внимание – два, создаёт ложную репутацию – три, отваживает зрителя – четыре... Слушай, я не понимаю: ты, что, её поддерживаешь, что ли? Может, ты выйдешь и встанешь рядом со своим плакатиком? Ты не стесняйся, скажи! Попросим девочек плакатик тебе распечатать. Можем даже рамочку сделать и на палочку прибить.

Алиса. А вы меня не уволите?

Крыгин. А ты как думаешь?

Алиса. Думаю, уволите.

Крыгин. Правильно думаешь!

Алиса. Вы ведь только на словах – либерал. А как до ваших интересов коснётся, так вы – тот ещё... тоталитарный строй.

Крыгин. Поговори мне ещё! Уволю и без плакатика.

Алиса. Не сомневаюсь ни на секунду. О свободе слова вы только говорите красиво.

Крыгин. Нахваталась!.. Запомни: я говорил, говорю и буду говорить то, что ждёт от меня патрон. Потому что в этом городе я больше не найду человека, который платил бы мне такие деньги за такую работу. И ты, кстати, тоже. Поняла?

Алиса. Поняла.

Крыгин. Напомни, где ты провела отпуск в прошлом году?

Алиса (*недоумённо*). У бабушки, в деревне. А зачем вам?

Крыгин. А в позапрошлом году?

Алиса. На Бали.

Крыгин. Понравилось?

Алиса (*расплывается в улыбке*). Ой, конечно! Вода тёплая-тёплая, песок белый, а пальмы...

Крыгин. Вот пусть этот светлый образ стоит у тебя перед глазами. Особенно, когда захочется помитинговать. Поняла?

Алиса (*разочарованно*). Поняла.

Крыгин. Ладно. А теперь вот что скажи: выходил кто-нибудь к этим демонстрантам?

А л и с а. Пока никто не выходил. Женя позвонил мне, я велела ему подождать, пока с вами не переговорю.

К р ы г и н. Это правильно! Ещё один скандал нам не нужен. После той драки все рейтинги рухнули к чертям. Газеты как с цепи сорвались: «Холуи олигарха Бобровского избивают пенсионеров», «Сначала ограбили, теперь добивают!»... С этой старухенцией, с этой левацкой фурией надо решать полюбовно.

А л и с а. Женя, кстати, и сам бы к ней не пошёл – боится. Говорит, что учёный. На всякий случай, охрану, конечно, усилили. Но никто пока не выходил и не разговаривал с ними. Если вы хотите решать полюбовно, вам самому придётся спуститься или вызвать патрона – пусть хоть раз с народом поговорит.

К р ы г и н. С ума сошла? Хочешь, чтобы он всех нас отправил – как это говорят? – в пешее эротическое путешествие?

А л и с а (*морщится*). Фи, как пошло.

К р ы г и н. Да?! А уволить молодого, талантливого, перспективного человека – это *не пошло*? А подставиться под увольнение – *это* не пошло? Да если хочешь знать, вся жизнь – это пошлость. И я – пошлость, и ты – пошлость, все мы тут – одна сплошная пошлость. Думаешь, когда родители тебя зачали, это было не пошло? А рождение?.. Знаешь, из какого места ты вылезла на свет Божий? Никогда не задумывалась? Зря! Потому что сложно придумать что-либо пошлее. А смерть? Разве смерть – не пошлость? Ты окочуриваешься, падаешь в самом неподходящем месте, устраиваешь переполох, заставляешь бегать вокруг себя приличных людей. Потом начинаешь вонять да ещё и разлагаться на атомы. Тебя уже нет, а ты всё требуешь денег. И немалых, заметь себе!.. Разве не пошло? Ненавижу, когда говорят о пошлости! На фоне жизни пошлости не существует, поняла?.. Так что нечего тут рассуждать и фыркать, когда вокруг одна сплошная пошлость.

А л и с а. И патрон?

К р ы г и н. Что – «патрон»?

А л и с а. Патрон – тоже пошлость?

К р ы г и н. Тьфу ты... Молчи, дура. Типун тебе на язык... Ладно, пойдём... общаться с народом.

Уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Перед телестудией на тротуаре стоят несколько человек с плакатами. На плакатах надписи: «Бобровский – жулик и вор», «Сначала залез в карманы, теперь пришёл по наши души», «Требуем закрыть БобрТВ». Впереди собравшихся, ближе всех к зданию телестудии стоит маленькая, щуплая старушка с плакатом: «Каждому Иуде – по осине». Прохожие оборачиваются и останавливаются. Навстречу митингующим из телестудии выходят К р ы г и н, за ним – А л и с а, Ж е н я, С а ш а.

С м е т а н н и к о в а (*кричит*). Иуде – осину! Иуде – осину!

К р ы г и н (*Алисе*). Это, что ли, её правда?

С м е т а н н и к о в а. Иуде – осину! Иуде – осину!

К р ы г и н. Что вы, бабушка, так кричите? Люди же сбегутся.

С м е т а н н и к о в а (*бодрым голосом, потрясая плакатом*). А мы и хотим, чтобы весь город сбежался! Пусть все увидят, пусть все потребуют правды!

К р ы г и н. Какой же вы правды добиваетесь, бабушка? В ваши годы правда – тёплые носки, а вы всё народ мутите.

С м е т а н н и к о в а (*кричит*). Иуде – осину! Иуде – осину!

К р ы г и н. Да не кричите вы так, в самом деле! Зачем так вопить? Все ведь и без того слышат. А потом у вас тут всё написано (*указывает на плакат*.)

С м е т а н н и к о в а (*бодро*). Не заговаривай мне зубы, буржуйский холуй!

К р ы г и н. Пусть даже так! Я даже согласен на холуя, только не вопите!

А л и с а тихо смеётся.

(*Алисе*.) А ты что смеёшься?

С м е т а н н и к о в а. Иуде – осину!..

Митингующие шумят и вслед за Сметанниковой начинают скандировать «Иуде – осину».

К р ы г и н. Господи, с ума можно сойти! Совершенно недоговороспособная особь. (*Сметанниковой*.) Бабушка, чего вы хотите?

С м е т а н н и к о в а. Правды!

К р ы г и н. Конкретнее можно?

С м е т а н н и к о в а. Можно!

К р ы г и н. Валяйте.

С м е т а н н и к о в а. Мы требуем закрытия преступного бобровского канала, пропагандирующего разврат, отупляющего народ и шельмующего историю нашей родины!..

К р ы г и н. Так, стоп, стоп! Мне понятны ваши требования. Но вы же понимаете, что закрыть канал сию же секунду невозможно!

С м е т а н н и к о в а. Чем быстрее это произойдёт, тем лучше будет для народа. Долой власть эксплуататоров и кровососов!

К р ы г и н. Подождите, бабушка! Мы же договаривались, что вы не будете кричать.

С м е т а н н и к о в а. Ни о чём я с тобой, холуём, не договаривалась! И впредь никаких договорённостей с кровососами и их прихвостнями!

К р ы г и н (*Алисе*). Ну как с ней говорить, когда она лозунгами изъясняется?!

А л и с а (*украдкой смеётся*). А вы тоже попробуйте.

К р ы г и н. Что?

А л и с а. Лозунгами изъясняться.

К р ы г и н. Как это? (*Сметанниковой*). Бабушка, я с вами полностью согласен – вихри враждебные веют над нами...

С м е т а н н и к о в а (*подхватывает и поёт*). Тёмные силы нас злобно гнетут. / В бой роковой мы вступили с врагами, / Нас ещё судьбы безвестные ждут...

Митингующие поют вместе с ней.

К р ы г и н. Бабушка, бабушка! Из-за вас и меня ждёт безвестная судьба! Войдите в положение! Прекратите агитацию и пропаганду!

С м е т а н н и к о в а и митингующие поют.

Крыгин (Алисе). Ну что мне с ней делать?

Пение прекращается.

Слава Богу! Бабушка, я прошу вас, выслушайте меня!

Сметанникова. Говори, холуй!

Крыгин. О, Господи!.. Бабушка, вы и ваши... э-э-э... приспешники должны понимать: закрыть канал немедленно мы всё равно не сможем. Это долгая и непростая процедура.

Сметанникова. Канал должен быть закрыт!

Крыгин (Алисе). Это не старуха, а Марк Порций Катон, того гляди заявит, что Карфаген должен быть разрушен. (Сметанниковой.) Бабушка, я не могу давать вам таких клятв и обещаний, я не уполномочен. И никто их не даст, кроме хозяина канала. Кроме него никто не может...

Сметанникова. Так пусть Бобровский к нам выйдет!

Крыгин. Он не может выйти, его здесь нет.

Сметанникова. Прячешь своего господина, холуй?

Крыгин. Бабушка, я не знаю, где в настоящее время может быть Александр Александрович. Он – деловой человек, у него множество дел. И вообще я не понимаю, чем вы так недовольны? Какие у вас претензии к Бобровскому?

Сметанникова. Ты – холуй и не знаешь, какие у народа претензии?

Крыгин. В конце концов, я прошу вас выбирать выражения!

Сметанникова. Да ты знаешь ли, что твой Бобровский сидел в обкоме, потом предал партию, переметнулся к Ельцину, скупил тут всё за бесценок и теперь эксплуатирует своих же товарищей?!

Крыгин. Во-первых, не предал, а переменил взгляды. Не меняются, знаете ли, только дураки и покойники. Во-вторых, это обычная картина. Я понимаю, вам обидно, на его месте должны были быть вы, но ничего не попишешь. Пора свыкнуться с мыслью, что жизнь изменилась, что нельзя вернуть того, чего уже нет.

Сметанникова. Да ты знаешь ли, червь, что изменилось? Можешь ли ты понять, насекомое, своим умишком, что такие как твой хозяин предали отцов?

Крыгин. Это я уже тысячу раз слышал: деды воевали, отцы строили, а вы, гады, только жрёте. В чём-то я даже с вами согласен. Но призываю вас относиться к этому философически – как к свершившемуся факту. Всё равно надо жить и работать, надо...

Сметанникова (перебивает глухим, страшным голосом). Те, кто предал своих отцов, будет предан своими детьми! Ваши дети предадут вас, как вы предали отцов, с тою лишь разницей, что вы отлично сознаёте свою подлость, но дети ваши своей скверны не осознают. А научите их этому вы! Вы с вашим каналом приближаете судный день. Ваши дети – суд Божий, они духовные сифилитики, уже завтра они начнут грабить и убивать вас...

Крыгин (Алисе). Она ещё и прорицать вздумала.

Алиса (пожимает плечами). Имеет право!

Крыгин (Сметанниковой). Бабушка, я понял вашу позицию и донесу её до руководства канала. А сейчас ещё раз убедительно прошу вас очистить улицу, иначе мы вынуждены будем вызвать полицию, и всех вас привлекут за несанкционированный митинг.

Сметанникова. Ах, полицию? Не хочешь по-хорошему, охломон? Ну так я покажу тебе полицию!

Поднимает с земли камень и бросает, целясь Крыгину в голову. Крыгин уворачивается, камень попадает в остекление первого этажа. Стёкла со звоном разлетаются, все кричат, митингующие разбегаются.

Саша (с восхищением). Ну, бабка! Сильна!

Крыгин (уворачиваясь от разлетающихся осколков). Задержите её!

Женя. Сашка, хватай старуху! А я – за полицией.

Женя убегает в здание телестудии. За ним спешат Крыгин и Алиса. Тем временем на улице начинается потасовка. Саша хватается за Сметанникову и тащит в здание, Сметанникова упирается и старается вырваться. Крики, ругательства перекрываются полицейской сиреной.

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Тем же вечером. Кабинет Лизы Бобровской. Дорогая мебель – письменный стол, книжный шкаф со стеклянными дверцами, напротив стола – небольшой диван, по дивану разбросаны мягкие игрушки. Лиза сидит за письменным столом, перед ней – ноутбук. Лиза что-то набирает, стучит по клавишам. Входит Аня.

Аня. Привет. Работаешь?

Лиза (не отрываясь от ноутбука). Угу.

Аня. Отец дома? Не знаешь?

Лиза (недовольно и рассеянно, не отрываясь от работы). Не знаю... то есть знаю... Нет его.

Аня. Звоню – не отвечает.

Усаживается на диван.

Лиза. Он в Москве сейчас. Завтра приедет.

Аня. Ах, вот как... Хм... Послушай, Лиза... Ну можешь ты оторваться на минуту от своего ноута?!

Лиза (перестает клацать, недовольно смотрит на сестру). Что?

Аня. Ничего. Мне надо с тобой поговорить. Ты можешь уделить мне время? Что ты делаешь?

Лиза. Могу уделить время. Готовлю передовицу для газеты.

Аня. Ах, ну да! Слово главного редактора. Я так и думала. Хорошо, что можно дома работать.

Лиза. Всё или ещё что-нибудь?

Аня. Нет, не всё.

Лиза. Что ещё?

Аня. Как ты думаешь... как ты думаешь, если я попрошу отца поднять зарплату Володьке, он поднимет?

Лиза. Нет.

Аня. А если я очень попрошу?

Лиза. Всё равно – нет. Можешь не стараться. Что лично я думаю о твоём Володьке, тебе известно. Мерзкий и скользкий типчик. Лживый, завистливый

и ленивый, как мне кажется. Типичный халявщик и нытик... Как это?.. Токсичный! Вот...

А н я. И вовсе нет!

Л и з а. Совершенно не понимаю, зачем он тебе нужен. Полное ничтожество!

А н я (*вздыхает и тербит плюшевого медведя*). А если это любовь?

Л и з а (*не обращая внимания*). Удивляюсь, как ты его терпишь. Потрясающе! Подсылает тебя выпрашивать для него деньги. Наверняка шантажирует. (*Передразнивает.*) Я должен уехать, потому что совсем нет денег... Дура! Поняла?

А н я. Ничего похожего! Ничего он не шантажирует!

Л и з а (*довольная*). Ага! Значит, я угадала.

А н я. Он просто спросил, не могу ли поговорить с отцом.

Л и з а. Почему он сам не поговорит? Трусит?

А н я. При чём тут трусит? Ведь мне это удобнее сделать. И вообще, если тебе не нравится Володя, это не значит, что...

Л и з а (*перебивает*). Нет, это именно *это* и значит! Знаешь, что отец говорил недавно о твоём Володе? Что этот идиотский роман затянулся. Что надо было сразу его турнуть и не допускать, чтобы ты влюблялась. Думаю, он просто отправит тебя в Англию, как уже грозился не раз. Чтобы там ты наконец забыла об этом придурке и мерзавце. Или чтобы он забыл о тебе. Но и это ещё не всё!..

А н я (*хмуро*). Что же ещё приятного ты мне сообщишь, сестрёнка?

Л и з а. Отец даже готов заплатить ему, лишь бы он сам убрался. Насколько я знаю, предварительная договорённость уже существует!

А н я (*отбрасывая медведя*). Ты врешь!

Л и з а. Увы, моя дорогая. И поосторожнее с моими медведями. Речь об этом зашла ещё в прошлый раз... ну, когда ты собиралась к нему переехать.

А н я. Если до сих пор ничего не случилось, значит...

Л и з а (*перебивает*). До сих пор ничего не случилось только потому, что у отца руки не доходили. У меня, кстати, тоже. Но на сей раз я обязательно высвобожу время и обязательно поддержу отца. А для начала ему напомню.

А н я. Какое вы имеете право вмешиваться в мою личную жизнь!

Л и з а. Имеем. У нас право ближайших родственников.

А н я. Я дееспособная и совершеннолетняя. Понятно тебе?

Л и з а. Ты – слабоумная. Тебе вообще опекун необходим.

А н я (*вскакивает с дивана*). Сама ты!.. И ни в какую долбаную Англию я не поеду. Понятно?

Хватает медведя и бросает в сестру.

А если вы устроите этот подкуп, знаете, что я вам устрою?

Л и з а. Ладно, не ори. Ты сказала, что хочешь поговорить, а сама начала орать.

А н я. Я?! Начала орать?! Нет, вы слышали?..

Л и з а. Ладно. В чём дело?

А н я (*усаживается обратно*). Да ни в чём не дело. Хотела поговорить с тобой о Володьке, а ты начала орать.

Л и з а. Ах, это! Ну что, поговорила? Ты отлично знаешь, что я терпеть не могу твоего Володьку, по причине его пустоты и никчёмности.

А н я. Ты просто... просто завидуешь!

Л и з а. Ага, очень... Жених-то дюже завидный!.. Отношения ваши видятся мне следующим образом. Ты влюблена в него по уши. Мне бы очень хотелось поинтересоваться, что ты в нём нашла, но я понимаю глупость таких вопросов – любовь зла. Чем, кстати, твой дружок и пользуется.

А н я. Он меня любит!

Л и з а. Ах, ну да, конечно. Так вот, продолжаю. Сейчас он в растерянности: жениться прямо сейчас он не хочет. Вернее, хочет повременить. Поскольку, женившись, вынужден будет вести себя прилично. Ибо понимает, что за любую оплошность, может, с позволения сказать, огрести. Нужно будет приходиться вовремя домой, воздерживаться от случайных и неслучайных связей. В общем, noblesse oblige. Иначе можно и пролететь! Как та самая фанера над Парижем. Но ведь и упустить выгодную партию он тоже боится!

А н я. Всё не так совсем!

Л и з а (*не обращая внимания на сестру*). Самое удобное для него было бы оставить всё как есть и получить при твоём посредстве хорошее место – ну, такое, чтобы работать поменьше, а получать побольше. Довольно тривиально, правда? Но что делать! И ещё. Должна тебя огорчить. Отец смотрит на всю эту историю точно так же, как я.

А н я. Так это ты его настроила?

Л и з а. Может, и так. Хотя не понимаю, какое это имеет значение. Главное, что ни в качестве зятя, ни в качестве работника твой Володька никого в нашем доме не устраивает. Поэтому оставь надежду всяк сюда входящий и постарайся забыть этого... осла о двух копытах.

А н я. Сама ты... о двух копытах. А если я не хочу его забывать?

Л и з а. Тогда делай что хочешь и пеняй на себя. (*Отворачивается к своему ноутбуку.*) Извини, я и так уже потеряла уйму времени.

А н я. Ну что ж. Пожалуй, последую твоему совету – буду делать, что хочу. И что считаю нужным.

А н я уходит и хлопает дверью. Л и з а смотрит ей вслед, пожимает плечами и снова погружается в работу. Свет медленно гаснет.

Занавес.

Акт Второй

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кабинет дознавателя. Справа письменный стол, стеллажи с папками. Слева – дверь. За письменным столом сидит Ф у р с и к о в, напротив через стол – С м е т а н н и к о в а.

Ф у р с и к о в. Гражданка Сметанникова, вы уже не в первый раз попадаете в наше отделение.

С м е т а н н и к о в а. Не я попадаю, а вы меня приволакиваете. Можно подумать, я по доброй воле к вам пришла.

Ф у р с и к о в. Во-первых, никто вас сегодня не приволакивал, вас пригласили повесткой.

С м е т а н н и к о в а. Ну, позавчера приволакивали.

Ф у р с и к о в. А во-вторых, не делайте вид, что не понимаете, о чём я.

С м е т а н н и к о в а. Ничего не понимаю!

Ф у р с и к о в. Ещё раз вам говорю: не старайтесь казаться глупее, чем вы есть. Вас не впервые доставляют за нарушение правопорядка. Вы, можно сказать, рецидивистка.

С м е т а н н и к о в а. Ещё бы! Антинародный режим...

Ф у р с и к о в (*перебивает её*). Не надо здесь агитации и пропаганды! На вас кто только не жаловался. Вы просто какая-то язва здешних мест. Уж извините, у вас репутация такая.

С м е т а н н и к о в а. Жалуются на меня только буржуи-кровососы со своими холуями.

Ф у р с и к о в. Вы хотя бы понимаете, что заработали себе срок? Реальный тюремный срок. Вы понимаете это?

С м е т а н н и к о в а. Ленин тоже...

Ф у р с и к о в (*перебивает*). Речь не о Ленине, а о вас. Ленин, между прочим, понимал, за что в тюрьму шёл. А вот вы за что – одному Богу известно. Ленин бы вас не одобрил!

С м е т а н н и к о в а. Что ты можешь знать об Ильиче! Крючкотворец...

Ф у р с и к о в. Не забывайте, что я при исполнении! Кстати, о штрафах я вообще уже молчу. Платить вам нечем, так что придётся иначе возмещать ущерб.

С м е т а н н и к о в а. Сначала обобрали народ, а теперь – возмещать ущерб. Хорошо устроились! А всех недовольных, значит, по тюрьмам?

Ф у р с и к о в. Но хуже всего, что хулиганством, порчей имущества, нанесением телесных повреждений, покушением на жизнь, в конце концов...

С м е т а н н и к о в а (*перебивает*). Это на чью это я жизнь покусились?

Ф у р с и к о в. Из показаний Крыгина Арсения Петровича...

Берёт со стола лист бумаги, прокашливается и начинает читать.

«Я неоднократно взывал к Сметанниковой прекратить пикет и отправиться домой. В ответ на мои призывы Сметанникова бросила в меня булыжником, и, если бы я не увернулся, булыжник угодил бы мне в голову. Из чего можно заключить, что Сметанникова нарочно прицеливалась...»

С м е т а н н и к о в а. Это холуй, что ли, бобровский?

Ф у р с и к о в. Это генеральный директор телекомпании «БобрТВ». Так вот, по совокупности содеянного, вам самое место в тюрьме.

С м е т а н н и к о в а. Ну что же. Правда всегда преследуется. А для настоящего большевика каторга в радость.

Ф у р с и к о в. А по-моему, заигрались вы в большевиков-то. Не пора ли на заслуженный отдых?

С м е т а н н и к о в а. Я, милоч, ни во что не играю. Мне правда нужна. Ясно?

Ф у р с и к о в. Мне-то ясно. Вот будет ли прокурору-то ясно?

С м е т а н н и к о в а. Ты меня прокурором не пугай. Я не первая жертва антинародного режима. (*Вздыхает.*) И не последняя.

Ф у р с и к о в. Гражданин Крыгин, помимо всего прочего, показал, что вы нанесли оскорбления как ему, так и гражданину Бобровскому.

С м е т а н н и к о в а. Оскорблений для них ещё не придумали.

Ф у р с и к о в. И тем не менее. Из показаний гражданина Крыгина:

(*Читает с листа*). «Публично оскорбляла меня и Бобровского Александра Александровича, называя, меня, например, “холуём”, “червём”, “охламоном”». Было это?

С м е т а н н и к о в а. Что, и за «холуя» теперь в тюрьму?

Ф у р с и к о в. Читаем дальше. «Бобровского называла “жуликом”, “вором”, “иудой”, призывала к расправе над ним». Было это?

С м е т а н н и к о в а. Ну что заладил: было – не было...

Ф у р с и к о в. Пока что я хочу установить правду, как вы говорите. Пытаюсь представить масштаб и картину ваших преступлений. Повторяю: вас не впервые доставляют в наше отделение, так что пора с вами как-то определиться. Возможно, необходимо вас освидетельствовать и за ваше делинквентное поведение направить на принудительное лечение. А может...

Открывается дверь, входит Чебадухин. Фурсиков и Сметанникова замолкают и смотрят на вошедшего.

Ч е б а д у х и н. Привет! (*Галантно, обращаясь к Сметанниковой.*) О! Здравствуйте, Раиса Павловна! Опять вы к нам! Что на сей раз? Хулиганство, телесные повреждения, несанкционированный митинг?

Ф у р с и к о в. Всего понемногу.

Ч е б а д у х и н. Я всегда знал, Раиса Павловна, что ваши возможности неисчерпаемы и фантазия неограничена. Но вы меня извините, если я на несколько секунд украду у вас вашего палача?

С м е т а н н и к о в а. Забирай насовсем. Глаза б мои его не видели. Тюрьмой меня страшат.

Ч е б а д у х и н. Какой ужас! (*Фурсикову с притворным возмущением.*) Как ты можешь? Как можешь ты пугать даму тюрьмой?

Ф у р с и к о в. Если бы эту даму можно было хоть чем-нибудь испугать...

Ч е б а д у х и н. Ну ладно. На пару слов.

Отходят в сторону, говорят тише, чтобы Сметанникова их не слышала.

Ч е б а д у х и н. Слушай, отпусти ты эту Фанни Каплан. Охота тебе с ней возиться?

Ф у р с и к о в. Знаешь, я могу её же словами ответить: глаза б мои не видели.

Ч е б а д у х и н. Ну и чёрт с ней! Сегодня такое дело – жуть! Чеснова занимается. Выпроваживай эту Веру Засулич – посвящу в подробности. На таком фоне про твою бабку-террористку все забудут.

Ф у р с и к о в. Я уже не знаю, что мне с ней делать. Она срок себе заработала. Но у меня рука не поднимается в тюрьму её отправить.

Ч е б а д у х и н. Ну оформи штраф, и пусть шкандыбают! Сейчас вообще не до неё. Такое дело! И опять же вокруг Бобровского. Жуть!.. Ну, давай, приходи! Выпроваживай, и ко мне.

Уходит. Фурсиков возвращается и садится за стол. Начинает что-то писать. Сметанникова внимательно на него смотрит. Оба молчат.

Ф у р с и к о в. Ладно. Вот ваш пропуск, Фанни... э-э-э... гражданка Сметанникова. Можете пока идти.

Сметанникова берёт пропуск и, не прощаясь, удаляется. Фурсиков подходит к двери, щёлкает на стене выключателем. Свет гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Сцена представляет кафе. За столиками сидят посетители, время от времени появляются официанты с подносами. За ближним к зрителю столом расположились Фурсиков и Чебадухин. В левой части сцены – барная стойка, за ней бармен. Рядом с баром – входная дверь. Время от времени заходят или выходят посетители. На высоком барном стуле в полумраке сидит Жозефина, перед которой стоит коктейльный бокал. Играет негромкая музыка в стиле босанова.

Чебадухин. Да, это хорошая идея – и пообедаем, и поговорим спокойно. Марина тоже придёт.

Фурсиков. Ну что там за жесьть?

Подходит официант.

Официант. Добрый день!

Фурсиков. Добрый...

Чебадухин. Здрасьте!

Официант. Вам как обычно?

Чебадухин. Да, бизнес-ланч.

Официант. Хорошо!

Уходит.

Фурсиков. Ну, рассказывай!

Подходит Жозефина нетвёрдой походкой, в руке у неё бокал.

Жозефина. Скучаете, мальчики?

Чебадухин. Нет, страдаем.

Жозефина. Что так?

Чебадухин. А так!

Жозефина. Чего страдать, когда такие девушки рядом?

Чебадухин. Вот из-за девушек и страдаем.

Жозефина. Так, может...

Чебадухин. Не надо!

Жозефина. А вы подумайте.

Чебадухин. Шла бы домой, Пенелопа. Видишь, не до тебя.

Жозефина. Между прочим, меня зовут Жозефина.

Чебадухин. Странно. Мария-Антуанетта вам больше подходит.

Жозефина. Может, обсудим этот... этот животрепещущий вопрос?

Чебадухин. В другой раз! Окей?

Жозефина. Как знаете. Вам же хуже.

Чебадухин. Естественно. Говорю же – страдаем.

Жозефина. Но если что – я рядом!

Фурсиков. Мы учли. Учли.

Жозефина возвращается к барной стойке.

Уф... не хватало ещё. (Кивает в сторону Жозефины.)

Чебадухин. Ладно, забудь. Так ты слышал про дочку Бобровского?

Подходит официант с подносом.

Официант. Ваш заказ.

Составляет с подноса на стол посуду и уходит.

Фурсиков. Нам дадут поговорить? Или сегодня здесь вечер встреч и воспоминаний?

Чебадухин. Будем надеяться, что нет. Слушай! (Понижает голос.) Сегодня утром в Любавине обнаружили труп младшей дочки Бобровского.

Фурсиков. Да ты что! Вот это новость... И что известно?

Чебадухин. Немногое. Что пропал Владимир Кичига, юрист телеканала «БобрТВ».

Фурсиков. Какая связь? Нет, понятно – два происшествия за день, и оба связаны с Бобровским. Но у нас в городе, сам понимаешь, все так или иначе связаны с Бобровским.

Чебадухин. Связь такая, что этот юрист и дочка Боровского встречались. Он – её любовник. Вернее, был им. Сестра убитой и сам Бобровский показали, что связи этой не одобряли и что юрист через дочку устроился на работу и просил о повышении зарплаты.

Фурсиков. Ну и что? О чём это говорит?

Чебадухин. Возможно, и не о чём. Но!.. Бобровскому эту новость сообщили, как только он прилетел сегодня из Москвы – прямо в аэропорту. Тут же выяснилось, что, улетаая, он забыл дома бумажник. В бумажнике была о-очень хорошая сумма наличных и две кредитки разных банков. Причём коды были известны в семье – ну как-то там все пользовались, когда было нужно. Сечёшь? Ведь это значит, что бумажник могла взять убитая, и убили её за этот бумажник.

Фурсиков. Как она убита?

Чебадухин. В Любавине есть кабак такой на трассе – «Любавинская корчма».

Фурсиков. Знаю, свадьбы там гуляют.

Чебадухин. Вот-вот! Тело нашли неподалёку. Одна старушка шла от посёлка к автобусной остановке. Между посёлком и трассой сначала поле, а потом – небольшая такая роща. Заросли, в общем. Через заросли проходит тропинка. Старушка с тропинки заметила, что трава в зарослях подозрительно примята. Она там каждый день ходит и цветочками любит, а тут видит – цветы примяты. Решила проверить и полезла в заросли. А там – труп. Череп проломлен тупым, тяжёлым предметом. Предмет не нашли. Лежит ничком, ноги согнуты в коленях.

Фурсиков. Что, изнасилование?

Чебадухин. Нет, изнасилования не было. Но, возможно, к этому шло.

Фурсиков. Хочешь сказать, насильник передумал?

Чебадухин. Хочу сказать, она сама пошла – не насильно, а по любви. Потому и полезла в эти заросли.

Ф у р с и к о в. То есть она приехала в Любавино с кем-то, кого хорошо знала, и в кусты пошла по обоюдному согласию и желанию?

Ч е б а д у х и н. Но, не успев перейти к делу, этот кто-то разmozжил ей зачем-то голову.

Ф у р с и к о в. Но если этот кто-то знал про отцовский бумажник, то становится понятно – зачем. Известно уже – кто-нибудь видел её, когда она приезжала в Любавино?

Ч е б а д у х и н. Пока никого найти не удалось, кто бы хоть что-то видел.

Ф у р с и к о в. Ну а бухгалтер? В смысле, юрист.

Ч е б а д у х и н. Представь себе – его тоже никто не видел.

Ф у р с и к о в. Та-ак! Ну а что Чеснова?

Ч е б а д у х и н. Ты же знаешь Чеснову! Бьёт копытом. Когда осматривали рану на голове убитой, извлекли оттуда какой-то мелкий, чуть не микроскопический осколок – так, не пойми что. Не стекло, не пластик, но тело твёрдое. Вдруг говорят: ноготь! Марина чуть не подпрыгнула. Ну чей ещё ноготь может оказаться в пробитом черепе, как не ноготь убийцы?

Ф у р с и к о в. Естественно – когда наносил удар, сломал ноготь.

Ч е б а д у х и н. Ноготь уже в лаборатории на анализе ДНК. Завтра ждём заключение.

Ф у р с и к о в. Завтра?! Ты с ума сошёл? Чтобы на следующий день был готов анализ...

Ч е б а д у х и н. Ты забыл, дружок, кто у нас убитая. Следствие должно завершиться в самые короткие сроки. оплачивается всё и в первую очередь.

Ф у р с и к о в. Н-да... Об этом я не подумал.

Ч е б а д у х и н. Неудивительно! Убивают часто. Но не каждый день убивают дочек миллионеров. Хотя это и цинично звучит, но в известном смысле нам повезло – дельце-то обещает быть интригующим, а? Может выплыть много всякой дряни.

Ф у р с и к о в. А знаешь, что интересно?

Ч е б а д у х и н. Да здесь всё интересно!

Ф у р с и к о в. Эта старуха, которую ты у меня застал...

Ч е б а д у х и н. Террористка-то?

Ф у р с и к о в. Ну да. Она тоже связана с Бобровским.

Ч е б а д у х и н. Как ты правильно заметил, в этом городе все так или иначе с ним связаны.

Ф у р с и к о в. Тут другое. Последний раз она устроила очередной пикет – можно даже назвать это митингом – у телестудии Бобровского и выкрикивала какие-то проклятия в его адрес.

Ч е б а д у х и н. Мощная старуха!

Ф у р с и к о в. Кричала, что дети восстанут на родителей, что тех, кто предал своих отцов, предадут их же дети. Ну и что-то ещё в этом роде. И вот, не прошло и нескольких дней, как случилась вся эта история. То есть не исключено, что дочка Бобровского слямзила у папаши кошелёк – восстала-таки на родителя.

Ч е б а д у х и н. Значит, пророчества нашей Фанни Каплан начинают сбываться?

Ф у р с и к о в. И это только начало!

Ч е б а д у х и н. Подождём продолжения. Что-то появится уже завтра. Завтра совещание в 15:00. К двум анализ будет уже готов, так что узнаем много интересного. Заходи завтра!

У Ч е б а д у х и н а звонит телефон. Мелодией звонка служит тем «Русского танца» из балета «Щелкунчик».

Алло. Да, Марина, тебя ждём. Что? Не сможешь? А, ну ладно, что ж. Спасибо, что позвонила. Да, давай. Пока. (Фурсикову.) Это Марина, сказала, чтобы мы её не ждали – не успеваешь.

Ф у р с и к о в. Пойдём тогда – и так засиделись. (Официанту.) Счёт, пожалуйста!

О ф и ц и а н т приносит счёт. Ч е б а д у х и н и Ф у р с и к о в расплачиваются и уходят. Ж о з е ф и н а провожает их взглядом.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Кабинет Ч е с н о в о й. Похож на кабинет Ф у р с и к о в а, только теперь справа – дверь, а слева – письменный стол, стеллажи с папками. За письменным столом сидит Ч е с н о в а. В кабинете стоят несколько стульев, верхом на одном из них сидит Ч е б а д у х и н. Ч е с н о в а просматривает бумаги.

Ч е б а д у х и н. Егор звонил, сказал, что зайдёт сейчас. Просит удовлетворить любопытство.

Ч е с н о в а. Я сегодня только и делаю, что удовлетворяю любопытство. То тюлень позвонит, то олень. Уже, понятно, весь город знает, что убита дочка Бобровского. Теперь всё! Других новостей в нашем городе нет. Так мало того! Всем уже известно, что это дело на мне. Звонят журналисты, дети, старики и старухи, пролетарии физического и умственного труда, представители власти и аутсайдеры. Жду с нетерпением, когда позвонят из ВВС или CNN.

Ч е б а д у х и н. Чего хотят?

Ч е с н о в а. Чего они могут хотеть! Всем надо знать: правда ли, что убита Анна Бобровская и кто её убийца.

Входит Ф у р с и к о в.

Ф у р с и к о в. Привет!

Ч е с н о в а. Здравствуй, Егор.

Ч е б а д у х и н. Привет! Собираемся на совещание с Бобровским.

Ф у р с и к о в. Как это?

Ч е с н о в а. Да, представь себе! Бобровский будет на совещании. Такое впечатление, что он руководит следствием. Не Следственный комитет, а частная лавочка.

Ф у р с и к о в. Интересно... А что выяснили? Какие новости?

Ч е с н о в а. Новости потрясающие. Во-первых, найден юрист.

Ф у р с и к о в. Да ну! И куда он успел доехать?

Ч е б а д у х и н. Ну, видимо, старый Харон уже перевёз его через мрачные воды Ахеронта.

Ф у р с и к о в (после паузы недоумённо). Что ты хочешь сказать?

Ч е с н о в а. Только то, что Кичига найден застреленным в упор в собственном автомобиле, припаркованном недалеко от дома, где жил наш юрист.

Ф у р с и к о в. Чёрт возьми! Два трупа подряд.
Ч е с н о в а. Я бы сказала: два трупа за день. Кичига убит примерно в то же время, что и Бобровская.

Ф у р с и к о в. Странное совпадение.

Ч е б а д у х и н. Да не то слово!

Ф у р с и к о в. А что ДНК?

Ч е с н о в а. Анализ готов. Сначала сравнили анализ ДНК убитой и анализ этого когтя. В конце концов, он мог принадлежать самой пострадавшей – ну, мало ли, схватилась за голову, сломала ноготь... Всё может быть. Но нет! ДНК не совпали. Другими словами, коготь на 99% принадлежит убийце.

Ч е б а д у х и н. 1% – на случай.

Ч е с н о в а. Да, мало ли что. Сами понимаете – всякое случается.

Ф у р с и к о в. И что намерены делать дальше?

Ч е с н о в а. Думаю, что и дальше надо двигаться с опорой на ДНК.

Ф у р с и к о в. Это что-то новое! Как это – «с опорой»?

Ч е с н о в а. Очень просто! Во-первых, необходим анализ ДНК Кичиги. Если его образец совпадает с ногтем – дело можно закрывать. Если нет... Думаю, стоит взять материал для анализа у всего посёлка.

Ч е б а д у х и н. Оценил размах?

Ф у р с и к о в. Да уж... Но, Марина, это же...

Ч е с н о в а. Совершенно верно – сорок девять человек. Исключая, разумеется, детей и совсем уж дряхлых старцев. И это не так уж много, учитывая, что господин Бобровский не стесняет нас в средствах. Нужно быть современными, господа. Идти в ногу со временем. Не находите?

Ф у р с и к о в. (неуверенно). Да пожалуй.

Ч е б а д у х и н. Отныне лупе и дактилоскопии Марина предпочитает анализ ДНК.

Ч е с н о в а. А почему бы и нет? Особенно когда всё заранее оплачено. Я даже на папке готова написать: спонсор следствия Александр Бобровский.

Ф у р с и к о в и Ч е б а д у х и н смеются.

Ч е с н о в а. Но не только анализ ДНК, между прочим. Ещё анализ звонков и сообщений, а равно и анализ поисковых запросов на персональных компьютерах. Вот, например, последний звонок с телефона Ани Бобровской был сделан в 22:41. Она звонила Кичиге. После этого сигнала с её телефона не поступало. А вот Кичига говорил по телефону в 23:49. И там, и там сигналы в городе. То есть уже появляется версия, что в Любавине Бобровская оказалась без Кичиги. Могла оказаться.

Ф у р с и к о в. (задумчиво). Не так уж мало информации. Но и ясности пока немного.

Ч е б а д у х и н. Ничего удивительно! На второй-то день следствия... Меня другое удивляет – скорость исполнения поставленной перед экспертами задачи. Вот что золото животворящее делает!

Ф у р с и к о в и Ч е б а д у х и н смеются.

Ч е с н о в а. Ладно, хватит зубы скалить – пошли на совещание. Бобровский небось уже приехал.

Ч е б а д у х и н. Пошли! С новым начальством охота познакомиться. Слушай, а может, он нам премии сразу выпишет?

Ч е с н о в а. Это за что?

Ч е б а д у х и н. За профессионализм и за филигранное ведение дела.

Ч е с н о в а. Ты сначала проведи его филигранно, а уж потом...

Уходят.

Занавес.

Акт Третий

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира С м е т а н н и к о в о й – бедная обстановка, оставшаяся с советских времён: сервант с хрусталём, ковёр на стене, тумба под телевизором, комод, два кресла и журнальный стол. С м е т а н н и к о в а в домашнем халате сидит в стареньком кресле, напротив через журнальный стол – Ч е с н о в а. На столе – папка с бумагами, смартфон.

С м е т а н н и к о в а. Сначала вы меня к себе таскали, теперь сами припожаловали.

Ч е с н о в а. Вас, Раиса Павловна, доставляли несколько раз в отделение после драки и битья стёкол. Кажется, так?

С м е т а н н и к о в а. А теперь что? Кажись, не дралась, стёкол не била...

Где-то часы с кукушкой отбивают один час. Слышно: «Ку-ку».

Ч е с н о в а. (крутит головой, силясь понять, откуда доносится звук часов). Ой, какая прелесть! У моей бабушки тоже были часы с кукушкой. (Оборачивается к Сметанниковой). Но теперь – совсем другое дело, Раиса Павловна. Теперь мы обращаемся к вам за помощью.

С м е т а н н и к о в а. Чудные дела твои, Господи...

Ч е с н о в а. Вы, наверное, слышали, что в Любавине убита Анна Бобровская – младшая дочь неизвестного вам Александра Бобровского?

С м е т а н н и к о в а. Ещё бы не слышать! Все уши прожужжали, все глаза проели. Всюду только и говорят об этом. Про телевидение, про канал самого Бобровского я вообще молчу. Только я-то здесь при чём? Неужто вы думаете, это я ухлопала?

Ч е с н о в а. Нет, этого я не думаю. Да и оснований, признаться, нет.

С м е т а н н и к о в а. Ну, спасибо и на этом.

Ч е с н о в а. Хотя тут есть интересные совпадения.

С м е т а н н и к о в а. Это какие же совпадения?

Ч е с н о в а. Да вот хотя бы ваши пророчества.

С м е т а н н и к о в а. Пророчества?! Да вы, может, меня с кем-нибудь перепутали? Я отродясь такими вещами не занималась. Я материалистка и ни в какие пророчества не верю. А уж чтоб самой... Да упаси Бог!

Ч е с н о в а. Материалистка, а Бога-то поминаете.

С м е т а н н и к о в а. Это другое! Вы не путайте.

Чеснова. Не будем вдаваться в богословские тонкости. Но пророчества – можем назвать это иначе – зафиксированы и в протоколе, и в показаниях свидетелей. Когда вы осаждали студию телеканала «БобрТВ», вы, среди прочего, кричали (*достаёт лист бумаги из папки, читает*): «Те, кто предал своих отцов, будут преданы своими детьми». Далее: «Ваши дети предадут вас, как вы предали своих отцов... Ваши дети – духовные сифилитики... Уже завтра они начнут грабить и убивать вас...»

Сметанникова. Ах, это! Какое же это пророчество?!

Чеснова. Вам было что-нибудь известно об убийстве Анны Бобровской?

Сметанникова. Да Господь с вами! Откуда?

Чеснова. Что же вы имели в виду, когда выкрикивали эти слова посреди улицы?

Сметанникова. Справедливость я имела в виду. Правду и справедливость.

Чеснова. Какая же тут справедливость?

Сметанникова. Такая, что зло наказуемо. Рано или поздно, а расплата всегда наступает. Бобровский ваш – самый настоящий злодей. Лжец и развратник. Жулик и вор. Мерзавец и...

Чеснова (*перебивает*). Когда вы говорили «предал отцов своих», что вы имели в виду?

Сметанникова. Я имела в виду предательство, иудин грех. Потому и требую для него осины.

Чеснова. А конкретнее?

Сметанникова. Куда уж конкретнее!

Чеснова. Ну, хорошо. А «духовные сифилитики»?

Сметанникова. А кто же они? Вы на них посмотрите! У них в глазах калькуляторы, в душах – эти (*показывает на смартфон*)...

Чеснова (*подсказывает*). Гаджеты!

Сметанникова. Вот именно! Пустота. Но все чего-то строят из себя, все озабочены собственной значительностью, которой нет и быть не может по причине всё той же пустоты. Тупость! Алчность! Чванство! А туда же – выделиться им надо, чтобы все видели, какие они особенные. А что в них особенного-то? Шмотки да татуировки – больше и нет ничего. Ещё кольца в носах. Одно слово – дикари. А вырастили таких, потому что Сталина боятся, социализма боятся – им дурачки нужны несмышлёные. Вот Бобровский – хотел народ оболванить, но оболванил самого себя, своё же отродье изувечил. Ему и аукнулось.

Чеснова. Я поняла вас. Вы невысокого мнения о современной молодёжи и считаете, что современные молодые люди, в силу объективных и независимых от них причин, наклонны к аморальным поступкам, агрессии, аномии...

Сметанникова. Нет, я считаю, что существует высшая справедливость и нравственный закон и что по этому закону тот, кто роет яму другому, падает в неё сам. Бобровский, этот буржуйчик, рыл яму народу, но упал в неё сам.

Чеснова. Что вы подразумеваете под «упал»?

Сметанникова. Здрасьте... Так чью дочь-то укокошили? Ночью. У кабака. А говорят, там ещё и деньги пропали.

Чеснова. Ну ладно. С этим всё ясно. Вообще-то я к вам по другому вопросу.

Сметанникова (*удивлённо*). По другому? Какие же у нас с вами ещё вопросы могут быть?

Чеснова (*осматриваясь кругом себя*). Скажите, а вы одна живёте?

Сметанникова. Одна. Муж мой помер, а сынок с семейством американскую науку продвигает.

Чеснова. Вас к себе не зовёт?

Сметанникова. Зовёт.

Чеснова. Что же вы не едете?

Сметанникова. Меня, что же, выдворяют как диссидента?

Чеснова. Видите ли, я занимаюсь расследованием убийства Анны Бобровской.

Сметанникова. Это я поняла.

Чеснова. Прекрасно! Значит, мы с вами понимаем друг друга с полуслова.

Сметанникова. Но я вас пока что не очень понимаю. То есть я поняла, что вы занимаетесь расследованием, но при чём тут Америка и всё остальное...

Чеснова. Убийца оставил след, и мы определили его ДНК. Ну, это такой анализ...

Сметанникова (*перебивает*). Дезоксирибонуклеиновая кислота, отвечает за передачу и реализацию генетической информации. Содержит генетический код из последовательности нуклеотидов.

Чеснова. О... Вы, наверное, смотрите программу по НТВ?

Сметанникова. Деточка, просто у меня советское образование. Так что там с вашей ДНК?

Чеснова. Вы знаете, не скрою: вы меня поразили. Что ж, значит, мы с вами понимаем друг друга ещё лучше, чем я думала.

Сметанникова. И что же ДНК?

Чеснова. ДНК? Ах, да... Поскольку убитая была найдена в Любавине, мы взяли анализы у тамошних жителей.

Сметанникова. Что, у всех?!

Чеснова. Нет, решили ограничиться мужским населением. Активным мужским населением. И представьте, один образец оказался близок к образцу убийцы. Более того, не буду вдаваться в тонкости, но удалось установить, что эта семья живёт в Любавине на протяжении нескольких веков. Это коренные местные жители. Но у человека, о котором я говорю...

Сметанникова. С близким ДНК?

Чеснова. Именно! Так вот, оказалось, что у этого человека есть два брата. Причём оба давно уже перебрались...

Сметанникова (*перебивает*). ...В мир иной!

Чеснова. Не совсем. Для начала оба перебрались в город. А уж затем один из них точно отправился в путешествие значительно более дальнее. У того, кто по сей день здравствует, мы тоже взяли анализ. Со вторым сложнее.

Сметанникова. Да уж. К нему не наведаешься.

Чеснова. Ну, почему же! При необходимости это возможно организовать. Но всё оказалось проще: у вдовы хранилась прядь его волос. Ну, знаете, в молодости так бывает – локоны, ленточки, медальоны, сердечки там разные...

Сметанникова (*живает*). Продолжайте.

Чеснова. ДНК определили по волосам покойного. И что бы вы думали? Он оказался отцом нашего убийцы.

Сметанникова. Вот как? Скажите-ка! Это уже интересно.

Чеснова. Ещё бы! Тем более выяснилось, что вдова не доводится убийце матерью!

Сметанникова. Вот все они таковы!

Чеснова. Кого вы имеете в виду?

Сметанникова. Мужиков я имею в виду. Кого же ещё...

Чеснова. Соглашусь с вами. Официальный брак у покойного был один, а вот внебрачных связей, как мы установили, оказалось... э-э-э... скажем так, несколько.

Сметанникова. Но я...

Чеснова. О нет! Дело не в вас. Скажите, у вас была сестра?

Сметанникова (в сторону). Так я и знала. (Чесновой.) Вы правильно сказали: была.

Чеснова. Она умерла в прошлом году, не так ли?

Сметанникова. Я вижу, от вас ничего не скроется.

Чеснова. Конечно! Поэтому отвечать на мои вопросы следует честно.

Сметанникова. Сестра долго болела.

Чеснова. Это я тоже знаю, она страдала ишемической болезнью сердца. А не остались ли у вас какие-нибудь её вещи?

Сметанникова. Конечно, остались! А что нужно?

Чеснова. Видите ли, нужны не просто вещи. А что-то такое, что позволило бы...

Сметанникова. ДНК?

Чеснова. Всё-таки мы понимаем друг друга с полуслова. Ведь это прекрасно!

Сметанникова. Куда уж лучше... Только ведь ни волос, ни ногтей у меня не сохранилось. Так что не знаю, что и предложить.

Чеснова. А письма? Ведь раньше много писали друг другу. Я знаю, что некоторые до сих пор хранят переписку. Может быть, и у вас что-то осталось? Какие-нибудь её письма. Ну, может быть, со студенческих времён.

Сметанникова. Письма? Ах, понимаю – слюна! Вы имеет в виду наклеенные марки?

Чеснова. И заклеенные конверты! Помните, были такие конверты с уголком? Их приходилось слюнить, чтобы заклеить. Я в детстве проводила языком сверху вниз, вот так... (Показывает.)

Сметанникова. Письма, письма... Где же у меня эти письма?

Встаёт с кресла, подходит к тумбе и начинает выдвигать ящики, открывать дверцы.

Да вот же! Как же это я забыла.

Встаёт на колени и достаёт обувную коробку из-под тумбы. Чеснова присоединяется к ней и тоже встаёт перед тумбой на колени. Сметанникова, стоя на коленях, рассматривает содержимое коробки.

Ведь это её добро. Тут вот и письма.

Передаёт коробку Чесновой. Теперь и та, стоя на коленях, рассматривает содержимое коробки.

Чеснова. Н-да. А её писем у вас не осталось? Ну. Чтобы она вам писала, чтобы письма были от неё, а не к ней. Может быть, у вас есть такая же только своя коробочка.

Сметанникова (задумчиво). Коробочка? Нет у меня никакой коробочки! Не так много корреспондентов было, чтобы коробочки заводить. Но её письма где-то были.

С трудом поднимается с колен. За ней следом встаёт и Чеснова с коробкой в руках. Обе – впереди Сметанникова, за ней Чеснова – перемещаются к комоду и уже там встают на колени в той же последовательности. Сметанникова достаёт из ящика комода ворох бумаг и раскладывает на полу.

Это справки... тут счета... повестка... ещё повестка... Вот!

Вынимает конверт и передаёт Чесновой.

Чеснова. Прекрасно! Это именно то, что нужно. Вы могли бы отдать на время эти письма? И то, что от неё, и всю эту коробку?

Сметанникова. Берите. На что они мне.

Чеснова. Спасибо. Если бы вы только знали, как нам помогли!

Сметанникова. А если бы вы только знали, как мне это не нравится.

Поднимаются с колен и снова усаживаются в кресла.

Чеснова. Что именно? Почему не нравится?

Сметанникова. То, что я помогаю Бобровскому. С большей охотой я бы ему навредила.

Чеснова. Я понимаю ваши чувства. Но тут дело не в Бобровском. Вы помогаете следствию, а значит – правосудию. Вы помогаете найти убийцу и, возможно, предотвратить новые преступления.

Сметанникова (ухмыляется). Это как посмотреть!

Чеснова. А вот здесь я с вами не соглашусь, потому что точек зрения здесь быть не может. Убит человек, нарушен закон. Значит, виновный, кто бы он ни был, должен понести наказание. Помните, как в фильме: вор должен сидеть в тюрьме! А уж убийца – то и подавно.

Сметанникова. Закон и Бобровский – вещи несовместные. Вокруг него вы так не суетитесь, а за ним столько тянется... нарушений закона.

Чеснова. Если против Бобровского будет возбуждено уголовное дело, займётся и Бобровским.

Сметанникова. Кто бы ещё возбудил такое дело. Возбудильщиков-то не найдётся. Ну а что, других-то не убивают?

Чеснова. Убивают и других. И других ищут.

Сметанникова. Но что-то мне подсказывает, что в других случаях вы используете другие методы розыскной работы. У богатых ныне, как и сто лет назад, больше прав даже на расследование насильственной смерти. А вы делаете вид, что не понимаете, для чего я устраиваю свои пикеты. Похоже, в этом городе всё всех устраивает. Ну, да Бог с вами. Только ничему потом не удивляйтесь, потому что удивительного будет ещё немало. Удивительного, но закономерного и неизбежного. Меня больше другое сейчас занимает.

Чеснова. Что же это?

Сметанникова. А то, что если подтвердится, что Людмила – та самая, кто вам нужен, то есть мать вашего убийцы, то это, как в интернете пишут, будет бомба.

Чеснова. В каком смысле? Вы что-то знаете?

Сметанникова. Ничего я не знаю. А вот вы всё сами узнаете.

Чеснова. Ну что же. *(Встаёт.)* В любом случае я вам очень признательна. Все письма мы обязательно вам вернём. До свидания!

Уходит.

Сметанникова *(собирает разбросанные вещи)*. Какие странные узлы завязывает судьба. Исчадие Бобровского обернулось против него же. Я столько времени паясничала, юродствовала, чтобы привлечь внимание на порождённого им монстра, а теперь, оказывается, сама помогаю Бобровскому. Страшно подумать, что начнётся, когда распутается этот змеиный клубок. Впрочем, ждать осталось не так уж долго – энергия этой мадам и деньги Бобровского сотворят чудо.

Где-то часы с кукушкой отбивают два часа.

Пора обедать, однако.

Уходит.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Знакомое кафе. Обстановка та же – посетители, Жозефина у барной стойки, за одним из столиков – Фурсиков и Чебадухин. Они едят, пьют чай.

Фурсиков. Ты обещал поразить меня последними данными следствия. Я жду!

Чебадухин. Клянусь оправдать все ожидания. Сейчас только совещание закончилось, Марина делала доклад. Так вот. У неё очередная сенсация.

Фурсиков. Очередная дезоксирибонуклеиновая феерия?

Чебадухин. О да! Ты же в курсе, чем увенчались поиски родителей нашего злодея? Марина взяла след, и по ДНК, ну впрямь как ищейка по следу, вышла на родителей душегубца.

Фурсиков. Что, кстати, с бухгалтером?

Чебадухин. Каким ещё бухгалтером?

Фурсиков. Пардон, с юристом. Кажется, его анализ ДНК не совпал с тем ногтем?

Чебадухин. Вот тут-то и начинается феерия, мой друг! Рассказываю по порядку. Действительно, ноготь вроде бы оказался не Кичиги – это, как ты помнишь, фамилия юриста. Тогда материал для анализа взяли у сорока девяти человек. Всего несколько дней – и результаты готовы. Лаборатория работает круглые сутки только на дело Бобровской. И вообще, это не следствие, а пятизвёздный отель.

Фурсиков. Да уж. Запомни! Другого такого случая может и не представится.

Чебадухин. Если только массово не начнут резать миллионеров и их родственников.

Фурсиков. Не поможет! В этом случае они массово побегут за границу.

Чебадухин. Пожалуй, ты прав. Ну, да ладно. Итак, Марина находит в Любавине старика – какого-то родственника убийцы. Затем она выясняет, что у старика имеются два брата. Причём один из них приказал долго здравствовать, а другой как раз таки внял его совету и, полон сил, живёт у нас в городе. Но у вдовицы оказалась прядь волос усопшего, да ещё и перевязанная алой ленточкой, в которую – в прядь, разумеется, не в ленточку – Марина вцепилась мёртвой хваткой и отдала на анализ. И что же выясняется? Мертвец – отец, но вдова – не мать.

Фурсиков. Да, за ДНК будущее.

Чебадухин. Ну ещё бы!

Фурсиков. Обязательный анализ, например, сократит число супружеских измен, а значит, сохранит институт семьи.

Чебадухин. Или окончательно его уничтожит. Зачем в условиях, приближенных к боевым, заключать браки?

Фурсиков. Тоже верно. Но вещь, безусловно, полезная.

Чебадухин. Полезная – не то слово. Покруче дактилоскопии будет. Жаль пока дороговата. Но я никак не доберусь до сути!

Фурсиков. Всё! Молчу.

Чебадухин. Марина опять взяла след. Нашла знакомых этого папаши; выяснила, где он работал, где отдыхал. Собрала слухи и сплетни, перетрясла всё грязное бельё, чуть не у всех знакомых тёток этого папаши взяла анализ и нашла-таки! И как бы ты думал, кто это?

Фурсиков *(истуганно)*. Неужели Сметанникова...

Чебадухин *(смеётся)*. Ты почти угадал! А почему ты подумал о ней?

Фурсиков. Уф... Да ты так спросил, что я стал перебирать самые невозможные варианты. И первый, о ком я подумал, была Сметанникова.

Чебадухин. Марина выяснила, что ещё в юности папаша нашего злодея встречался с одной барышней и был влюблён. Барышня тоже любавинская, они учились в одном классе. Но после десятилетки барышня подалась на берега Невы, где окончила мединститут, вышла замуж, где-то там работала и, наконец, вернулась в родные края. Но уже обременённая семейством. Жила всё это время в городе. Умерла в прошлом году, муж умер ещё раньше. Остались два сына. А ещё осталась родная сестра. Вот к ней-то и отправилась Марина. Это и есть твоя Фанни Каплан.

Фурсиков. Да, неожиданно. Хотя... почему бы Сметанниковой и не иметь сестёр?

Чебадухин. Конечно, в сестре нет ничего удивительного. Любопытно другое: как твоей Сметанниковой удаётся всё время оказываться на передовой. Так сказать, в гуще событий.

Фурсиков. Талант не промитингуешь!

Чебадухин. Верно. Но самое интересное! Во-первых, у сестры Сметанниковой по мужу была весьма примечательная фамилия. А во-вторых, у Сметанниковой оказались старые письма сестры. Ну, знаешь, в таких конвертах, которые нужно было облизывать. Марки, кстати, тоже. По слюне...

Фурсиков *(перебивает)*. Понятно! И результат?

Чебадухин. А результат таков: Сметанникова – родная тётка убийцы. То есть сестра Сметанниковой оказалась его матерью. Её ДНК и ДНК того ногтя – это ДНК матери и сына. Сметанникова, кстати, припомнила, что студенткой её сестра бывала в Любавине. И тот старик, оказавшийся, сам того не ведая, дядей убийцы, это подтвердил.

Ф у р с и к о в. Н-да. Дела! Теперь Сметанникова так просто не помитингует. Всегда можно будет напомнить о родстве.

Ч е б а д у х и н. Погоди удивляться! Рано. Марина, естественно, бросилась на поиски сыновей, то есть племянников Сметанниковой.

Мимо проходит Ж о з е ф и н а, направляющаяся к одному из посетителей, и нарочно толкает Ч е б а д у х и н а. Тот выплёскивает чай на стол и брюки.

А, чёрт... *(оборачивается к Жозефине.)* Вот пугало.

Подбегает о ф и ц и а н т, вытирает стол. Ч е б а д у х и н вытирает брюки салфетками.

О ф и ц и а н т. Извините, извините, пожалуйста. Она, видимо, пьяная, как обычно. Она всегда навеселе.

Ч е б а д у х и н *(Фурсикову)*. Видал?

Ф у р с и к о в *(смотрит вслед Жозефине)*. Да пёс с ней! Мало ли фриков кругом.

Ч е б а д у х и н. Ты прав. Смотришь иной раз и думаешь: был бы ты взаправду такой чудак, было бы интересно. Но ведь ты – фрик, силишься изобразить оригинальность и значительность на пустом месте. Выдаёшь звенящую пустоту за музыку сфер.

Ф у р с и к о в. Какая уж тут музыка сфер! Тут, как сказала бы приснопамятная Раиса Павловна, «духовные сифилитики».

Ч е б а д у х и н. Возможно, не только духовные. Кстати, Раиса Павловна бьёт все рекорды цитируемости.

Ф у р с и к о в. Мы остановились на её племянниках.

Ч е б а д у х и н *(отдавая мокрые салфетки официанту)*. Старший объявился в Москве, а вот младший – у нас в городе.

Ф у р с и к о в. Уже теплее.

Ч е б а д у х и н. Держись, сейчас будет совсем горячо. Тут-то и начинается настоящая феерия. Потому что этим младшим оказался убиенный юрист с канала «БобрТВ», любовник убиенной Анны Бобровской Владимир Кичига.

Ф у р с и к о в. Как?! Как это может быть? Ведь анализ...

Ч е б а д у х и н. То-то – анализ. Анализ, брат, тоже надо с умом делать. Марина как увидела, поскакала в лабораторию. Удивляюсь, что она не разнесла их в щепу. Что оказалось? У них там мальчик-стажёр, который при сравнении трёх результатов – ногтя предполагаемого убийцы, убитой и юриста – умудрился два раза подряд сравнить с ногтем анализ Бобровской. И выдал два отрицательных результата. Что, в общем, неудивительно. Сегодня утром уже при Марине заново подняли все результаты и заново сравнили. Итак, ноготь принадлежал Кичиге.

Ф у р с и к о в. Значит, убитый юрист и есть убийца Бобровской?

Ч е б а д у х и н. Представь себе. Юрист, он же племянник Сметанниковой, он же любовник Бобровской, он же её убийца.

Ф у р с и к о в. Сметанникова и впрямь вездесущая. А не она ли часом прикончила этого юриста за ненадлежащие взгляды и предательство идеалов социализма? И где, кстати, бумажник Бобровского?

Ч е б а д у х и н. Сметанникова утверждает, что давно не общается с племянником. Говорит, всегда знала, что кончит он плохо. Конечно, не она убила и украла – это понятно. Но проверить-то надо.

Ф у р с и к о в. Этим делом тоже Марина займётся?

Ч е б а д у х и н. А кто же ещё, дружище! Здесь всё так переплетено. Неужели кому-то с нуля входить в курс дела? А Марина уже убедила Бобровского и тут выступить спонсором. Как тебе это нравится: генеральный спонсор следствия – Александр Бобровский.

Ф у р с и к о в. Да весь город уже смеётся. Ты мне вот, что скажи. В машине вряд ли найдутся материалы для анализа ДНК. Вернее, их там может оказаться слишком много – мало ли кто побывал в машине за всё время.

Ч е б а д у х и н. Погоди с машиной! Назавтра назначена эксгумация. Марина хочет окончательно убедиться в своих выводах.

Ф у р с и к о в. По-моему, это лишнее.

Ч е б а д у х и н. Как сказать... После ошибки этого стажёра... Короче, Бобровский её поддержал, и это решило дело.

Ф у р с и к о в. А как же родственники, согласие?

Ч е б а д у х и н. Всё уже улажено, мой друг! Всё улажено. Такое следствие, видит Бог, впервые на моей памяти. Из Москвы от брата получено разрешение, на эксгумацию пригласили Сметанникову.

Ф у р с и к о в. Что? Сметанникову на опознание? Вот это поворот.

Ч е б а д у х и н. Она – ближайшая родственница. Не старика же любавинского тащить – он и не поймёт ничего. Сам со страху преставится. Сметанникову, конечно, пришлось долго уламывать. Но ты же знаешь Марину!

Ф у р с и к о в. Неужели и Сметанникова подкуплена?

Ч е б а д у х и н. О нет! С этим не вышло. Братъ деньги она отказалась наотрез.

Ф у р с и к о в. Слава Богу! Хоть кто-то в этом мире не продаётся. Пусть даже этот кто-то – сумасшедшая старуха.

Внезапно слышится музыка «Русского танца» из балета «Шелкунчик».

Ч е б а д у х и н *(отвечая на телефонный звонок)*. Да, Марина Ивановна, мы с Егором обедаем... Хорошо, иду. *(Фурсикову)*. Пойдём, труба зовёт.

Кладёт на стол деньги. Оба встают из-за стола.

Ф у р с и к о в. Что там, интересно, твоя труба ещё удумала.

Ч е б а д у х и н. Пойдём. Узнаем.

Уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Кладбище. Всюду кресты над холмиками, ярко пестреют искусственные цветы. Двое работников кладбища раскапывают свежую могилу. Чуть в стороне столпились Ч е с н о в а, Ч е б а д у х и н, С м е т а н н и к о в а, 2 с у д м е д э к с п е р т а, в р а ч, в и д е о о п е р а т о р, ф о т о г р а ф, п о н я т ы е, которые боятся подойти ко гробу. На всех – белые комбинезоны с капюшонами. У работников кладбища на лицах – защитные маски.

Ч е с н о в а. Здравствуйте ещё раз, Раиса Павловна! Спасибо вам, что не отказали.

Сметанникова (*недовольно*). Здравствуйте.

Чеснова. Уж извините, что так пришлось свидеться.

Сметанникова. Уж лучше не видеться.

Чеснова. Что поделать! Вы уж нас простите.

Сметанникова. Я понимаю – вам заплатили. Весь город смеётся: «генеральный спонсор следствия» и тому подобное.

Чеснова. Разобраться в любом случае нужно. Ведь вы же знаете, что Владимир – главный подозреваемый. Пока ещё подозреваемый. Для полной уверенности нужен материал для анализа. Тело, кстати, тоже будет осмотрено повторно. Есть у меня кое-какие соображения.

Сметанникова. Его-то кто убил?

Чеснова. Вот и выясним это.

Сметанникова. Сомневаюсь я. Он же не дочка Бобровского.

Чеснова. Ну, если на то пошло... Понимаете, если образцы всё-таки совпадут, и вина его окончательно подтвердится, то, по всей видимости, он и украл портмоне Бобровского. А значит, в каком-то смысле, он тоже дочка Бобровского.

Сметанникова. Значит, кроме как на внимание толстосумов, надеяться в нашей стране не на что? А кошелек не украдёшь, вниманием не заручишься. Так?

Чеснова. Мы всего лишь используем ситуацию в своих интересах.

Сметанникова. Что бы сказал покойник, если бы знал, что его смертью интересуются только в связи с пропавшим кошельком!

Чебадухин. Надеюсь, он уже ничего не скажет.

Чеснова. Я тоже на это надеюсь. К тому же это неверно.

1-й судмедэксперт. А что бы сказал покойник, если бы предвидел собственную эксгумацию меньше, чем через год после смерти? Ведь он был юрист.

2-й судмедэксперт. Для юриста это особенно оскорбительно.

Чеснова. Прекратите этот чёрный юмор. Тем более при родственниках. Мы всё делаем по закону. В течение двух недель – обычная, нормальная практика.

1-й судмедэксперт. А что, прошло только две недели?

2-й судмедэксперт. Кто платит, тот заказывает не только музыку.

1-й судмедэксперт. Но и календарь.

2-й судмедэксперт. Да хоть движение планет!

Чеснова. Движение планет остановится скорее от вашей болтовни.

Достают гроб, снимают крышку. Чеснова, Сметанникова и судмедэксперты подходят ко гробу.

Сметанникова. Бедный Вовик!

Падает в обморок. Её поддерживают Чеснова и Чебадухин. Врач оказывает помощь.

Врач. Пришла в себя. (*Сметанниковой*.) Вы можете идти?

Сметанникова. Ох... Не знаю.

Врач уводит её в сторону, помогает сесть на скамейку.

Чебадухин. Не перестаю удивляться этой женщине.

1-й судмедэксперт (*Чесновой*). Вот уж где чёрный юмор! А ты нас упрекала.

Чеснова. Я и сейчас прошу не острить при родственниках.

2-й судмедэксперт. Ты же слышала: эти родственники острят похлеще нашего.

Чеснова (*подносит к лицу носовой платок*). Что ей остаётся при таком зрелище и запахе. У неё это – нервное.

1-й судмедэксперт. У нас тоже нервное.

2-й судмедэксперт. Ещё бы! У людей нашей профессии только два защитных механизма: спирт и юмор.

1-й судмедэксперт. Вроде бы разные вещи, но связаны между собой крепко.

Чеснова. С каких это пор спирт стал механизмом?

1-й судмедэксперт. Сам по себе он, конечно, не механизм, а субстанция, вещество.

2-й судмедэксперт. Материя!

1-й судмедэксперт. Но будучи употребляем в определённых обстоятельствах и с определённой целью превращается в механизм.

Врач подводит к ним Сметанникову.

Чеснова. Скажите нам, Раиса Павловна, вы подтверждаете, что это ваш племянник – Владимир Кичига?

Сметанникова. Подтверждаю. Он это.

Чеснова. Запись идёт?

Видеооператор. Камера включена.

Видеооператор и фотограф снимают происходящее.

Чеснова. Так, в присутствии понятых Раиса Павловна Сметанникова подтвердила, что эксгумировано тело её племянника – Владимира Петровича Кичиги. Пожалуйста, судмедэксперты...

Судмедэксперты перекадывают тело в пластиковый контейнер.

1-й судмедэксперт. Эх его, смердит!

2-й судмедэксперт. Вот для этого и проводят эксгумацию не раньше, чем через год. А тут – ни то, ни сё... Две недели прошли, он разлагается полным ходом, а они лезут...

1-й судмедэксперт. Согласись, есть всё же что-то парадоксальное в том, что он – юрист.

2-й судмедэксперт. Да тут один сплошной парадокс! Классовая борьба и лавбургер в одном флаконе.

1-й судмедэксперт. Прибавь ещё – триллер. Ведь мы никогда бы не делали того, что делаем, не замешайся в эту историю Бобровский.

2-й судмедэксперт. А что ему? Он купил всех живых, принял за мёртвых.

1-й судмедэксперт. Вот я и говорю – триллер.

Подходят Чеснова и Сметанникова.

Чеснова. Что вы там всё бормочете?

1-й судмедэксперт. Да это мы так... О жизни и смерти.

2-й судмедэксперт. Да! Бедный Вовик, быть или не быть... Ну, ты понимаешь.

1-й судмедэксперт. Нет повести печальнее на свете.

2-й судмедэксперт. Чума на оба дома ваши!

Чеснова. Вы заканчиваете, кощунники?

1-й судмедэксперт. Мы заканчиваем.

Судмедэксперты уносят тело в пластиковом контейнере.

Чеснова. Всем спасибо! Раиса Павловна, мы вас подвезём.

Все уходят.

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Кабинет Крыгина. Слева дверь, справа стол. Крыгин сидит за рабочим столом, напротив – Чеснова. Время от времени Чеснова встаёт и прохаживается по кабинету. Крыгин напряжённо следит за ней.

Чеснова. Вы, конечно, знаете о расследовании убийства Анны Бобровской?

Крыгин. Можете не сомневаться! Нам ли не знать... Между прочим, наш канал первым дал сюжет. Весь город уже слышал, а кто-то даже участвовал.

Чеснова. Согласна. Расследование необычное.

Крыгин. Надо думать, не каждое расследование может похвалиться спонсором.

Чеснова. Вы правы. Но работа ещё не завершена.

Крыгин. Ясное дело! Мы все ждём, когда же вы назовёте нам имя убийцы убийцы.

Чеснова. Вы очень точно подметили! Дело крайне запутанное. И даже не в смысле – как бы это сказать – обстоятельств, событий. Я говорю о запутанности персоналий. Насколько все мы в этом городе оказались тесно между собой связаны.

Крыгин. Я вас прекрасно понимаю – я всё-таки телевизионщик. Сюжет просто завидный: племянник старой коммунистки становится любовником, а затем и убийцей дочери миллионера, после чего коммунистка оказывается помощницей миллионера, который, в свою очередь, помогает следствию в деле поимки убийцы своей дочери и племянника своего классового врага. Короче, корова будет пастись с медведицей.

Чеснова. Но дело в том, что это ещё не всё.

Крыгин. Как?! Сериал продолжается? Мыло forever? И что же, Бобровский, да продлит Аллах его дни, женится на Сметанниковой?

Чеснова. Нет, до этого, кажется, не дошло.

Крыгин. Жаль! В этом случае она наверняка перестала бы громить нам студию.

Чеснова. Думаю, в ближайшее время ей будет не до этого.

Крыгин. О! Уверю вас, вы просто не знаете или недооцениваете этой старухенции. Через месяц она прочухается и снова заявит к нам с оружием пролетариата в руке. Шадря на неё нет, чтобы увековечить.

Чеснова. И всё же, я думаю, она не явится. Хотя речь идёт не о ней.

Крыгин. Тогда, вероятно, об её последователях.

Чеснова. Э-э-э... В каком-то смысле.

Крыгин. О! Я весь внимание.

Чеснова. Речь как раз об её племяннике.

Крыгин. О Кичиге? Об убитом? Ну, что же, я вас слушаю.

Чеснова. Видите ли, мы выяснили, что Кичига был... э-э-э...

Крыгин. Любовником Бобровской? Так это и без расследования было известно. Так что не тратьте попусту то, что было нажито непосильным трудом. Я имею в виду средства Александра Александровича Бобровского, генерального спонсора следствия и Следственного комитета Российской Федерации. «Россия священная наша держава...»

Напевает гимн страны.

Чеснова (*перебивает пение*). Расследование показало, что Кичига, помимо известного вам обстоятельства, был... Как это сказать... В общем, он был – би.

Крыгин. Би?! Простите... Эй, би, си... Что значит – «би»? А-а! Вы хотите сказать, что он был и с девочками, и с мальчиками?

Чеснова. Именно это я и хочу сказать. Это выяснилось после эксгумации. Выяснилось и ещё кое-что.

Крыгин. Господи, не пугайте! Говорите скорее.

Чеснова. Выяснилось, что по части мальчиков Кичига дружил с Тупиковым Антоном Филипповичем – так же, как и Кичига, сотрудником вашего канала.

Крыгин. Это что же, всё ваши дезо – рибо показали?

Чеснова. Дезоксирибо. Да, анализ ДНК это подтвердил. К тому же Тупиков был последним, с кем разговаривал Кичига по мобильному телефону в день убийства. Это уже анализ телефонных звонков и сообщений. Был и ещё один анализ – поисковых запросов на компьютерах Кичиги и Тупикова. Судя по всему, мальчиками они оба интересовались больше, чем девочками.

Крыгин. Вы меня ошеломили.

Чеснова. Сожалею. Но, как вы понимаете, теперь у меня достаточно оснований интересоваться Тупиковым.

Крыгин. Я даже готов с вами согласиться. Только не понимаю, чем я-то могу помочь следствию?

Чеснова. Вы поможете следствию, если расскажете, где ваш сотрудник Тупиков.

Крыгин. Дней десять назад уволился и, кажется, уехал.

Звонит по мобильному телефону.

Алиса, зайти. (*Чесновой.*) Это мой секретарь. Она лучше знает.

Входит Алиса. Из раскрытой двери слышен гул голосов.

А л и с а. Разрешите?
К р ы г и н. Входи, входи. Окажешь помощь следствию.
А л и с а. Всегда готова. (Чесновой.) Здрасьте...
Ч е с н о в а. Здравствуйте.

А л и с а входит в кабинет, закрывает дверь. Гул прекращается. А л и с а останавливается и вопросительно смотрит то на К р ы г и н а, то на Ч е с н о в у.

К р ы г и н. Вот, помоги товарищу, то есть госпоже следовательнице.
Ч е с н о в а. Меня интересует Антон Филиппович Тупиков. Вам известно, где он?
А л и с а. Понятия не имею! Тупиков уволился 15 числа и через пару дней уехал.

Ч е с н о в а. Он говорил, куда едет?
А л и с а. Он всё мечтал за границу свалить. Может, свалил уже.
К р ы г и н. А ты знала, что он... того?
А л и с а. Того – это что? Гомосексуалист, что ли? Подумаешь, секрет Полишинеля! Да все это знали, он и не скрывал особо. Сколько раз говорил, что работа нервная: выходишь, дескать, на улицу, с одной стороны – школа, с другой – церковь. Не знаешь, по какой статье загремишь.

К р ы г и н. Как всегда, я всё узнаю последним.
А л и с а. А вам зачем это знать?
К р ы г и н. Не за тем, о чём ты подумала! Ты же вот знаешь.
Ч е с н о в а (вклинивается, не обращая внимания на их перебранку).
А, как, по-вашему, почему он уволился?

А л и с а. А я почём знаю? Сказал только, что шанс появился.
К р ы г и н. Шанс?
Ч е с н о в а. Шанс?
А л и с а. Да, так и сказал. Подробности, говорил, потом – сглазить боялся.
Ч е с н о в а. Он сообщил, куда едет?
А л и с а. Для начала – в Москву.
Ч е с н о в а. А дальше?

А л и с а. Мне кажется, он хотел найти в Москве богатого друга. Многие так делают! Но вообще-то он не посвящал меня в свои планы.
К р ы г и н. А с кем он здесь... Не знаешь?
А л и с а. С кем спал, что ли? Могу точно сказать, что не со мной.
Ч е с н о в а. Значит, вы не знали?

А л и с а. Понятия не имела.
Ч е с н о в а. А что, у вас в коллективе много...
А л и с а. Голубых-то? Да я бы не сказала. О Тупикове доподлинно известно.
Ну и так ещё – слухи.

Ч е с н о в а. Любопытно. Мне всегда казалось, что на телевидении, на эстраде это не редкость.
К р ы г и н. Обижаете! Тем, что сравниваете с эстрадой.

А л и с а. На эстраде, может, и не редкость. Но мы-то к ним какое отношение имеем? Приедут да уедут. А вот Тупиков каждый день между школой и церковью пробирался как между Сциллой и Харибдой. Это он так говорил.

К р ы г и н. Ну, ты! Не погибай! А то вон товарищ следователь подумает, что мы тут против церкви. Оскорбляем, понимаешь ли, чувства верующих.
А л и с а (пожимая плечами). Хм...

К р ы г и н (Чесновой). Она вам больше не нужна?
Ч е с н о в а. Да пока нет, пожалуй.
К р ы г и н. Тогда пусть уходит. А то наговорит тут на статью. (Алисе). Иди, иди!

А л и с а уходит.

Ч е с н о в а. Ну что же, благодарю за содействие. И мне пора.
К р ы г и н. Всегда рад содействовать правосудию. Всегда!

Ч е с н о в а уходит. К р ы г и н встаёт из-за стола, начинает быстро собирать вещи – телефон отправляет в карман, бумаги заталкивает в портфель.

К р ы г и н. Вот уж действительно – не знаешь, под какую статью попадёшь. Чтобы жить в этой стране относительно спокойно, нужно быть или уж очень богатым, или уж очень верующим. То есть либо всех покупать, либо не соображать ничего. А нам-то, простым интеллигентам традиционной ориентации! Никто не скажет. Одни Сциллы да Харибды кругом.

Оглядываясь, уходит из кабинета.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Сцена представляет знакомое уже кафе. За столиками сидят посетители, время от времени появляются официанты с подносами. В левой части сцены за барной стойкой – бармен, с другой стороны – Ж о з е ф и н а. Рядом с баром – входная дверь. То и дело заходят или выходят посетители. Входят Ф у р с и к о в и Ч е б а д у х и н.

Ч е б а д у х и н. Кажется, наш стол свободен.

Садятся за обычный свой стол, делают заказ о ф и ц и а н т у. О ф и ц и а н т записывает, уходит.

Ф у р с и к о в. Итак, один убийца в могиле, другой дожидается суда. Кошелёк найден, следствие закончено.

Ч е б а д у х и н. Да, Марина великолепна! Оказалось, что ещё до эксгумации она стала подозревать Кичигу в би-наклонностях. Помнишь, она говорила про анализ поисковых запросов?

Ф у р с и к о в. Да, значит, уже тогда это было ясно.

Ч е б а д у х и н. Эксгумация всё подтвердила. А Кичига оказался кладезем биологического материала. Как и квартира его. Ну, ты меня понимаешь... Тупиков, можно сказать, наследил. Марине осталось только собрать его следы и сопоставить. К тому же он был последним, кто говорил с Кичигой. А потом вдруг исчез!

Ф у р с и к о в. Такого следствия больше не будет. Даже как-то жаль, что всё закончилось. Если бы Тупиков сразу рванул за границу, он, возможно, продлил бы удовольствие и вам, и себе. Но он пустился во все тяжкие по московским клубам. Кошелёк Бобровского сыграл с ним дурную шутку.

Чебадухин. Да уж, кошелёк изрядно похудел. А вот картой Тупиков только раз воспользовался.

Фурсиков (*усмехается*). Он и сам изрядно похудел.

Чебадухин. Пожалуй, впереди его ждёт продолжительная диета и серьёзные физические нагрузки. А ведь мог бы сейчас по Ницце гулять. Уже и билеты купил.

Фурсиков. Выходит, что пин-код он знал?

Чебадухин. Цепочка простая: пин-код он узнал от Кичиги, а тому сообщила Бобровская. Она-то хотела уехать с папиным кошельком и Володенькой по тому же примерно маршруту: Москва – заграница – далее везде.

Фурсиков. Ага. Москва – Кассиопея.

Чебадухин. Вроде того.

Фурсиков. Но для меня всё равно как-то не прояснилось: кто с кем и куда хотел уехать.

Чебадухин. По большому счёту – здесь и чёрт ногу сломит. Они, по моему, сами не знали, кто куда и с кем едет. Главное – бежать от себя. Тупиков уверяет, что они договаривались уехать с Кичигой, но Кичига, во-первых, не знал, как ему избавиться от влюблённой Аньки, а во-вторых, польстился на кошелёк. Порывать с Анькой он вроде бы не хотел из-за Бобровского. Боялся да и выгодно опять же. Но когда узнал про кошелёк, решил, видно, что и без Аньки обойдётся. А вот когда Тупиков услышал про Аньку, то всерьёз струсил. Свяжешься с убийцей – потом не докажешь, что ни при чём. Прогонишь убийцу – чего доброго и тебя укокошит, опыт есть. Вот он со страху-то и выпалил.

Официант приносит заказ, уходит. Следом за ним появляется подвыпившая Жозефина.

Жозефина. Скучаете, мальчики?

Чебадухин. Слушай, ты уже спрашивала. Сколько можно?

Жозефина (*садится к ним за стол*). Правда? Что-то не припомню.

Чебадухин. Пить надо меньше, чтобы память была.

Жозефина. А вы, что же, не пьёте? Что, совсем?

Чебадухин. Нам некогда – мы делом заняты. Чего, кстати, и вам желаем.

Жозефина. Не надо! Я – при деле.

Чебадухин. При каком это деле? Торгуете телом, мадам?

Жозефина. Во-первых, мадемуазель.

Чебадухин. Ну, извините!

Жозефина. Ничего, я не сержусь. А во-вторых, чем это я хуже других? Вокруг все и всем торгуют – родиной, детьми, жизнью. Даже смертью!

Фурсиков. И часто вам, к примеру, приходилось покупать жизнь или смерть?

Жозефина. Не часто. Но, торгуя любовью, я получаю возможность заработать на чью-то жизнь. Или смерть. Всё, как всегда, зависит от точки зрения.

Фурсиков. Это как?

Жозефина. Представьте, что я продам свою любовь одному из вас. А потом на вырученные деньги куплю себе жизнь другого из вас.

Фурсиков. Хотите сказать, что наймёте убийцу? Киллера.

Жозефина. Вы начинаете что-то понимать. Но это практическая сторона вопроса. В теории я на вырученные от проданной любви деньги могу купить себе вашу жизнь, а вам подарить смерть.

Чебадухин. Допустим, всё так. И что вы будете делать с жизнью одного из нас?

Жозефина. Наслаждаться кратким мигом обладания.

Фурсиков. Ого! Но вы же сами сказали, что этот миг краток. Стоит ли и затеваться?

Жозефина. В этой жизни всё скоротечно. Помня об этом, учишься ценить мгновения.

Чебадухин. И это говорите вы? Пьяная, извините, проститутка из дешёвого кабака?

Жозефина. Не извиняйтесь! Называя вещи своими именами, вы не можете оскорбить меня. Но даже если всё обстоит именно так, как вы сказали, это не означает, что толкнувшие меня на путь порока обстоятельства, могут помешать мне срывать плоды человеческих раздумий.

Чебадухин. Господи! В этой стране даже проститутки философствуют! Кому работать?

Жозефина. Протестую! Это не мешает заниматься делом. И потом, философия – развлечение бедных. Не отнимайте эту малость у тех, кто и так ничем не владеет.

Фурсиков. Вот очень хорошо, что вы об этом заговорили. Мы тоже, знаете ли, ничем не владеем. А потому купить вашу любовь не сможем. А ещё нам надо поговорить.

Жозефина. То есть вы намекаете, чтобы я оставила вас?

Фурсиков. Именно!

Жозефина. Что ж, с сожалением подчиняюсь. Но вынуждена признать, что нечасто здесь встречаются такие интересные собеседники.

Чебадухин. О! Мы польщены!

Жозефина нетвёрдой походкой возвращается к бару.

Фурсиков. Знаешь, а ведь эта торговка любовью (*Живает вслед Жозефине*.) не так уж и неправда. Только в список ходового товара она забыла добавить совесть и правосудие.

Чебадухин. Просто это товар по умолчанию. Именно с этих позиций и начинаются обычно распродажи.

Подходит официант.

Официант. Вам что-нибудь ещё?

Чебадухин. Разве только немного правды на закуску.

Официант (*широко улыбаясь*). О, это не к нам.

Чебадухин. Жаль! А мы было надеялись. Ну, тогда рассчитайте нас.

Оба достают деньги.

Фурсиков. И передайте от нас бутылку шампанского во-он той девушке в баре.

Официант. Жозефине?

Ф у р с и к о в. Совершенно верно.

Уходят. Ж о з е ф и н а провожает их взглядом.

Ж о з е ф и н а. Кругом одни сифилитики духовные. Как жить?

Занавес.

К 223-й годовщине рискованного эксперимента Эдуарда Дженнера

Как искореняли натуральную оспу

В мае 1980 года состоялась сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения (ВАЗ). Было официально объявлено о ликвидации натуральной оспы на земном шаре. Завершилась 22-летняя всемирная эпопея сотрудничества, начатая в 1958 году. Именно в этом году на XI сессии ВАЗ делегация нашей страны внесла предложение о ликвидации натуральной оспы в мире.

Программа включала следующие мероприятия. При появлении заболеваний натуральной оспой всему населению города, района, посёлка и т.п. предписывалось немедленно провести оспопрививание. Одновременно было необходимо принять срочные меры по изоляции и госпитализации заболевших, обработке очагов (дезинфекции), а лиц, контактировавших с больными, подвергнуть трёхнедельному карантину.

Дело в том, что существование в ту пору очагов натуральной оспы в Азии, Африке и Южной Америке представляло потенциальную угрозу развития эпидемий при ослаблении предохранительных мер. Даже, несмотря на эти меры, завоз натуральной оспы в страны, свободные от этой инфекции, регистрировался ежегодно. В период бурного развития международных воздушных сообщений и массового передвижения людей в связи с командировками, туризмом, миграцией проведение карантинных мероприятий становилось всё более сложным.

Благодаря полноте и высокому качеству вакцинации населения, натуральная оспа в нашей стране была ликвидирована уже к 1936 году. Однако с 1943 года из-за Второй мировой войны и ослабления мер профилактики в некоторых странах Европы вновь были зарегистрированы крупные эпидемии. Так, в 1943 году в Греции заболело 1219 человек, в 1944 году в Италии – 2878, в 1945 году в Италии – 3116, в 1972 году в Югославии – 175.

Василий ПОЛЯКОВ

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Не избежала завоза оспы и наша страна. Так, в конце 1959 г. – начале 1960 г. из-за единичного заноса в Москве было зарегистрировано 19 больных, а в апреле 1960 года – ещё один случай. Занос произошёл из Индии. В результате проведённых энергичных мероприятий противозидемического характера (изоляция 1496 человек, контактировавших с больными, и вакцинация 6,18 млн. человек) вспышка не вышла за пределы Москвы.

В настоящее время натуральную оспу изучают лишь по учебникам и энциклопедиям. Огромная заслуга в этом принадлежит нашей стране. Россия, являясь инициатором программы ликвидации оспы в мире, активно участвовала в воплощении этой программы. Наша страна безвозмездно передала в фонды Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) 1,5 млрд. доз оспенной вакцины. Медицинские учреждения России и специалисты из этих учреждений помогали организовывать и проводить национальные программы борьбы с оспой во многих странах (в Индии, Пакистане, Бангладеш, Эфиопии, Сомали и др.), в осуществлении лабораторной диагностики оспы и оспоподобных заболеваний, в налаживании производства оспенной вакцины в других странах.

Коллективные усилия учёных-медиков многих стран, их беззаветная преданность делу и уверенность в успехе привели к величайшей победе над оспой всего человечества.

А открыл способ специфической профилактики натуральной оспы выдающийся английский врач Эдуард Дженнер. Его личная заслуга перед людьми столь велика, что об этом стоит рассказать.

...17 мая 1749 года в семье священника Стефана Дженнера родился сын, наречённый именем Эдуард. С пяти лет мальчика воспитывал старший брат, так как родители рано умерли. В восемь лет Эдуард переболел тяжёлой формой натуральной оспы и чудом остался жив. В 13 лет он твёрдо решил стать врачом, чтобы активно помогать больным и страждущим.

Сначала Эдуард работал у хирурга Лудлоу, а затем стал учеником знаменитого Джона Гунтера (1728–1793) – анатома, хирурга, физиолога,

ботаника, дерматолога, эмбриолога и венеролога в одном лице. У обер-хирурга английского флота и английской армии было чему поучиться. В одном анатомическом музее он собрал 14 тыс. различных препаратов!

В 1770 году Эдуард вернулся в местечко Беркли графства Глостершир, на свою родину, с дипломом врача. Ему был всего 21 год.

В ту пору эпидемии натуральной оспы возникали в Англии довольно часто. В одном Лондоне ежегодно умирало до 3000 заболевших.

Хорошо образованный молодой врач, безусловно, знал древние способы предохранения от оспы.

Ещё 3500 лет тому назад в Древнем Китае было подмечено, что люди, перенёвшие лёгкую форму оспы, в дальнейшем никогда ею больше не заболевают. Страшась тяжёлой формы этой болезни, которая несла с собою не только неминуемое обезображивание лица, но нередко и смерть, древние китайцы решили искусственно заражать детей лёгкой формой оспы. Для этого на маленьких детей надевали рубашки взрослых больных людей, у которых оспа протекала в лёгкой форме. Иногда малышам в нос вдували измельчённые и подсушенные корочки оспенных больных. В некоторых случаях оспу «покупали»: ребёнка вели к больному с крепко зажатой в руке монетой. Взамен он получал несколько корочек с оспенных пустул. По дороге домой малыш должен был крепко сжимать их в той же руке, в которой до визита к больному он сжимал монету.

В Индии и на Аравийском полуострове содержимое оспенных пустул втирали в кожу туловища, рук и ног.

В IX веке арабский врач, писатель, астроном и математик Эль-Раза (Разес) для предупреждения заражения тяжёлой натуральной оспой со смертельным исходом предложил заразиться ею в лёгкой форме. Он переносил содержимое оспенных пустул от больных людей на кожу здоровых и добивался успеха.

В IX веке Константин Африканский дал натуральной оспе (чёрной оспе, «росе смерти», «моровой язве») название вариола – «переменница» (от латинского глагола *vario, age* – видоизменяться).

В 1713 году греческий врач Тимони, а в 1715 венецианский врач Пулярини стали предохранять от оспы, делая надрез на коже ланцетом, смоченным оспенным гноем.

Все перечисленные способы назывались «вариоляцией». Однако они были небезопасными по двум причинам. Во-первых, привитые нередко заболевали тяжёлой оспой и умирали. Во-вторых, при таком способе предохранения от оспы существовала опасность заражения и другими, менее распространёнными, но весьма тяжёлыми заболеваниями, например, рожей, или сифилисом. При неудачной прививке религиозные фанатики всегда спешили объявить это карой господней. Вот почему попытки вариоляции наталкивались на сопротивление и даже на откровенную враждебность людей, забитых и неграмотных, затуманенных религиозными предрассудками.

Дженнер знал обо всех перечисленных способах вариоляции, но упорно и настойчиво искал и другие методы предохранения от оспы. Переболевший оспой сам, он не мог остаться равнодушным к этому заболеванию.

Известно, что оспой болеет не только человек. У многих животных встречается группа острых заболеваний вирусной природы, генетически родственных натуральной оспе человека. Эти заболевания протекают с появлением на коже и слизистых оболочках у животных специфической папулезно-пустулезной сыпи, которая потом переходит в язвы. Известна оспа коров, лошадей, овец, коз, свиней, кроликов, птиц (кур, индеек, цесарок и других). Человек восприимчив к части этих заболеваний и может заболеть оспой коров, лошадей и овец. Чаще такие заболевания отмечаются у доильниц коров. Крестьянки могут заразиться коровьей оспой от соприкосновения с кожей вымени и сосков болеющих животных. Заболевание, однако, не приносит людям вред. После купоросных или свинцовых примочек язвы покрываются струпами, подсыхают и отпадают. Тяжёлых заболеваний, как при натуральной оспе, в

этом случае у людей не бывает. Никогда не бывает у людей и смертельных исходов от этих заболеваний.

В те времена, когда Дженнер приступил к врачебной деятельности, в странах, входивших в Великобританию, была очень распространена коровья оспа. Зоркий глаз и практичный ум народа давно подметил прелюбопытные закономерности. Доильщицы с оспинами на лице (следами перенесённой натуральной коровьей оспы) никогда не заражались и не заболевали коровьей оспой, даже если доили явно больную корову. С другой стороны, доильщицы, переболевшие лёгкой коровьей оспой в виде язв на руках, не заражались и не заболевали натуральной оспой человека, в связи с чем они не боялись ухаживать за больными людьми и даже стремились хорошо заработать (разумеется, если больные были из знатных семей и за уход и помощь денег не жалели). Все эти наблюдения передавались народной молвой не как установленные закономерности, а как страшные и поучительные истории из жизни отдельных людей.

Однажды, через три года после начала его врачебной практики, к Дженнеру за помощью пришла крестьянка из соседней деревни. В это же время в графстве Глостершир снова разыгралась эпидемия натуральной оспы. Оказав помощь, Дженнер заметил крестьянке, что ходить из деревни в деревню небезопасно – можно заболеть натуральной оспой.

– Правда, – сказал Дженнер, – я мог бы помочь, если ты согласишься на оспопрививание.

Крестьянка отказалась и показала свои руки. На них как раз были язвы коровьей оспы.

– С такими руками, – добавила она перед уходом, – мне нечего бояться.

Крестьянка ушла, а слова, сказанные ею, запомнились Эдуарду надолго...

– А что, если народ прав?

С того времени Дженнер всё пристальнее стал наблюдать за больными человеческой и коровьей оспой, вести письменные наблюдения за ними. Его интересовало всё: кто и когда заболел, кто и за кем ухаживал, когда появились высыпания, какой формы они были, кто заболел, а кто не заболел...

Многолетние наблюдения подтверждали народную молву. И у Дженнера зародилась идея: а почему бы не попробовать заражать людей искусственно, в виде прививок не опасной для жизни коровьей оспой, чтобы предотвратить у них заболевание натуральной оспой? Идея вызревала 23 года.

И вот 14 мая 1796 года в присутствии врачебной комиссии и приглашённых ею наблюдателей Эдуард Дженнер отважился на небывало рискованный по тем временам эксперимент. Вот как он описал его сам. «Для того, чтобы с большей точностью наблюдать за ходом заражения, я выбрал здорового мальчика (Джеймса Фиппса) около восьми лет с целью привить ему коровью оспу. Я взял материю с пустулы на руке одной скотницы (Сарры Нелмс), которая заразилась коровьей оспой от коров своего хозяина. Эту материю я привил на руку мальчика 14 мая 1796 года посредством двух поверхностных надрезов, едва проникнувших через толщу кожи, длиной около полудюйма каждый. На седьмой день мальчик начал жаловаться на боль под мышкой, а на девятый его стало немного лихорадить, он потерял аппетит, и появилась лёгкая головная боль. На следующий день он был совершенно здоров... Все болезненные явления исчезли, оставив на месте прививки струпь и незначительные рубцы, но не причинив ни малейшего беспокойства ни мне, ни моему пациенту. Для того чтобы удостовериться в том, что мальчик, над которым я

производил опыт, после этого лёгкого заболевания от прививки яда коровьей оспы был ограждён от заражения настоящей оспой, я произвёл ему 1 июля того же года инокуляцию человеческой оспы, взятой непосредственно с оспенной пустулы. Несколько лёгких уколов и надрезов были сделаны на его обеих руках, и материя тщательно вёрта, но какого-либо заметного заболевания не последовало».

Через пять месяцев Дженнер повторил инокуляцию мальчику. Результат был тот же: заболевания не последовало.

Данные последующих наблюдений невосприимчивости к натуральной оспе лиц, которым была привита коровья оспа, Дженнер опубликовал в 1798 году в Лондоне в статье «Исследование причин и действий коровьей оспы». В статье описаны ещё 23 наблюдения.

Дженнер сделал открытие. Он открыл способ предупреждения заболевания натуральной оспой.

Не все встретили сообщение Дженнера с восторгом. Многие учёные не признавали предложенного им способа, а невежественные недоброжелатели распространяли нелепые слухи, что у людей, которым привили коровью оспу, вырастают рога, лицо принимает коровий облик, люди теряют дар речи и приобретают способность только мычать.

Однако военные быстро поняли, какое благо преподнёс в дар людям Дженнер. С 1798 года этот способ предохранения от натуральной оспы стал применяться в английской армии и на флоте. Скоро его оценили и за пределами Англии.

Дженнер назвал предложенный им метод «вакцинацией» (от латинского слова *vacca*, *ae* – корова).

В 1800 году Э. Дженнер был представлен английскому королю. Через год Лондонское медицинское общество избрало его почётным членом и вручило Дженнеру выбитую в его честь Большую золотую медаль. Вскоре почти все учёные общества Европы избрали Дженнера своим почётным членом. В 1802 году английский парламент от имени народа наградил Эдуарда Дженнера премией в 10 тыс. фунтов стерлингов.

В 1803 году было основано Королевское Дженнеровское общество, пожизненным председателем которого стал Эдуард Дженнер. Целью общества было широкое внедрение вакцинации в Англии. При активном участии самого Дженнера за первые полтора года с момента основания общества было привито 12 тыс. человек. В результате смертность от оспы сразу понизилась более чем в три раза.

В 1805 году Лондон избирает Дженнера своим почётным гражданином и вручает ему отделанный бриллиантами диплом на это звание. Парламент вторично награждает его премией в 20 тыс. фунтов стерлингов.

В 1808 году оспопрививание по методу Дженнера вводится в Англии как обязательное государственное мероприятие. В 1813 году в Оксфорде Эдуарду Дженнеру была присуждена степень доктора медицины *honoris causa* (как символ почёта за выдающееся достижение, без защиты диссертации).

Метод Дженнера распространяется по Европе, а авторитет и слава учёного растут. С начала XIX века вакцинация по Дженнеру начала применяться во Франции, Испании, Пруссии, Австрии, Польше, России, Норвегии, Швеции.

Русская императрица Елизавета, жена Александра I, поощрявшая вакцинацию, послала Дженнеру благодарственный рескрипт и подарок: перстень с

крупным бриллиантом. По её приказу первый ребёнок в России, подвергшийся вакцинации, некто Антон Петров, был торжественно крещён в Петербурге второй раз и в ознаменование этого события получил новую фамилию – Вакцинов. Его воспитывали и лечили на казённый счёт и назначили ему пожизненную пенсию.

Во Франции официально содействовал оспопрививанию и приказал сделать его обязательным в армии Наполеон Бонапарт.

Есть упоминание, что однажды Наполеона попросили об освобождении английского пленного. Наполеон отказал.

– Просьба исходит от самого Дженнера, – заметила жена императора Жозефина.

– Ах, от Дженнера... Ему я не могу отказать ни в чём! – воскликнул Наполеон и без промедления подписал документ, предоставляющий англичанину свободу.

...Эдуард Дженнер достиг зенита своей славы. Но слава не изменила его. Он был и оставался благодарным и добрым человеком, а Джеймса Фиппса, «соавтора» своего блестящего эксперимента, любил как родного сына. В год двадцатилетия опубликования, в 1818 году, Дженнер построил на свои деньги и подарил Джеймсу Фиппсу дом.

Дженнер всегда много работал за письменным столом – размышлял, читал, делал выписки, писал. Так, за письменным столом, он скоропостижно скончался. Это случилось 26 января 1823 года.

Через 15 лет, в день рождения Дженнера, 17 мая 1858 года в Лондоне был торжественно открыт памятник великому англичанину.

Известен и французский памятник Дженнеру, сооружённый в городе Булони. Дженнер сидит на мягкой кушетке, на коленях у него мальчик. Обе фигуры напряжены, обе в движении. Ребёнок пытается освободиться, а мужчина властно и крепко удерживает его. Дженнер склонился к ребёнку, придерживает его голову своим подбородком, а тельце – ногами. Он крепко держит правую руку ребёнка и наносит ланцетом насечку на правом плече мальчика. Напряжение лица, бровей, губ, сосредоточенный взгляд, властная рука и скрещенные ноги мужчины подчёркивают усилие, с которым на наших глазах совершается важное научное открытие.

Созданная Дженнером вакцина против оспы оказалась первой противосспенной вакциной. Выступая на Международном конгрессе в Лондоне в 1881 году, Луи Пастер (1822–1895), французский химик и микробиолог, основоположник современной микробиологии и иммунологии, член Парижской академии наук, Французской медицинской академии и Французской академии «бессмертных», член-корреспондент (1884) и почётный член (1893) Петербургской академии наук, говорил так: «Не встречаемся ли мы здесь с общим законом, который применим ко всем вирусам? Мы вправе открыть этим путём вакцины против всех заразных болезней...» Пастер имел в виду вирусы с ослабленной болезнетворной способностью.

Гениальное предвидение уже вскоре было подтверждено наукой и жизнью. Несомненно, идеи Э. Дженнера сыграли большую роль в создании Л. Пастером учения о предохранительных прививках. Из уважения к Дженнеру и в его честь Л. Пастер присвоил название «вакцина» всем препаратам для предохранительных прививок от всех инфекционных заболеваний.

«Я придал слову “вакцинация”, – писал он, – более широкий смысл, чем это делалось до сих пор. Надеюсь, что наука сохранит это название в знак уважения к заслугам и огромным благодеяниям, которые оказал человечеству

один из самых великих людей Англии – Дженнер. Какое удовольствие доставляет мне возможность почтить его бессмертное имя...»

Последуем примеру Луи Пастера.

Совершив коллективную победу над одной из самых страшных инфекций, помня коварство этой инфекции, учитывая изменчивость микроорганизмов и вирусов и в связи с этим потенциальную возможность вспышек оспоподобных заболеваний, можно вместе с тем говорить о полном искоренении оспы среди людей в настоящее время.

Полное искоренение инфекции... Есть ли награда более высокая?

Мог ли врач и учёный Эдуард Дженнер мечтать о таком удивительном памятнике?

Жизнь за жизнь

Охотничий домик в горах располагался в ущелье, в котором небольшая горная речка несла свои изумрудные воды среди травянистых лугов и лесных урочищ. Склоны местами были отвесными, хотя и невысокими, но большей своей частью пологими, заросшими кустарником и травой. Горная гряда с вершинами, на которых до самого лета лежал снег, начиналась выше по течению.

Иметь свой охотничий домик было давней мечтой, и – она осуществилась. Выбор места он считал вполне удачным, ведь дом предназначался не только для нужд охотника, но и для отдыха всей семьи. Ещё пацаном ходил он по этим местам с отцом-егерем и хорошо знал весь его кордон. Тогда же отец обучил мальчишку всем премудростям охоты, и она стала увлечением всей его жизни.

Семья охотника – это жена и двое детей. Младшему сыну не было и года, и он только-только начинал учиться ползать. Они оставались в доме, когда отец семейства со своим сеттером уходил в горы за добычей. Собака ещё не освоила всех нужных навыков, но охотник терпеливо её обучал этому. В основном они тренировались на зайцах-беляках и куропатках. Но большую часть времени охотник всё-таки проводил с семьёй. Около дома он оборудовал манеж, в котором малыш ползал на свежем воздухе. На речке сделал запруду, и семья купалась в ней, когда позволяла погода. И, конечно, собака, как член семьи, тоже всегда была рядом. Она наслаждалась вольной жизнью, никаких ограничений типа поводка или цепи, конечно, не было.

В один из таких дней охотник обнаружил, что собаки нигде нет. «Куда она запропастилась?» Ни на свист, ни на зов псина не отзывалась. «Может, за зайцем погналась?» – подумал охотник и, взяв ружьё, отправился на поиски. Его опытный охотничий глаз подмечал все приметы того, что собака бежала быстро, явно преследуя кого-то. «Так и есть, за зайцем, конечно, гналась...» Пройдя ещё какое-то расстояние, он увидел собаку. Она

Раиса Анваровна Тлякова – родилась в Самаркандской обл. (Узбекистан). По профессии экономист. Сейчас на пенсии. Творчеством увлечена более пяти лет. Является Победителем VII Московского открытого конкурса-фестиваля духовной лирики и авторской песни «Вербохлест», лауреат нескольких литературных конкурсов. Имеет ряд публикаций в литературных изданиях.

Живёт в Москве и в деревне Владимирской обл.

лежала на земле, тело её было истерзано. Истекая кровью, она умирала. Он бросился к ней, та слабо вильнула хвостом, сделала последний вздох и замерла навсегда. «Волк! Здесь была драка...» Охотнику была ясна вся картина. Встреча с волком для собаки оказалась роковой. Он осмотрел место, нашёл следы, указывающие, куда уходил волк, и пошёл по этому следу. Но вскоре потерял его и тогда просто шёл и высматривал зверя. Его душила ярость. Потеря собаки – это больше, чем потеря помощника на охоте! Он потерял близкого друга.

Душа жаждала мести. И тут охотник увидел волчье логово. Он вскинул ружьё и осторожно стал подкрадываться. Из логова выскочила волчица. Ощерившись, она бросилась на охотника, но точный выстрел тут же свалил её с ног. За ней стояли три испуганных волчонка. И снова горы услышали три выстрела и короткий визг.

Всю ночь далеко по всей округе был слышен вой волка. Не спалось и охотнику. То ли волчье завывание не давало ему спать, то ли тягостная печаль по собаке лишила его покоя, – он не знал.

Наступило утро. Проснулись дети. После завтрака охотник со старшим сыном собирали конструктор, сидя в доме, младший сын ползал в своём манежике на улице, а жена сидела чуть поодаль от него и читала книгу. Внезапно раздался её истошный крик. Охотник выскочил на улицу и увидел жену, бьющуюся в истерике, заламывающую руки и кричащую: «Волк! Волк!» И тут охотник увидел убегающего волка, в зубах которого был его малыш. Он, в мгновение ока заскочив в дом, выбежал оттуда с ружьём и стал палить, но не по волку, а вверх и в стороны. Он не мог стрелять по зверю, потому что тот бежал петляя. Внезапно волк остановился и повернулся к охотнику. Их взгляды встретились. Ребёнок был жив и даже не плакал, он, наверное, думал, что это собака с ним играет. Волк держал его за стёганную ватную безрукавку. Все оцепенели, жена перестала кричать, охотник и волк смотрели друг на друга, и во взглядах было у каждого своё. В глазах охотника исступлённая мольба; в глазах волка можно было прочитать боль и укор. Охотник, не отрывая взгляда, стал опускаться на колени. Он положил ружьё на землю и оттолкнул его подальше от себя. Волк смотрел, а потом осторожно опустил ребёнка на траву и, повернувшись, стал уходить. Охотник оставался стоять на коленях, он плакал. А женщина бежала к сыну...

ПОЭЗИЯ

Алексей Юрьевич Сергеев – родился в Москве, на Плющихе, рисовал, служил, учился, занимался спортивным туризмом, ездил в фольклорные экспедиции, преподавал живопись; постоянный автор альманаха «Славянские встречи», член МГО Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Алексей СЕРГЕЕВ

«А я всё мечтаю...»

Русский Дуб

Поднимется ещё мой Русский Дуб,
Ещё не раз споёт ветвями в небе.
Он кряжист и могуч, совсем не груб –
Зимой и в Лето знойное при Фебе.

Тоска пройдёт. В конце земных веков
Пребудет он в Незримое влюблённым.
И встретит он Христа меж облаков
Святым и сильным, добрым и зелёным.

Монархия

Сокрыто в Боге таинство царей,
В прекрасных сказках – таинство царевен;
И путь земной цариц и королевен
Отмечен злом «народных» палачей.

Есть время быть, есть время слышать Глас
И выходить в поход, на эшафоты.
И лишь в когортах преданной пехоты
Вы счастливы и дороги для масс.

Народ и Царь... вот формула побед;
Вожди всегда находятся при царстве.
И в вожделенном нами государстве
Лишь на престоле зиждется Секрет.

И в Бытии невыразимых Сфер
Всё так и есть, и быть должно – подобно.
А в бездне извивает тело злобно
Царём Любви сражённый люцифер.

Натюрморт

Купола на одеяльце,
И деревья... Знать, зима.
Золотые мои пальцы,
И иконочка из сна...
Смотрит книжечка «Союза»,
Ножик рядышком лежит...
Это всё собрала муза,
И для духа сохранит.

Апрель

Апрель – он пасмурный, как всё людское море.
И просит искорки он маленькой в костре,
И чтобы дыбилося огнящее море,
Стреляя огненно по лопнувшей коре.
Играй, апрель – и запахи, и звуки
Запомнит покаянная душа.
Пусть возведут костёр иные руки,
Но гонка искр будет также хороша!

Вечер в конце октября

Где-то шумят электрички,
Замолчал одиноко лес...
Я бы по походной привычке
В этой данности исчез;
Я бы вышел там из вагона,
И, с такими ж как я,
У костра, в анораче прожжённом,
Думал бы про Иные края...
Ветер...
Вечер...
А я всё мечтаю,
Вспоминаю
Тех стоянок огонь.

Я теперь в основном взлетаю, –
 Рядом, видимо Конь...
 Осень, достославная Осень!
 Как же значим её приход!
 Разрешаются былые вопросы,
 Вспоминаются призванье и род...
 Я в квартире,
 За столом – преломляю
 Чувство
 В философию строк.
 Снова я себя обращаю
 На Исток...
 В тех краях, где все мы увидим друг друга,
 Уж не будет осенних дождей...
 Так что, кошку на марше неси, подруга, –
 Мы спасаемся вместе с ней!
 Смысл в том, что жизнь без похода
 На гниение обречена.
 А на верной дороге Исхода –
 Там Нездешняя песня слышна!
 Там летят словно птицы мысли,
 Они стаями над тропой...
 Мы уходим – в каком-то смысле
 Мы возносимся над толпой!
 И, пока мы по улицам бродим,
 Осознания золото берём.
 Но иной Красотой и Природой
 Мы тихонько живём
 Эта Осень...
 Шумят электрички...
 Что возмёшь, уходя Туда?
 Только некоторые привычки...
 Над Москвою – звезда.

Дачная осень

Над дачною крышей берёзы шумят.
 В лесу – необъятная россыпь опять.
 И редкий, пестреющий золотом лист
 Слетает под ветра осеннего свист.

Тропинка и посох, и кроны поют.
 И хочется в домик, в прогретый уют.
 А белая церковь стоит на холме,
 И счастье покоем гнездится в уме.

Но бег электричек заметнее стал.
 Я радостной грустью лот лета устал.
 И дождик, что с неба из туч зачастил,
 Моё расставание благословил.

Ранняя осень

Багрянцы Осени запомнились навеки
 И стали дороги заветными часами,
 В которых время созерцают человеки,
 И равновесие – владыка над весами.

Я приходил, бывало, в местности глухие,
 Где так живое и ждало, и обнимало.
 Шуршали травы и узорности сухие,
 И уж пестрело дорогое покрывало.

Я помню всё, и как сейчас всё происходит –
 Зной иссякает, и красою мирозданье
 В своё величие состоянием приходит,
 И отдых светлый предваряет засыпанье.

Под тенью крон, озолотившихся прохладой,
 Текущий воздух негой тёплой ласкает.
 Простой и яркою, и свежее усладой
 Собою всё покой парящий наполняет.

Гуляют в небе облаков лучистых груды,
 Былинки тонкие плывут, спешат лугами.
 И, как потоки золотой природной руды,
 Просёлки прячутся за ясными холмами.

По лесу бродят опустевшие тропинки,
 На ёлке маленькой – листочек одинокий.
 Блестят на веточках прозрачно паутинки,
 И всюду дух царит неспешный и глубокий.

Когда дохнёт голубизна порой на Землю,
 Слетают медленно мерцающие пятна.
 Стою восторженно, и внемлю, и приемлю,
 Как мерно шепчутся с землёй они, приятно!

И отдыхает всё в душе, и возникает
 Такое чувство, что к Истоку прикоснулся.
 И сердце словно колыбель свою качает,
 В которой я неизменившимся проснулся.

Я просто выпил крепкой жизненной настойки
И стал осознанней, умней и утончённей.
И нет нужды уже ни в гонке, ни в попойке,
А только чётче всё, правдивей и влюблённей.

О, это верная дорога! Излечила
Меня торжественная мира Сокровенность.
Меня любовь правдивой песне научила,
И в этой Правде оказалась жизни ценность...

Стоять, лететь или идти неторопливо –
Одно вокруг, красою полное, пространство.
Я в нём застыл и созерцаю молчаливо,
Благословляю чистоту и постоянство.

ДРАМА

Ирина ЛЕСНАЯ-ИВАНОВА

Ирина Лесная-Иванова – член МГО СП России, поэтесса, прозаик, драматург, литературный критик, кандидат философских наук, доцент, член Академии российской литературы, член Союза журналистов. Родилась в 1966 г. в Москве. В 1988 г. окончила Московский Государственный Педагогический Институт имени В.И. Ленина. В 2002 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Феномен времени в лирике Серебряного века» по специальности «эстетика». С 2002 г. преподавала в различных университетах Москвы и Подмосковья. За достижения в области поэзии награждена Золотой Есенинской медалью «За верность традициям русской культуры и литературы» и другими наградами. Автор книг поэзии и прозы. Живёт в Москве.

Последний монолог А. Шопенгауэра

(отрывок из произведения «Три философа,
или Сны Катерины Петровны»)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Шопенгауэр – немецкий философ.
Генрих – пёс мыслителя.

Катерина Петровна – гостья из будущего,
стройная блондинка, кандидат философских наук.

Бывший муж Катерины Петровны.

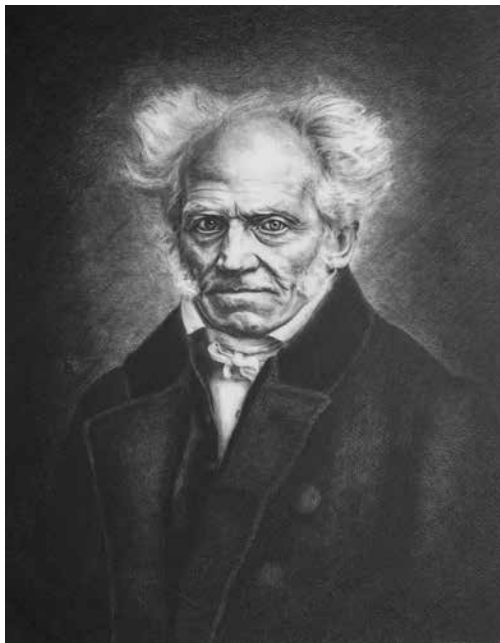
Действие первое

Квартира А. Шопенгауэра. Стол с бюстом И. Канта, с бюстом Будды, книгами, свечами, скромной едой, рюмкой и бутылкой коньяка. Шкаф. Кровать. В комнате Шопенгауэр и его пёс Генрих.

Шопенгауэр (*обращаясь к своему псу*). Генрих! Сегодня очередной день рождения моей идеи написать книгу «Мир как воля и представление»! Гениальную, ещё не оценённую по достоинству человечеством книгу! Жизнь моя клонится к закату, пылает вечерняя заря, а в комнате моей горит камин. Судьба сжалилась надо мной, даровав мне позднюю прижизненную славу, «круг преданных последователей», если их, конечно, можно так называть, но я не стал приглашать гостей. Это дорого, утомительно, к тому же я отвык быть в центре внимания. «Кто не любит одиночества – тот не любит свободы, ибо лишь в одиночестве можно быть свободным». Я люблю быть один, но этот праздник мы встретим с тобой, Генрих! Смотри, я принёс тебе сардельку, косточку и чистую воду. А себе я припас золотую согревающую воду. Это у нас, людей, называется коньяк!

Генрих! Я хочу выпить за мою маму! Это она родила меня, гения! Знаешь, Генрих, я часто обижался на неё, но потом, как Гефест, всё простил.

Я расскажу тебе миф о Гефесте, слушай, Генрих! Гефест родился хилым и хромым, его мать, богиня Гера отказалась от сына, сбросила с Олимпа в море. Но тут случилось чудо. Гефест не утонул, а был спасён морской богиней Фетидой, которая воспитала его как родного сына. Гефест рос на дне моря, обучался ремеслу кузнеца. У брошенного Герой ребёнка оказался необыкновенный дар. Все выкованные им вещи были прекрасны. Когда Гефест вырос, он узнал, что его настоящая мать Гера отказалась от него. Юноша попытался коварно отомстить богине. Гефест создал золотой трон и прислал его на Олимп как подарок Гере. Ничего не подозревающая богиня села на этот трон, и тут, о, ужас, оковы, которых раньше не было видно, появились из него, и Гера оказалась прикована к креслу. Да, да, Генрих, прикована так, что никто из богов не мог её освободить. Зевс послал к Гефесту Гермеса с приказом освободить богиню, но Гефест не выполнил повеление верховного бога. Тогда олимпийцы послали к нему Диониса, который напоил брошенного Герой сына и доставил его на Олимп. Выпив, Гефест подобрел и освободил свою мать. Да, Генрих, он подобрел, всё простил маме, освободил её и продолжил пировать на Олимпе. И мы с тобой сейчас на Олимпе духа, и я пью, как Гефест, и всё прощаю своей маме.

Мама! Мама моя воображала себя писательницей! Знаешь, Генрих, она постоянно что-то сочиняла, записывала в тетрадке, а потом собирала в дом кучу народу и всё это читала. После был ужин, сытный ужин для всех поклонников. Бедная мама! Она не могла поверить, что все хвалят её сочинения, потому что дальше идёт еда, вкусная еда, и именно публичный обед и ужин, а точнее, их организация, являются лучшими её творениями. Она бы страшно обиделась, если бы я сказал, что все мужчины, приходившие в дом слушать её сочинения, рассматривали на самом деле саму сочинительницу, раздевали её своими взглядами и думали только об одном, увы, совсем не о том, о чём она писала, а все женщины размышляли только о том, как бы обратить на себя внимание её мужа и завязать с ним пошлый немецкий роман или совсем отбить, ведь «жена не стена – можно подвинуть!»

Бедная мама! Она читала им свои творения и мечтала, что будет жить в памяти потомков. А жить в памяти потомков она будет только потому, что сын её (это я, Генрих, слышишь, это я!!!) гениальный учёный, которого несколько веков будут изучать в странах всего мира. Мама! Она меня не любила! Генрих! Мать не любила меня! (Обнимает собаку.) Не любила с самого детства, когда я так нуждался в любви! Знаешь, когда мать забеременела, меня отдали в чужую семью, я не видел маму целых два года, а мне было девять, потом десять лет. Именно в этом возрасте дети сильно нуждаются в родителях, особенно в матери! Я скучал, тосковал, хотел её видеть, но матери всё это было безразлично, она уже любила ту девочку, которая стучала ножками в её животе, она предвкушала её рождение, её явление в этот ужасный мир. Да, Генрих, я не оговорился! Ужасный мир! Уже тогда я понял это. Я понял это, а моя мать – нет. Она всегда смотрела на жизнь сквозь розовые очки и не хотела видеть правды, а когда я рассказывал ей об этом, она говорила: «Генрих! Ты пессимист! Ты мизантроп! Это невыносимо!» Зачем они с отцом вернули меня из той, чужой семьи, после рождения... зачем устроили всё это лицемерие? Они же не любили меня! Никто из людей никого не любит, Генрих, но при этом они лицемерно создают семьи. Забавно! «Когда люди вступают в тесное общение между собой, то их поведение напоминает дикобразов, пытающихся согреться в холодную зимнюю ночь. Им холодно, они прижимаются друг к другу, но чем сильнее они это делают, тем больше они колют друг друга своими длинными иглами. Вынужденные из-за боли уколов разойтись, они вновь сближаются из-за холода, и так – все ночи напролёт». Люди не любят и не понимают друг друга.

Отец никогда не понимал меня! Он хотел, чтобы я стал коммерсантом! Не понимал, что философия течёт у меня в крови! У меня особая группа крови, редкая, философическая, творческая, ибо «философия – это художественное произведение из понятий. Философию так долго напрасно искали потому, что её искали на дороге науки вместо того, чтобы искать её на дороге искусства». Мы, философы, творим картины мира, но, конечно, открываем в них людям законы мироздания. Но разве это понимал отец? Разве понимали это люди? Нас, философов, стремящихся облагодетельствовать человечество, указать людям выход из кромешной тьмы, эти неблагодарные, мерзкие, бессовестные людишки зовут сумасшедшими, выискивают подтверждения своим, крайне недалёким, тупоумным и злобным мыслишкам... «У толпы есть глаза и уши, но крайне мало рассудка и столько же памяти». Вот, Генрих, ты знаешь: мой отец умер при загадочных обстоятельствах, а все говорят, что он покончил с собой! А раз это суицид, то, значит, мой папа был сумасшедшим, а раз мой папа был сумасшедшим, то, значит, и я шизофреник! В их, человеческих, в их, слепых, глазах! Да, временами меня «охватывал по разным поводам страх: то я бежал из Неаполя из ужаса перед оспой; то покидал Верону из опасения, что мне подсунули отравленный нюхательный табак; то спал с оружием в руках и прятал в потайные углы ценные вещи из страха перед грабителями». Но это было следствие дальновидного ума, а не безумия, следствие слишком развитого воображения, которого у простых и злобных людишек просто нет и не было никогда! Его не было даже у моего бедного отца! Он ведь не мог вообразить себе, что я стану гениальным философом, а его, Генриха Флориса Шопенгауэра, будут упоминать всякий раз, пересказывая мою биографию! Он даже этого вообразить не мог! А мог ли он представить, что меня, нелюбимого его сына, в 1812 году удостоят звания доктора философии, в 1820 году дадут

доцента и право преподавать в Берлинском университете, а в 1839 году преподнесут премию Королевского норвежского научного общества за конкурсную работу «О свободе человеческой воли», а потом сам Рихард Вагнер, величайший знаменитейший композитор Германии, посвятит мне свой оперный цикл «Кольцо Нибелунга». Нет! Всего этого папа и представить себе не мог! И всё же я немножко благодарен отцу. Я плохо жил, потому что жил сердцем, и мне было больно пребывать в этом самом худшем из миров, но утешением было то, что я не сильно материально нуждался. Я «много путешествовал, особенно по Италии, которую обожал», хорошо кушал, пил вино. Жаль, что тебе нельзя пить, Генрих!. Я имел время не зарабатывать деньги, а читать любимые книги и учить иностранные языки.

Вот, Генрих, сколько иностранных языков ты знаешь? Ни одного, а я знаю их шесть. Я свободно владею немецким, латинским, английским, французским, итальянским и испанским языками. Генрих! Твой хозяин полиглот! Жаль только, что ещё не знаю собачьего языка! А то б мы с тобой прекрасно общались! Я бы научил тебя своей человеческой философии, а ты меня своей, собачьей! Впрочем, ты ведь хорошо слушаешь, значит, ты умный, всё понимаешь, только сказать не можешь. Ну, так слушай дальше. Я, Генрих, не только философии, но и коммерции обучался, а в январе 1805 года начал работать в конторе торговой компании в Гамбурге. И хоть мне не очень понравилось это занятие, а всё-таки знания, которые я считал для меня, философа, ненужными, пригодились. Да, да, Генрих, очень и очень пригодились, совершенно неожиданно. Когда «данцигской фирме, в которую была вложена значительная часть наследства моего отца, грозило разорение, я проявил практичность и деловую хватку» и не допустил этого. Спасибо папиным генам. Я сочинял философию как увлекательный роман, спасибо маминим генам. Даже непонятно, за что всё-таки родители так не любили меня, свою кровинку. Не любили! Так лучше честно сразу после рождения сдали бы в детдом. Лучше бы я умер там от голода и холода, чем слышать это: «Артур! Ты невыносимый нытик! Нам надо пожить отдельно. Ты уже взрослый, твоя чёрная меланхолия сведёт меня в могилу. Оставь меня, Артур! Займись своей философией, в конце концов». О, философия, истинная моя мама, жена, подруга, утешительница, сколько дней и ночей посвятил я тебе! О, поле философских мыслей, как старательно я вспахивал тебя, засеивал семенами идей, возвращал колосья философских концепций. Моя лучшая книга «Мир как воля и представление» казалась мне наградой за все пережитые несчастья и бедствия! Какую правдивую картину земного мира я нарисовал в тебе, какой выход из царства всеобщего зла хотел было подсказать человечеству, но разве люди купили мою книгу, разве стали её читать? «Любой ум останется незамеченным тем, кто сам его не имеет». Как сейчас помню эти страшные дни безвестности: книга «Мир как воля и представление»... вот мешки с её нераспроданным тиражом лежат у нас в доме, и я вижу, как желтеют и плесневеют страницы моего гениального творения. Воистину сказал Христос: «Не собирайте сокровищ на земле, где ... поедают их!» Тогда я поехал путешествовать за границу, чтобы заглушить боль от моего философского поражения. В Италии я часто ходил в театр. Там был так поражён игрой одной актрисы, что и за кулисы к ней проник, и познакомился. Очень даже близко. Ты знаешь, Генрих! Она была горячей, не только на сцене. Незабвенные страстные ночи, неповторимые яркие дни, и, увы, неизбежность расставания. Мы расставались любовниками, обменивались адресами, строили планы на будущее. Но за много лет она ни

разу не написала мне письма. Может, потеряла адрес? Я не осуждаю такую рассеянность, ведь и я сам все адреса теряю. Где она жила? В каком доме, на какой улице? Не помню! Какого цвета были её глаза, не помню. Помню их блеск, лучезарность. Помню, что нам было хорошо вместе. Италию помню, Венецию, Дворец дождей, крылатого льва помню, Флоренцию, Рим, Колизей помню, а её как бы и не помню вовсе. Да и зачем? Разве могли бы мы жить семейной жизнью? Для меня театр – развлечение, для неё – судьба. Для меня судьба – философия. В ней женщины ничего не понимают, потому что у них нет логики. Искал я женщин, заводил романы. С той поры всё больше с актрисами. Искал подобную ей. Не нашёл. Знаешь, Генрих, из всех девиц, которых я встречал на своём веку, самые глупые были актёрки. В их куриных мозгах никогда не рождалось ни одной самостоятельной, удивляющей мысли. Эти чванливые марионетки своих режиссёров заучивали роли, как попугаи слова, лучшие из них слегка правдоподобно рядились в чужие идеи и чувства, как вороны в павлиньи перья. При всём этом они не были добры. Единственным их собственным творчеством были колкие насмешки, которыми они за глаза осыпали окружающих, в том числе и своих поклонников. Кто знает, не смеялась ли потом надо мной и та актриса, горячая не только на сцене. Впрочем, она выделялась из их обезьяньей стаи именно умом. Но знаешь, Генрих, для женщины самостоятельный ум – это недостаток: он мешает ей быть послушной мужу. К тому же она была красива: красота для жены – тоже недостаток: много появится желающих в любовники, один-два да, добьются тайных свиданий. И ещё она была сверхталантлива. Театр являлся её призванием, а не средством заработка, он был её духом, её жизнью.

Целых три недостатка для семейной жизни: ум, талант, красота! Всё вместе так мешает осуществлению трёх «К», по которым удел женщины: Кухня, Kinder (дети), Kirche (церковь). У неё было три недостатка или три достоинства, кто знает? Но мы расстались. Мы расстались, Генрих! О, Генрих, Генрих! Если бы ты знал, что стоит за этим словом! По счастью, ты не знаешь этого. Я с тобой никогда не расставался, а подруги у тебя ещё не было. Мой верный одинокий пёс! Да, Генрих! Мы расстались, и я вспомнил о покойной матери, её увлечении сочинительством, и под Новый год пришёл в один из литературных салонов. Стихи, рассказы, музыка – всё там было, и я блеснул своими изречениями и раздарил гостям книгу «Афоризмы житейской мудрости». Наслушался всласть бездарных стихов и безголосых певиц, певцов, фальшивящих музыкантов. В общем, по горло был сыт самодеятельностью. Но там был один поэт. Мне запомнились его стихи об одиночестве: «Нельзя обнять даже кошки!» Я подумал, что ему ещё хуже, чем мне. Ведь я всегда могу обнять тебя, мой Генрих! Иди, ко мне, Генрих! Мой пёсик, мой красавец! Ты так внимательно меня слушаешь! Подойди ближе, я почешу тебе за ушком, я тебя обниму, облобызаю.

Делает жест рукой, похлопывая по постели. Генрих прыгает на постель. Хозяин ласкает его.

Тебе, Генрих, я рассказываю всё, тебе, мой любимый пёс, и больше никому. А ведь верующим христианам положено исповедоваться священнику.

Христос! Когда я последний раз был в церкви на исповеди? Уже не помню. В церкви тепло от свечей, а у нас дома холодно. (Гладит собаку). Согреваюсь, глядя тебя, Генрих! Но ты тоже замёрз. Давай согреемся!

Набрасывает на собаку одеяло. Сам кутается в плед и наливает в рюмку коньяк.

Жаль, Генрих, что тебе нельзя пить, а то ты составил бы мне компанию. *(Театрально чокается с собакой.)* За твоё здоровье, Генрих! Мой первый и единственный друг, мой лучший слушатель!

Знаешь, мой дорогой, я ведь читал лекции в университете, и меня слушали студенты, только их было мало. За глаза говорили, что я пессимист и слушать моё нытье невыносимо, а ведь картина мира, которую я рисую посредством своей философии, совсем не такая мрачная. Да, я говорил, что жизнь – это страдание, и объективация мировой воли в конкретных существах порождает борьбу из-за воли к жизни, чьё-то поражение и зло! Но ведь я говорил и о сострадании! **Сострадание, ограничение потребностей, ограничение своей воли к жизни ради воли к жизни другого – вот золотые зёрна моей философии.** Кто этого не усвоит, тот сильно пострадает, как пострадал я сам в этом худшем из миров. Разве могло это дойти до студентов, которые нагло переставали ходить на мои лекции уже после третьего занятия? Студенты! Эмбрионы! Разве они знали, разве видели настоящую жизнь? Они только слышали на истории про рабов на галерах, а я видел всё это собственными глазами! Конечно, Генрих, это были не рабы, но преступники, осуждённые к галерам. Это было в Тулоне. «У обречённых не было ни надежды, ни малейшего шанса на побег». Я видел их лица, затравленные, угрюмые, в которых погас всякий огонь жизни; их спины, иссечённые бичами; их руки, на которых вздулись жилы; их жалкие, грязные, вонючие лохмотья, едва прикрывающие тело.

Генрих! И я мог бы быть среди них! Ведь я тоже преступник! Я однажды нарушил закон. Но я откупился от полиции деньгами, а если бы им показалось мало? Что было бы со мной? И с тобой, Генрих? Кто бы приносил тебе сосиски, сардельки, гусиную печень и требуху? И здесь приходится экономить даже обеспеченным людям. Я знаю, Генрих, ты бы хотел мяса, а я бы хотел славы. Но ни славы, ни мяса нет, ни кухарки нет. Как после этого утверждать, что мы живём в лучшем из миров? Всюду жажда удовольствий! Богатые гедонисты, они хотели бы закрыться в своих дворцах, не видеть ни смерти, ни голода, ни болезни, ни старости, ни одиночества, а принц Гаутама из такого дворца бежал, чтобы найти истину, и нашёл! И поведал миру, что жизнь – страдание! И стал Буддой! Больше, чем принцем, больше, чем королём, основателем мировой религии! Когда я последний раз был в церкви на исповеди? Не помню! Где мои иконы? Где-то в комнате. Не вижу, а вот Будду вижу. Вот его статуэтка-то у меня на столе, рядом с бюстом Канта стоит всегда. Здесь, в моём доме, ещё гравюры собак! Смотри: их шестнадцать штук! Жаль, что нет уже денег сделать гравюру с тебя, Генрих! *(Гладит собаку.)* Ты красив как король, Генрих. Ты ласков, добр, ты чуток, вот, услышав мои похвалы, ты уже пытаешься облизать меня с головы до пят. Не надо, Генрих! Не надо обхватывать лапами мою руку! Что за вредная привычка! Я тебе не баба! Убери лапы! И нечего на меня обижаться! Ишь! Оскалился как! Не ворчи, пёсик! Я, между прочим, очень люблю животных. Люблю гораздо больше, чем людей! В 1840-х годах я даже стал одним из пионеров первых зоозащитных организаций. Но всё-таки я философ, а не зоолог! Видишь, Генрих! *(Показывает на бюсты, расположенные на столе.)* Это Будда, а это Кант, очень уважаемый мной учёный. Кант считал, что человек приходит на землю исполнять свой долг перед Богом и что долг и счастье две вещи несовместные. А я скажу больше: на земле вообще нет счастья! И глуп тот, кто не понимает этого! «Очень

часто и, по-видимому, справедливо утверждают, что весьма ограниченный в умственном отношении человек, в сущности – самый счастливый, хотя никто и не позавидует такому счастью». Кант считал, что разум провидит божественную цель и должен руководить человеком. А я скажу, что руководит всем мировая воля. Она слепа, непредсказуема, непостижима для ума, ведёт нас очарованием, а приводит к разочарованию и опустошению. Страдание длительно, а счастье – миг, следовательно, его и вовсе нет. Счастья нет, а долг есть. Уважаю Канта. А ты, Генрих? Уважаешь? Уважаешь Канта? Уважаешь или нет? Он, кстати, тоже не имел семьи, а кушал один раз в день! Очень уважаемый учёный. В отличие от Гегеля, этого злодея! Совершенно не понимаю, почему на его лекции студенты ходили толпами и даже приезжали из других стран! Это же злодей! Это же развратитель «сердец и умов!» Его диалектика разрушит мир! Но все студенты просто валом валили к нему, а мои лекции проходили в те же часы, Генрих, и их пришлось «отменить из-за недостатка слушателей!» Вот преступник, ещё больший, чем я!

А я? Что я сделал? Я только один раз слегка (слегка!) изувечил женщину и сразу попал в полицию. Что сделал? Мы повздорили на лестнице. Это была пожилая швея, обслуга. Она что-то не то мне сказала, я вышел из себя, толкнул её, злополучная баба упала, покатила по ступенькам, сломала руку и сообщила полиции, что я лишил её возможности «зарабатывать себе на жизнь». И меня присудили к денежному штрафу! «Выплатить пять судебных издержек, да ещё каждые три месяца, в течение всей её жизни, платить небольшую сумму (о, это для них она небольшая, а для меня-то большая и даже очень), *(Произносит, передразнивая судей)* небольшую сумму на её содержание». Когда я был в последний раз в церкви на исповеди? Кажется, когда умерла эта швея. Я вписал в её свидетельство о смерти «Старуха умерла! Ноша с плеч долой!» Это было хулиганство, кощунство.

Я исповедовался в том, что был рад её смерти, а это грех – радоваться чужой смерти. Но ведь это была не женщина, не человек, а сущая ведьма! Старая ведьма знала, что у меня есть деньги. Она знала также, что я бываю вспыльчив, если меня задеть, не сдерживаюсь в словах, пускаю в ход кулаки, бросаюсь на людей, как бешеный пёс! Она нарочно спровоцировала конфликт, подставилась, упала на ступеньки, думая получить синяк и пойти в полицию, а сломала руку. И поделом! Не рой яму другому – сам в неё попадёшь! Мы оба попали в яму, Генрих! Я выплачивал ей деньги, а она на всю жизнь осталась покалеченной.

О, деньги-деньги! Сколько новых книг на них можно было издать, сколько трудов Канта купить, философскую школу открыть! Почему я не сдержался! Почему не повёл себя, как джентльмен, которого ничто не может вывести из себя, который никогда не кричит, потому что у него есть пистолет, из которого джентльмен просто очень тихо стреляет!? Впрочем, будь у меня тогда пистолет, я бы уже сидел в тюрьме за убийство. Зачем я, философ, опустился до банального рукоприкладства? Зачем не проявил спокойствие и высокомерие? И с кем я связался, схлестнулся? С женщиной! Глупой, скандальной, меркантильной, ничего не смыслящей в философии. Да, в одном я каюсь, что не поступил, как Сократ, который не поднимал руки на жену, даже, когда Ксантиппа его била. Сколь мудр и дальновиден был этот кусачий овод иногда, а меня будто бес толкнул под руку. «Истинное самоуважение внушает нам отвечать на обиду полным равнодушием». Не я ли сам создал этот афоризм и поместил его в свою книгу «Афоризмы житейской

мудрости»?! Но как оставаться мудрым и хладнокровным, когда идёт жизнь и задевают за живое?

Но теперь старая ведьма умерла, и я перестал выплачивать ей деньги. Эти деньги пойдут тебе, Генрих. Я уже купил новую порцию сосисок, сарделек (*смеётся довольно*) и сахара, а также печёнки, селезёнки, бычьих сердец, новый галстук себе и новый ошейник тебе. Ты, Генрих, ощутишь всю радость жизни. Наши сосиски – самые вкусные сосиски в мире. А наш сахар самый сладкий. Служи!

Г е н р и х встает на задние лапы.

Вот молодец! На тебе кусочек сахару. Вот молодец! Служи! Вот, умница! Ещё два кусочка сахару. Дай, почешу тебе за ушком! Вот так и я в университете служил когда-то, только сахару не получал, так много, как ты. Маленькое всё же было жалование, да и от студентов никакой отдачи. Никто на мои лекции не ходил, а кто и приходил, разве из любви к философии? Нет, Генрих! Не из любви к мудрости ходили они на лекции и семинары, а чтобы получить зачёт и экзамен! Разве любили они философию так, как я, разве были готовы посвятить ей всю жизнь? Разве были у меня единомышленники? Нет, Генрих! У гения не бывает единомышленников, его не признают современники, гений живёт, творит для потомков, для будущего человечества. А нужно ли человечеству будущее? И нужно ли будущему человечество? (*Смотрит в шкаф*). Да, Генрих. Хотел ещё угостить тебя сахаром, а он закончился, да и колбасы нет. (*Смотрит на собаку*). Колбасы нет, а ты растолстел, Генрих. Ты растолстел до неприличия, а я тут схожу с ума, разговаривая то ли с тобой, то ли с самим собой. И о чём мы только с тобой не говорили! Обо всём! Только не коснулись ещё любви. Я старый холостяк, Генрих, да ты тоже, потому что ведь собака разделяет судьбу своего хозяина.

А что такое любовь, Генрих? «Любовь есть неудержимый инстинкт, могучее стихийное влечение к продолжению рода. Влюблённый не имеет себе равного по безумию в идеализации любимого существа, а между тем всё это военная хитрость гения рода, в руках которого любящий является слепым орудием, игрушкой. Привлекательность одного существа в глазах другого имеет в основе своей благоприятные данные для произведения на свет хорошего потомства. Когда природой эта цель достигнута, иллюзия мгновенно рассеивается... Женщина – главная виновница зла в мире, ибо через неё происходит постоянное новое и новое утверждение воли к жизни». И пока женщины будут рожать детей, человечество будет жить и страдать. И как только им, женщинам, объяснить, что рожать никого не нужно, ибо каждый новый ребёнок – это новое звено в страдании человечества, а человечество может совершить только один подвиг для всех остальных живых существ, перестать размножаться и естественным путём исчезнуть с лица земли. (*Генрих начинает выть*). Не плачь, Генрих! Вот тебе последняя сарделька. Прислуга отпросилась в гости к родителям, женщины в доме нет, и нечего есть. Да, не только зло от женщин, но и добро в порядке исключения.

Г е н р и х съел сардельку и заскулил.

Прекрати скулить, Генрих! Больше нет ничего. От твоего нытья у меня плохо с сердцем стало. (*Хватается за сердце*). Ох! И сердечных капель подать некому. Зачем я отпустил прислугу на выходные? И где вообще эти сердечные капли? Кашляет. И сердце! И горло! И насморк! И кашель! Кашель-то

какой гадкий! Как при воспалении лёгких. И где я только мог простудиться? Тут не прислуга, а сиделка нужна, желательно, с медицинским образованием. А ведь надо бы мне всё же жениться. Будет кому подать стакан воды. Прислугу рассчитаю, на сэкономленные деньги ещё одну книгу выпущу.

Надо жениться, но я ненавижу женщин! Ненавижу этих узколобых, ничего не смыслящих в философии созданий. А ведь без них нельзя! Вот плохо с сердцем, с горлом, с лёгкими, и некому позвать врача. Надо выйти на свежий воздух. Может, лучше станет. (*Отёр пот со лба*). И надо ведь познакомиться, поэтому Генриха нужно оставить дома, а то ведь он может напугать даму. Женщины боятся не столько того, что собака может их укусить, сколько того, что она может внезапно прыгнуть и грязными лапами испачкать их платье. Вот глупые создания! Но придётся с ними считаться, если захочешь, чтобы кто-то бесплатно подал тебе стакан воды и сердечные капли и не просил отпуска от домашнего хозяйства. Неужели всё? Конец свободе?

Ох, старость не радость.

Генрих! Оставайся дома! Не прыгай на меня! Сидеть, Генрих! Сидеть, ждать! Не скулить! Прекрати выть, говорят тебе. Я сосем ненадолго ухожу. Вернусь, приведу тебе хозяйку. Господин Шопенгауэр знакомиться пойдёт.

Ш о п е н г а у э р выходит на улицу, бредёт по направлению к парку.

Действие второе

Парк. Ш о п е н г а у э р, К а т е р и н а П е т р о в н а в изящном брючном костюме.

Ш о п е н г а у э р (*с некоторым удивлением*). Вы фройляны? Почему на вас брюки, и кто остриг вам волосы? Я понял: бандиты украли ваше платье, когда вы купались, и кто-то предложил вам свой мужской костюм. Какой странный костюм! Пуговицы не на той стороне. А волосы тогда кто остриг? Вы точно фройляны?

К а т е р и н а П е т р о в н а. Я фрау. Я из XXI века на машине времени прибыла сюда на научную конференцию. Я кандидат философских наук. Моя диссертация называлась «Феномен времени в лирике Серебряного века». А сейчас я пишу докторскую на тему «Феномен вечной женственности» и буду выступать здесь с докладом: «Мировая душа в философии и культуре Германии».

Ш о п е н г а у э р ничего не ответил. Он побледнел, пошатнулся, упал и сразу умер.

Действие третье

Наши дни. Московская квартира Катерины Петровны. Рабочий кабинет. К а т е р и н а П е т р о в н а пишет.

Г о л о с К а т е р и н ы П е т р о в н ы. Вернувшись через несколько дней в XXI век с научной конференции, омрачённой смертью А. Шопенгауэра, я написала в своём новом стихотворении:

*Шопенгауэр умер тихо.
Ничего не просил
У Бога.
Отгремело земное лихо.
В небеса поднялась дорога.*

Впрочем, уже тогда я поняла, что дальше сочинять бесполезно, так как век поэзии безвозвратно ушёл, и только наука может помочь нам обрести бессмертие.

К а т е р и н а П е т р о в н а встаёт, берёт с книжной полки книгу В. Кравченко «Соловьёв и София» и принимается конспектировать её, чтобы написать очередную статью для своей докторской диссертации. В комнату входит пёс, точь-в-точь похожий на собаку Шопенгауэра. К а т е р и н а П е т р о в н а смотрит на него удивлённо и видит, как пёс растёт и превращается в её бывшего мужа. Муж подходит к К а т е р и н е П е т р о в н е.

Б ы в ш и й м у ж К а т е р и н ы П е т р о в н ы (*проникновенно*). Ну что, Катя? Жена моя первая. Ты, вижу, меня забыла. А я всё помню.

К а т е р и н а П е т р о в н а кричит от ужаса и падает в обморок...

Занавес.

ПОЭЗИЯ

Инна МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – член Союза писателей России, лауреат многих литературных конкурсов, автор нескольких поэтических книг. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук. Живёт в Москве.

«Отражается в рифмах судьба...»

Отражение

Отраженье уходит в зенит,
Возвращаясь, как птица, на землю,
Будто эхо ответно звенит
И земные законы приемлет.

Отражается в рифмах судьба,
Откровения свыше от Бога,
И победная чья-то борьба,
И тернистая чья-то дорога.

Нашей радости светлые дни,
Наших горестей чёрные тени,
Притянулось к душе, как магнит,
Незаметное нам отраженье.

В этих вальсах осенней листвы
Отражается солнце и ветер,
И поверья, и шёпот молвы,
Ну, и что там ещё на примете.

Отражение – нам ли не знать,
Что посеешь, то далее будет.
Не сдержавшись, бушуем опять,
Забывая, обратно пребудет.

Край полынный, сердцу трудно
Без тебя вдали.
Даже праздники – как будни
Без родной земли.

Земляничные поляны,
Белоствольных свет,
А в низинках – туманы
Стерегут рассвет.

Поутру глаголют птицы,
Каждая – своё.
Птаха малая, синица
Трелит соловьём.

Соловей же, замирая,
Держит в горле звук,
Мою душу забирая,
Не сейчас, не вдруг.

Песней прежних поколений,
Там, где Плѣс и Дон,
Край полынный, дух нетленный
Берегут мой дом.

Гуси над Конаковским полем

Таинство русской природы
Музыкой чудится мне.
Майские дни на исходе,
Гуси летят в вышине.

Небо разрезали клином,
С юга на север стрелой
Гуси, как в сказке былинной,
Тянутся с юга домой.

Ждут их луга и долины,
С детства родные места.
Не променяют любимых –
Формула птичья проста.

Сердце за ними вдогонку,
Радостью плачет душа.
Таинство русской сторонки
В небо гляжу не дыша.

Песнь о берёзах

Берёзоньки, невестушки,
Серёжек перезвон.
Как о России весточка
Звучит со всех сторон.

Берёзоньки, красавицы,
Любовь и боль земли.
Так песенно печалиться
Лишь только вы могли.

Над травушками росными,
Где птица Гамаюн,
Лазоревыми вѣснами
Отчизне гимн поют.

Капустин Яр, Сары-Шаган

Ракетчикам-испытателям

Капустин Яр – не спит радар.
Он сторожит покой и сон.
Устал за сутки полигон.
Лишь солнца выйdet красный шар –
И оживѣт Капустин Яр,
И новых стрельб начнет отсчѣт.
И снова будет ратный труд,
Ракетный щит здесь берегут.
«Вонзает в землю» рѣв ракет
Но дело знает военпред.
Ракете – крылья, в том секрет.
Уходит ЗУР за горизонт,
По целям бьѣт, уверен он.
Он – лейтенант, он – капитан,
Полковник он в Сары-Шаган.
Твердыня поисков, побед
Ракетный щит на много лет.

И пророчества не надо,
И не надо укорять.
Жизнь – бесценная награда,
Понимая – принимать.
Всѣ вместила – боль и радость
И ушибы тѣмных дней.
Семицветьем ярких радуг
Есть всегда надежда в ней.

**Российский рок-фестиваль
в Завидово и показательные
выступления групп высшего
пилотажа «Витязи» и «Стрижи»**

Мумий-Тролль лабаёт рок на поле,
Рот разинув, слушает толпа.
Ведь охота пуще чем неволя,
Рок, он вам не кантри, не гопак!
Тишину разрезали на части
Новые шальные голоса,
И пугает этакое «счастье»
Наши конаковские леса.
Под кустами раньше было тихо,
Чтоб за дуру рокер не держал,
Укусила рокера змеиха,
Отправляют парня на вокзал.
Макаревич, Сюткин – это классно.
Вдруг от рёва вздрогнули леса,
Не пугайтесь, так пилоты-асы
Покоряют рок и небеса.
Это вам не шлягер под гитару,
Покачали крыльями «Стрижи»¹,
Друг за другом ввысь взмывают пары,
Заложили бочки, виражи.
«Витязи»² – рискованные ребята
Бреющим над матушкой землёй
Пронеслись небесные солдаты.
Ну, гуляйте! Мы ушли домой.

Мы бесприютны, ну так что же.
Мы сиротливы. Может быть.
Судьба, похоже, не тревожит
Желаньем пагубным любить.
Уходят ордена и лики
Побед сквозь пропасть неудач.
Кто был простым, кто был великим,
Едины в вечности, хоть плачь,

¹ Авиационная группа высшего пилотажа, летающая на МиГ-29.

² Авиационная группа высшего пилотажа, летающая на Су-27

Хоть смейся. Так смеяться будем
И сторониться суеты.
Кто нас поймёт, кто нас рассудит,
Не те ль, кто суетно пусты.

Когда Господь нас призовет
Держать ответ в его пенатах,
Мы будем только тем богаты,
Что в этой жизни отдаём.

ПАМЯТЬ

Неотправленное письмо

Дорогая моя, любимая мамочка!

Сегодня большой праздник – День Победы, и я пишу тебе письмо на «тот свет». Не думай, что я тронулась умом. Я помню тот серый летний день, словно природа также скорбела о твоей кончине, когда мы с отцом тебя хоронили. Как только соседские мужчины вынесли гроб из дома и поставили на табуретки, набухшее весеннее небо потемнело, грянул как салют в твою честь гром, и хлынул дождь. Твое мёртвое жёлтое лицо вдруг изменилось, заблестело, словно приветствуя последнее для тебя проявление земной жизни. А на кладбище земля, вынутая из могилы и возвышающаяся небольшим холмиком рядом, так размокла, что никто из присутствующих не смог бросить горсть земли на уже опущенный гроб, как положено делать. Лишь могильщики в кепках и лёгких рабочих куртках, промокшие и злые, стали быстро работать лопатами, чтобы скорее закончить «дело».

Зачем пишу, зачем беспокою твою бессмертную душу? Чтобы попросить у тебя прощения. Прости меня, мама, я очень виновата перед тобой, но поняла это слишком поздно, когда вызванная срочной телеграммой на похороны, стояла у твоего гроба. Нам никогда уже не быть вместе, никогда мне больше не обнять твои худенькие плечи, не заглянуть в погасшие полные неизбывной печали глаза. Я виновата, и это чувство вины будет вечно со мной, жала мое сердце. Будучи несмышлёной девчонкой, живя рядом, я слушала, но не слышала твои редкие рассказы о войне, не понимала трагедии твоей судьбы и судьбы людей военного поколения. Теперь каюсь.

Ведь я бежала от тебя в Москву, чтобы не стать похожей на тебя, поникшую, пропитанную «безнадёгой» до последней клеточки твоего уже начинающего увядать тела, с бледным лицом и запавшими глазами, видевшими нечто такое, что неведомо было мне, родившейся в переломный год войны. Тогда мне казалось, что у меня достаточно внутренней силы, чтобы бежать, вырвать

Анна МАЯКОВА

Анна Маякова – поэт, прозаик, переводчик, член МГО СП России и Союза писателей-переводчиков. Автор шести книг. Печаталась в литературных журналах и альманахах «Великоросъ», «Притяжение», «Литературная Республика», «Канатоходцы», «Муза». Дипломант литературного конкурса «Лучшая книга» 2013-2014 и 2015-2017 гг. Финалист Международной ассамблеи писателей (Варна). Награждена Серебряным Крестом и медалью Звёздная строфа. Живёт в Москве.

АННА МАЯКОВА

страдание из своего сердца и отбросить его прочь, словно камень, о который споткнулась на пути в новую счастливую жизнь. Прости меня, мама, я ошибалась – вдали от родных счастья нет.

Меня ужасает мысль, что ты врач, мобилизованная в самом начале войны, до последнего вздоха помнила ту страшную ожесточённую битву под Сталинградом, столкнувшую в смертельной схватке немецких фашистов, мечтавших о мировом господстве, и советских солдат, защищавших родную землю, своих матерей, жён, детей. Это была битва не на жизнь, а на смерть. Реки крови пролились, около миллиона наших солдат погибли, свидетелем чего стал Мамаев курган, над которым теперь возвышается статуя Родины Матери. Как-то в женский праздник, получив от папы в подарок духи «Красная Москва» в красивом матовом флаконе и будучи в приподнятом настроении, ты рассказала мне, как в Сталинграде в госпитале тебя настигла неожиданная любовь к контуженному молодому офицеру, которого ты лечила. Любовь короткая и трагическая, сопровождавшаяся стоном раненых, запахом нашатыря и крови. Подлечившись, любимый вернулся на фронт и, увы, погиб, но не погибла твоя к нему любовь.

Ты никогда не смотрела военных фильмов. «Зачем? Мне достаточно того, что я видела воочию, – говорила ты, тут же погружаясь в своё пугающее военное прошлое. – Никогда не забыть мне непрерывный ляг гусениц. Это танки шли для срочного ремонта на тракторный завод, на территории которого располагался наш госпиталь. Не забыть горящую Волгу – топливо разлилось, и немцы его подожгли. Пожары! Везде развалины, трупы и пожары! И «мессеры» кружили над нами словно ястребы, выскивающие свою добычу. Из пулемётов они обстреливали палубу теплохода, где лежали раненые, которых мы эвакуировали в Саратов вверх по Волге».

В положенное время ты родила меня. Это была твоя победа. Работать в госпитале, ухаживать за младенцем, не спать сутками – это было трудно. Но шла война, и трудно было всем. В сердце своём ты сохранила любовь, благодаря чему на свет появилась я, твоя дочь. Ты могла бы избавиться от плода – тебя окружали врачи, хирурги, но ты сделала это вопреки всему – войне, страданиям, ожидавшей тебя нелёгкой доле матери-одиночки, которую ты выбрала. По твоим рассказам, через пару месяцев я стала «дочерью госпиталя», со мной все нянчились, «агукали», с улыбкой передавали друг другу куколку в пелёнках, а полковник Петренко, возглавлявший госпиталь, шутил: «Теперь нам нужно подыскать жениха, «сына госпиталя»».

Демобилизовавшись, ты вернулась в только что освобождённый родной Орёл. Твоя сгорбившаяся постаревшая мать встретила тебя со слезами радости на глазах и с печальной вестью: отца, оставленного для подпольной работы, немцы расстреляли. Мы стали жить втроём в полуразрушенном доме: бабушка, нянчившая меня, и ты, наша кормилица-добытчица, устроившаяся на работу в местную больницу. После победы к тебе посватался вернувшийся с войны отставной майор, у которого вся грудь была в орденах-медалях, я любила играть ими в детстве. Помню его в военной форме без погон, которую он носил, не снимая, поскольку другой одежды не было. Он был простым сердечным человеком, работал сварщиком и иногда в шутку пугал меня своим рабочим «забралом» с синим стеклом, защищавшим его лицо и голову от сварочных искр и делавшим его похожим на инопланетянина. Жили мы славно, держали кур, кроликов, голубей, но с годами майор стал попивать, что тебя злило. Однако он был любящим мужем и заменил мне отца, от которого не

осталось ничего, даже любительского снимка, лишь твоя память. Нет! Осталась ещё я.

Ты часто болела, впадала в депрессию, лежала молча на диване, отвернувшись лицом к стене. Я девчонка школьница всем сердцем хотела тебе помочь, садилась рядом, гладила тебя по волосам, по спине. «Мама, мамочка, ведь ты говорила, что нужно быть вместе и в горе, и в радости. Ну, скажи же, что тебя мучит?» – спрашивала я с надеждой. Но ты, погруженная в своё военное прошлое, молчала. Кто посмеет тебя осудить?

Николаша, так ты называла папу, остался верен тебе до конца. Это он положил тебе на закрывшиеся навечно глаза два медных пятака, сказав при этом: «Пусть упокоится душа Татьяны. Она много страдала». Мамочка, дорогая, я люблю тебя. Пищу письмо, а слёзы льются и сердце болит. Почему же я не смогла выразить свою любовь, когда ты была жива? Прими её сейчас и прости...

Твоя дочь Анна, рождённая в войну.

ПРОЗА

Александр БРЮТТ

«Покаянные записки окаянной жертвы обстоятельств»

Все персонажи, все имена, места действия и события, описание личностей, мнения и мысли персонажей, образы мужские и женские в этом рассказе являются художественным вымыслом, и всякое и любое сходство и попытки угадать в них реально существующих людей и нелюдей (за исключением животных), и любое совпадение с возможными реальными событиями в жизни умерших или ещё живых людей, могут представлять собой вымысел самого читателя и чистую случайность и парадоксальное безосновательное совпадение, которые совершенно не требуют тщательного и ненужного анализа. Читателю следует обязательно учесть, что эти «записки» и впечатления обобщённых и уходящих натур российской жизни, абсолютно не совпадают с мнением и убеждениями автора.

Маленькое бриллиантовое счастье Альберта Петровича

Идёт Альберт Петрович январским, после-новогодним вечером через красивый парк. Не холодно. Морозец небольшой. Кустарники, деревья, лавочки, беседки, детские площадки и он – все припорошены снегом. Здесь в царские времена на месте этого парка было воинское кладбище. Может быть, оно называлось «Семёновское». Потом, в тридцатые годы двадцатого века, в сталинские времена, во время проведения индустриализации страны кладбище это закрыли по причине строительства крупного промышленного оборонного предприятия. Здание небольшой церкви на краю погоста не снесли, но внутри храма разместили какой-то небольшой заводик. Прах тех покойников, у которых остались живые родственники, был перенесён на другие кладбища. Остальные могилы остались здесь, но надгробия, оградки и кресты

Александр Брютт (Гниненко Александр Васильевич) – состоит в Московской городской организации Союза писателей России с 2005 г. Автор поэтических сборников, рассказов, текстов песен и музыки, исполнитель авторских песен (компакт-диск «Песни для друзей»). Состоит в Российском Авторском Обществе. Кандидат экономических наук, доцент. Творчество автора отмечено общественными наградами Московской городской организации Союза писателей России, Союза писателей-переводчиков, Союза писателей Евразии, Московской областной организации Союза писателей России («Золотая Есенинская медаль», орден «В.В. Маяковский», медаль «А.С. Грибоедов», медаль им. М.Ю. Лермонтова), юбилейными медалями, конкурсными дипломами (им. Ф.И. Тютчева, имени И.М. Рубцова и др.) Московской городской организации Союза писателей России.

Живёт в Москве.

были снесены, выровнены и засыпаны землёй. Но некоторые, особенно прочные надгробия с гранитными плитами и коваными оградками лет через пятьдесят вновь появились, вышли из земли на поверхность. Земля иногда как бы выталкивает на поверхность металлические предметы и крупные камни, и уже в восьмидесятые годы в этом тогда ещё плохо ухоженном то ли парке, то ли рощице можно было среди травы и около больших, высоких деревьев увидеть остатки кованых оградок и надгробий, на которых с трудом, но можно было прочесть имена упокоившихся, а может быть, и не упокоившихся после сноса могил, покойников.

Затем после буржуазной контрреволюции и реставрации капитализма в России, распада Советского Союза и отказа от коммунистической идеологии и коммунистических идеалов, в конце двадцатого века появилась Российская Федерация. Уже в двадцать первом веке ветер перемен вновь коснулся этого парка, бывшего погоста. В первое десятилетие этого века парк пережил ещё одну реконструкцию с дорожками, уложенными плиткой, небольшими парковыми фонарными столбами, беседками, скамейками, детскими игровыми площадками. Из церкви выселили заводик, саму церковь отреставрировали, восстановили купола, покрыли их золотом, возобновили церковную службу. Слышен колокольный звон. И теперь парк напоминает только парк. Не более того.

Чтобы пройти через парк по центральной дорожке, надо преодолеть метров триста. Вот и Альберт Петрович, немного «выпимши», идёт из «гостей», из дома, из квартиры, в которой он прописан и по сей день, и из которой, как говорят, его выперли с удовольствием и жена, и дочь. Идёт он оттуда, где прожил тридцать пять лет с женой (давно уже бывшей) и тремя детьми. Идёт на

квартиру сына, который разрешил ему там проживать, благо, что у него есть ещё квартира. Живёт Петрович, как ему кажется, никому не мешает. Бывшая жена Петровича после специально разыгрываемых свирепых скандалов, слушающихся чуть ли не ежедневно, через три года после его ухода, или вернее исхода, на другую квартиру вдруг смягчилась немного и стала приглашать его «в гости». Поесть супчик или котлетки. Но одновременно заводит разговор о том, кому он будет завещать свою квартиру, находящуюся в другом городе, и где его, Петровича, похоронить, когда он умрёт. А потом попросила пятьдесят тысяч под предлогом, что нужно помочь младшему сыну с выплатой очередного платежа по кредиту. Не поверил Петрович, не поверил. У сына свой успешный бизнес. Позвонил сыну. Оказалось, что он всё в срок оплачивает и в финансовой помощи не нуждается. Хотела бывшая жена размягчить его супчиками и развести на эти деньги. Денег не дал. «Долго она меня в гости теперь не будет приглашать на супчики», – подумалось Петровичу.

Идёт он, немного прихрамывая от давнишней теннисной травмы, по дорожке, под ногами поскрипывает снег, начинается лёгкая метель. Думает он, думает, вспоминает, и от воспоминаний как-то грустно на душе и тяжело на сердце. Нет, никакой обиды он не держит и не чувствует. Неожиданно посмотрел он себе под ноги и по-детски заулыбался... А под ногами-то бриллианты, россыпью лежащие на дорожке парка. Идёт он морозным вечерком, и разлетаются в мелкие бриллиантовые брызги осколки снежинок, как будто прилетевших из глубин космоса, и играют эти снежные бриллианты необычно яркими, манящими, чарующими искрящимися оттенками удивительного цвета. И вспомнился Альберту Петровичу примерно такой же зимний вечер, когда он, двадцатилетний студент, шёл на свидание к любимой девушке. И тогда, в тот неизмеримо далёкий и совсем-совсем близкий теперь в памяти зимний, слегка морозный вечер, падал снег и тогда такими же бриллиантовыми россыпями был устлан тротуар, по которому он шёл... Он шёл уверенным, дружинистым, напоённым или даже перепоенным тестостероном, шагом к своему счастливому, как ему казалось, будущему, и никакие преграды были ему не страшны...

«Какой я всё-таки счастливый человек, что замечаю эту красоту... и какие настоящие бриллианты могут сравниться с этими, пусть мимолётными, мгновенно тающими на вытянутой тёплой руке снежными бриллиантами, что может сравниться с этим чудесным явлением. Что ещё нужно человеку для счастья, пусть маленького, но счастья, а люди идут, топчут, не замечая эту вечную космическую красоту, этот дар», – размышляет Петрович, размышляет. И захотелось ему присесть на минутку на скамейку в парке, подставить лицо под падающие снежинки-бриллианты, закрыть глаза и мечтать, вспоминать только хорошее, вспоминать свою молодость, то давно прошедшее ощущение молодости в себе и уверенность в своём счастливом будущем... Присел Петрович на скамейку, присел. Хорошо, тепло, тихо и не хочется никуда идти, и медленно падают бриллиантовые снежинки на мечтательное, слегка улыбающееся лицо Петровича, и на его закрытые веки... хорошо, тепло и не надо никуда идти, и так здесь хорошо... И почудилось ему, что он легко расправил свои руки как крылья, медленно поднялся в воздух и, легко управляя своим телом, стал перемещаться в пространстве в любом направлении по собственному желанию. То легко поднимаясь вверх, пролетая сквозь кружащиеся и искрящиеся волшебным бриллиантовым светом снежинки над деревьями парка, то выполняя плавные зигзагообразные траектории.

От восхищения полётом захватывало дух. Вот он поднялся выше, увидел себя сверху, уже сильно припорошенного таким же, искрящимся бриллиантовыми искорками, снегом, себя сидящего на скамейке в парке. И тот, уже совсем другой-другой Петрович, тоже улыбался, но улыбка его уже носила оттенок грусти, усталости, отрешённости от всех забот, удивления и выражение невозможности что-либо исправить или изменить.

Летал Петрович, летал, сам удивляясь своим неожиданно открывшимся способностям, своему маленькому бриллиантовому счастью, поднимаясь всё выше и выше сквозь летящие снежинки навстречу тёмной, звёздной неизвестности. А внизу мелькали огни домов, ехали трамваи, троллейбусы, машины, спешили домой с радостью или по необходимости к любимым и нелюбимым жёнам, запоздавшие пешеходы. Вот и дом, где Петрович живёт. Внизу. Вот окно его комнаты, вот его кот сидит на подоконнике и смотрит наверх, чего-то ожидая. И показалось Петровичу, что кот его увидел и смотрит кот на него удивлённо, настороженно и с надеждой, что он вернётся...

